

A young man and woman are shown in profile, facing each other in a close embrace. The man is on the left, wearing a blue denim jacket, and the woman is on the right, wearing a dark, textured, possibly leather or fabric, outfit. They are in a forest setting with soft, diffused light filtering through the trees. The overall mood is intimate and romantic.

Игорь Сотников

**Фатализм без
фанатизма есть
судьба - 3**

18+

Игорь Сотников
Фатализм без фанатизма
есть судьба – 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73025892

SelfPub; 2025

Аннотация

Он и Она знакомятся при обычных для таких встреч необычных обстоятельствах. И у них находятся много общего. И это общее находится вне их, в этих обстоятельствах. С которыми они и собираются разбираться, чтобы найти... Может и друг друга.

Содержание

Часть четвёртая. Не сотвори себе кумира	4
С.с.соло.	
Глава 2	87
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Игорь Сотников

Фатализм без фанатизма

есть судьба – 3

**Часть четвёртая. Не сотвори
себе кумира С.с.соло.**

Глава 1

Он и она, и непреодолимые обстоятельства для знакомства

Кафе. За одним из столиков сидит молодой человек один на один со своим заказом, который не выделяется чем-то особенным, а он скорей стандартен для посетителя самого обычного кафе, предлагающего чашку кофе и своё свободное время препровождения за этой чашкой кофе, когда можно на это время остановиться от скоростного ритма своего существования, посидеть и даже может подумать над принципами своего существования и жития-бытия. Чему способствует, а может и нет неотъемлемая часть современного человека, его смартфон. Который и в данном рассматриваемом случае присутствует в руках этого, выскочившего на время из контекста непрерывно несущегося времени молодого че-

ловека. Вдруг решившегося забыть и забыть о том, что мир и его существование в нём, что бы он не делал и не отвлекался, осев в этом кафе, всё равно продолжает двигаться и вертеться.

Ну а этому молодому человеку и по личному совместительству типу современника, на всё это хоть бы хны, и другого, но такого же рода специализированного качества выражения, он отстранился от окружающего и с самым беспечным и простодушным видом погрузился во вселенную своего смартфона, который несёт ему удовольствие и радость. Вон он как время от времени заливается в лице смехом.

А веселиться и радоваться в одно лицо и одному, как-то не совсем прилично было только до недавнего времени, до появления как раз вот такого личного спутника и напарника в лице смартфона. Вот, наверное, почему, он себя так уверенно чувствует, совершенно не боясь того, что кто-то ему заметит на вот такой его эгоцентризм – сам ржёт, и никому о причинах своего ржания не рассказывает, идиот одно слово.

Но всему есть пределы и приходит конец, и молодой человек в один из моментов своего радостного времяпровождения за чашкой кофе и телефоном, вдруг спохватывается, и с этим памятливым толчком в сторону того, о чём он только сейчас почему-то вспомнил, когда как именно этот момент и заставил его завернуть в это кафе, что б под чашечку кофе, никуда не спеша, рассмотреть и изучить ... А вот что, то это как оказывается вынимаемый им из кармана куртки конверт.

Который он с некоторой бережностью вынимает и кладёт перед собой на стол. На совсем короткое время задерживает на нём своё внимание и возможно чуточку дыхания, и уже после этого священного ритуала берётся за его вскрытие.

Вскрыв конверт, молодой человек вынимает из него соответствующее этому носителю информации содержимое, лист бумаги, и после ещё одного короткого настроя и приготовления, погружается в его чтение. А вот что дальше начало происходить со смертельно побледневшим молодым человеком, в своём нервном проседании и растерянности выронившего из рук этот лист бумаги, вслед упавшего на стол, то объяснение этому кроется в этом листе бумаги.

Но со всем тем, что он в себе несёт и уже принёс, ни с кем и никогда не собирается делиться этот молодой человек, с каким-то остервенением и с жестом жестокости и отчаяния схватив его всей пятернёй до степени его смятости. После чего он подскакивает со своего места с несколько безумным видом потерявшегося и одновременно потерянного человека, кому не стоит перечить и не дай бог вставать на его пути, и начинает крутить головой по сторонам в поиске для себя выхода из того жизненного тупика, в который он был загнан так для него неожиданно.

И выход из пока что только этого заведения им вроде как находится, и он, действуя больше спонтанно, чем рассудительно, а это характеризуется некоторой рассеянностью и несобранностью в своих поступках, для свободы своих рук

начинает пихать в один из боковых карманов куртки смятый лист бумаги, и как это всегда бывает в таких впопыхах и на экспрессии случаях, он убирает лист бумаги не в карман, а мимо него. В результате чего лист падает на пол. Что, конечно, не замечается и не может быть им замечено по одной лишь причине, он бесконечно спешит и ничего вокруг себя и собой не замечает, будучи зациклен на том, что его так в себе вывело из себя и взбесило. А именно то, что содержало в себе это послание из смятого в последствии листа бумаги.

А это такое послание, что у этого молодого человека нет совершенно времени на оглядку своих прежних действий. И он всё здесь бросает, и выскакивает вон из кафе, что б... А дальше что будет и что он будет делать, даже он не знает.

А между тем всё произошедшее с этим молодым человеком не прошло мимо, и было замечено не одним только посетителем этого кафе. А в особой частности одной девушкой, и не потому, что она от природы сильно увлекающаяся необычными событиями и она любопытна, а потому что она была к нему (этому молодому человеку) более чем все другие люди здесь ближе по характеру отношений со временем и своей природой, а также потому, что столик с этим молодым человеком находился рядом с её столиком.

И от этой девушки практически ничего не проходит мимо из того, что происходило за столиком с этим молодым человеком. Который сперва её заинтересовал своим непосредственным поведением, где он так беззаботно и простодушно

радовался и удивлялся всему тому, чем с ним делился его телефон, а затем уже всем тем, что с ним произошло по итогу его прочтения этого письменного послания. Что было более чем удивительно тем, что это какой-то прошлый век писать и передавать послания вот таким физическим образом, когда есть мгновенный инструмент передачи сообщений через цифру.

И когда этот молодой человек повёл себя так разухабисто-экспрессивно, с долей небрежности и растерянности, которая и привела к потере им этого бумажного послания, то от этой сторонней только по географическим параметрам наблюдательницы, а так-то для неё с некоторого акцента этого молодого человека на собой прочитанное, где в нём так ярко проявилась сердечная боль и душевные чувства (есть, как оказывается, люди, которые живут не одним только рассудком, а они отдают должное в себе сердечным мотивациям), стало всё близко из того, что с ним связано. А как стало, то она все свои заботы в лице такого же мобильного аппарата в сторону отложила и принялась сопереживать всему тому, что этого молодого человека гнетёт и волнует, всё, всё за ним примечая (и эта потеря им смятого листа уж точно не могла пройти её мимо), став для него своего рода ангелом внимания и хранителем всех его потерь и промахов.

Так что то, что она, как ангел-хранитель во всех смыслах этого выражения, не могла всё так, на произвол ветра и чьей-то судьбы оставить, уроненным под стол, то это очевидно.

И ангел-хранитель этого молодого человека в один момент оказывается у стола этого молодого человека, здесь она поднимает до уровня своих глаз уроненное им послание и начинает судорожно соображать, что ей дальше делать с этой... может уже отслужившей свой срок бумагой, и выполнившего своё предназначение послания.

А вот чтобы всё это выяснить, нужно прочитать само послание. Но на это ангелу-хранителю никто полномочий не давал, и не будет ли её вмешательство воспринято в самом негативном ключе – не лезьте своим длинным носом туда, куда вас не просят.

А у ангела-хранителя не только не самый длинный нос, он только слегка целеустремлённый, а она, как ангел-хранитель, больше знает, что нужно и требуется взятому под свою опеку подопечному. И её вмешательство в его личную жизнь не есть никакое вмешательство, а это есть разъяснительная работа по предотвращению возможных осложнений. И вот это она и должна объяснить столь вспыльчивому на свои чувства молодому человеку, догнав его и вернув ему эту потерю. И взявшая на себя несколько самонадеянно функцию ангела-хранителя девушка со всех ног бросилась в погоню за этим молодым человеком. Который очень настырно и с долей успешности уходил от этой для себя неизвестной погони.

И его ангелу-хранителю, чтобы его догнать и выполнить взятую на себя миссию хранения и возвращения им потерянного приходится поспешать. И она поспешает настоль-

ко, насколько у неё хватает сил. Но этого всё равно недостаточно, и преследуемый ею беглец, не даёт ей ни шанса сократить между собой и ею расстояния, уходя от неё по красочно-светлым коридором торгового центра, где встречные и поперечные прохожие, всё сплошь состоящие из потенциальных покупателей, придают этой гонке жанр гонки с препятствиями.

А кричать вслед ускользящему от тебя молодому человеку: «Эй! Пойдите!», не только глупо, но и ни к чему не приводит (Что ещё за эй?! Да я специально не буду на это эй реагировать. У меня, между прочим, есть имя, Апанас Христофорович. А вот на него я так уж и быть откликнусь), и ангелу-хранителю этого молодого человека, вряд ли и это точно, что не Апанасу Христофоровичу (все Апанасы Христофоровичи выглядят более что ли многолико и монументально, а здесь одна ветреность и живая природа), нужно что-то более существенное придумать, чтобы его остановить.

И ангела-хранителя осеняет озарением, и она находит действенное слово, чтобы обратить внимание на себя этого беглеца.

– Человек с отчаявшимся лицом! Остановитесь! – вот такое вслед убегающему молодому человеку очень дерзко и громко кричит (надо понимать, что не только смысловая нагрузка, но и тональность сказанного имеет немаловажное значение) его ангел-хранитель. И что удивительно, уже правда это не совсем так кажется, она сумела до него докричать-

ся и он её услышал. А как услышал, то тут же остановился. Затем повернулся назад, что б с выражением недоумения и сомнения в себе посмотреть на ту, кто это кричал ему ли вслед. А как только он её обнаружил и убедился в том, что она, таким образом, пыталась до него докричаться, то он начал осмыслять это относящееся к нему выражение, принявшись трогать и ощупывать своё лицо и его выражение пальцами рук.

– Почему так? – обращается с этим вопросом к подошедшему ангелу-хранителю молодой человек.

А та ещё находится в запарке и не отдышалась, и ей нужна пауза, чтобы выровнять своё дыхание, а вот своё покраснение от всех этих ускорений так быстро не выправишь.

– Наверное, потому, что оно с признаками нервозности и волнения. – Даёт именно такой ответ ангел-хранитель, когда можно было сослаться на не знание имени этого молодого человека, вот ей и пришлось крикнуть в его сторону первое, что пришло на ум.

Но ею было так сказано, а им было так принято, и при этом на полном серьёзе, с желанием во всём этом разобраться.

– Неужели всё так безнадёжно? – в сердцах спрашивает молодой человек, затем на какую-то важную мысль в себе наталкивается, и он спешит предупредить ответ ангела-хранителя, сперва сказав: «Подождите», а затем, видимо заметив в её руках уже не такой скомканный, а расправленный лист бумаги, в параллель со своим к ней вопросом: «А поче-

му вы так решили?»», начал рукой ощупывать карман своей куртки на предмет нахождения там очень похожего на этот лист бумаги.

А Ангел-хранитель отличается большой проницательностью к своим подопечным, и она в раз просекла и заметила, что её подопечный в курсе своей потери, а для неё находки. И его последний вопрос на прямую связан с этой её находкой. И её ответ ему прямолинеен.

– Кто она? – прямо спрашивает молодого человека ангел-хранитель.

На что тот, посмотрев на неё через призму записки в её руках, даёт следующий ответ. – А мой ответ как-то на вас и ваше отношение ко всему со мной связанному повлияет? – спрашивает он.

– Не знаю? – пожимая плечами, отвечает она.

– Тогда и я не знаю. – Отвечает он. После чего следует небольшая пауза, во время которой каждая из сторон осмысливает всё ими сказанное, время от времени переглядываясь между собой на предмет соответствия собой надуманного и принятого для реализации его.

– Вы прочитали? – кивая в сторону записки в руках ангела-хранителя, спрашивает молодой человек.

– Да. – Даёт прямой ответ ангел-хранитель, не считая нужным и верным уваливать от честного ответа.

– А знаете, я не против. – Взяв себя за подбородок рукой, сказал молодой человек. И как вслед выяснится, то не от ба-

нального желания выговориться и поделиться своим горем, а у него куда как глубинней и обширней взгляды на деление между людьми конфиденциальной информацией.

– Вы у меня почему-то вызываете доверие. – Говорит молодой человек. А вот это уже интересно для ангела-хранителя, как она понимает, то её подопечный всё это признание в её сторону выражает не из чувства благодарности за её находку, а тут есть ещё что-то. И что, то она должна его послушать.

– Что, между прочим, есть системообразующая вещь. – Делает добавление молодой человек.

– Как это? – с удивлением и заинтересованностью спрашивает она, кому видно было, что любые знания не чужды, особенно, если их источником является заинтересовавшее её лицо. А если в тебе к кому-то возникла заинтересованность, то это не какая то свойственная натурам беспокойным и искателям приключений, авантюристам, а в данном случае авантюристке характерность, типа причуды, а здесь твоя природа сама за тебя всё что надо для тебя считает во встреченном человеке, сочтя его, как минимум, не лишним для твоего взаимодействия с окружающим миром, – на это указывает появившаяся к постороннему и в первый раз увиденному человеку симпатия (а ведь могла возникнуть и антипатия, и для этого причин всегда больше), – и всё без слов, и на основании только визуальной картинки, и выдаёт итоговый результат – иди с ним знакомься.

Вот она и знакомится с ним через во все глаза на него заглядывание и смотрение, плюс идя навстречу им сказанному, вот так живо интересуясь тем, что он скажет, даже невпопад.

И этот первый раз встреченный ею молодой человек, кому она дала со своей стороны столько авансов через желание его слушать и вернув ему его потерю (а вот этот момент спорный, может он подспудно хотел потерять источник информации о своей потере, который из себя и представляло это послание), с видом наполненности в себе самонадеянности и повышенной самооценки, которую даёт любой внимательный к тебе и твоим словам слушатель, пускается в пояснения своей слушательнице того, что для него элементарно, а для всех остальных, включая и её, нет. А почему так, то этого не нужно объяснять. Людей гениальной или талантливой, как минимум, институции, на раз, два и обчелся. И кое-кому значит, сильно повезло на такого человека вдруг наткнуться.

– А без нашего, хотя бы номинального доверия друг к другу, плюс к системе правил и их функционирования, как минимум, – с огнём и жаром во взгляде на свою слушательницу, которая теперь и сдвинуться с места не может, оказавшись в таких тисках теснения всего твоего я, начал палить глаголом молодой человек, у кого внутренней, не использованной энергии запредельное количество, и сейчас она нашла для себя выход, – известный нам мир, – здесь молодой

человек обвел рукой округу, – не существовал бы и не мог функционировать именно так, как он существует и работает. – Здесь и на этом месте молодой человек начинает искать в себе и вокруг себя нечто только ему известное, и скорей всего недостающую деталь для более крепкой убедительности им заявленного, и он это находит.

– Вот, к примеру, эскалатор. – Кивнув в сторону находящегося буквально в нескольких шагах эскалатора, к которому они с такой неожиданностью и незаметностью для себя приблизились (во как он умеет заговаривать уши и ситуацию вокруг себя), молодой человек с новым дыханием спустился в аргументации своей жизненной позиции, а скорей всего её постулирования. – Вот ответьте на самый банальный вопрос. – Обращается к своей слушательнице молодой человек, несколько озадачивая её этим вопросом к ней. Но он ничего вокруг не видит и соответственно не замечает неуместности своего вопрошания и напряжения своей визави, задавая этим вопросом скорей к самому себе, в качестве подтверждения своего утверждения, чем ещё для чего-то.

– Что нас не останавливает на пути его пользования? – а вот так звучит сам вопрос, заставляя собеседницу, а больше, конечно, слушательницу молодого человека, со всем вниманием и с долей настороженности посмотреть на эскалатор перед собой и начать анализировать это техническое устройство на предмет несомой им опасности. И если раньше она никогда и ни о чём таком не задумывалась, вступая в сто-

рону пользования этим техническим средством передвижения, то сейчас, когда на нём было зафиксировано её внимание с небезопасной стороны, то она задумывалась над своим прежним, определённо беспечном и безалаберном отношении к сохранности своего здоровья и может быть даже жизни.

Впрочем, она ничего такого несущего для неё опасности или какую-нибудь неисправности (едущие по нему люди вполне спокойно перемещаются с одного этажа на другой) не замечает, и тогда ей бы хотелось знать, чего добивался таким образом этот молодой человек, нагоняя на неё столько страхов. Неужели...? Но она в отличие от него не будет такой экспрессивной и поспешной, а подождёт, когда он сам всё ей объяснит.

И он будет объяснять, правда, как-то уж очень специфически, околично и изворотливо.

– Всё верно. – С такой победной патетикой это заявляет молодой человек, как будто с ним кто-то о чём-то спорил и настаивал на обратном, а он его сейчас переубедит своим аргументом. Чего в помине не было, и ему вообще никто не возражал. – Доверие к его разработчикам и создателям. – Вот чем он бьёт все ваши возражения. И для закрепления этого своего утверждения, молодой человек прямо требует от своей собеседницы согласиться с ним, и не просто на словах, а она должна к нему присоединиться и проехаться вниз на эскалаторе. А любые её возражения, в том числе по факту

– у меня знаете, есть и свои дела, и они находятся в противоположном от эскалатора месте (чёрт бы побрал этот эскалатор, теперь я на нём никогда не смогу ездить) – будут им восприняты, как её ему не доверие и главное, оппозиционность к его утверждениям.

И хотя она на всё имела свою точку зрения, и нечего тут ею манипулировать, она тем не менее решила, скажем так, не соглашаться с ним, а проявить в его и сторону его вот такой идейности рациональный подход, и на практике убедиться в том, что его предположения имеют своё право на существование, плюс он очень обаятелен и настойчив в своём стремлении быть для неё убедительным.

И она, ангел всё-таки хранитель для беспутного содержания и характера поведения для людей с горящим взглядом на вас, принимает это может и заурядного рода приглашение молодого человека, но оно так им обставлено драматично и с интригой, плюс с присутствием авантюры, то этот самый обычный съезд на эскалаторе превращается в некоторое приключение.

– Я поеду, но с одним условием. – Говорит она.

– Это ещё с каким? – искренне удивлён он постановкой условий первый раз им встреченной девушкой, которая, видимо по разнарядке его умственных размышлений, прямо-таки должна без всяких прикидок и рассуждений идти за ним хоть до края света. И всё без так называемых предварительных условий и причин для возникновения такого между

ними обоюдно острого и устраивающего договора.

– Я буду к вам очень внимательна, и даже не пытайтесь меня ввести в заблуждение. – Озвучивает она свои условия для принятия предложения молодого человека.

И хотя поставленные ею условия щадящие и в чём-то даже привлекательные для стороны их обращения, и молодому человеку нечего тут ерепениться и будет разумно сразу их принять, всё же его чего во всём этом не устраивает (ясно, что загордился и возомнил о себе не зная чего) и он, на этот раз сильно внимательно и изучающее посмотрел на свою визави, и сделал из её слов подстёгивающий её на удивительные и не всегда разумные поступки вывод.

– Вы считаете, что я на это способен? – может и не полностью обдуманно, но у молодого человека получилось задать с большим посылом и интригой вопрос ей.

И она, посчитав, что все вопросы улажены, и её попутчик в плане демонстрации своей простоватости и без хитростности достаточно был убедителен в доказательстве своей благонадёжности и ему можно доверять, всем видом показывает своему новому знакомцу, что она готова с ним проехать на эскалаторе. Но только после него. И тут джентльменство неуместно. Знаем, к чему оно ведёт при поездке на эскалаторе. Будешь всю поездку думать, что этот тип сзади тебя при поездке вниз выглядывает в твоей голове (у него что, претензии есть к моей причёске?!), а при поездке вверх у него кратно расширяются возможности для её предметного

обсуждения в кругу вот таких же как он господ-джентльменов, всегда верно про себя считающих, а вот про допустивших до себя их взгляды со спины леди, кого они так умело убедили встать к себе спиной и тем самым им довериться и положиться на их деликатность, они всегда самонадеянно на твой счёт неверно считают о степени твоей доступности и допустимости до себя.

– Я эту леди Гамильтон, если надо будет, то всегда поставлю на своё место, и она ничего с этим поделать не сможет. – Начнёт делать вот такие, не имеющие ничего общего с реальностью, фигурально осмысленные в другой конфигурации действительности мысли какой-нибудь новой формации джентльмен, сэр Пропер. Своим заявлением вызвав в клубе этого джентльменского сословия возбуждение психологического и физического порядка у представителей этого ценностного порядка. Кому для разгона крови по кровяным артериям как раз не хватало погружения в какую-нибудь такого рода пикантную и щепетильную ситуацию, в которых раз за разом оказывается везунчик сэр Пропер. Вокруг которого немедленно образовалось столпотворение из самых последовательных членов клуба, и давай, сэр Пропер, не тяни резину и дым из своей сигары так не спешно, а всё, всё, до самых мельчайших подробностей насчёт этой неприступной и вечно из себя строящей недотрогу леди Гамильтон нам рассказывай.

А сэр Пропер и не собирался ничего из собой замеченно-

го за этой несносной леди Гамильтон скрывать. Он просто с помощью этой кульминирующей паузы создаёт предпосылки для эффектной картинки своего рассказа. И как только все его слушатели начнут терять терпение от желания знать, что там было и произошло с этой сучкой леди Гамильтон (надеюсь, господа, вы меня простите за вот такую художественную подробность насчёт этой несносной леди, достала она меня, как и всех вас. Да, конечно!), сэр Пропер, выпустив дым в лица самых пронирыливых господ из числа джентльменов, расположившихся перед ним, и раз они твёрдо сидят на своём и сквозь слёзы в его стороны проявляют уважение и терпение, то он расскажет им, чем так интересна и поражает в такой близости воображение леди Гамильтон.

И начнёт с самой леди Гамильтон. – Господа, – вальяжно развалившись на кресле и закинув ногу на ногу, обратится к членам клуба холостяков и соклубникам по совместительству сэр Пропер, – Надеюсь, вам не нужно рассказывать, кто такая леди Гамильтон, и что она из себя представляет. Все вы её видели на приёмах в той или иной геолокации. – Здесь сэр Пропер сделал так необходимую для всех людей вокруг паузу, чтобы наполнить себя мыслями воспоминаниями о леди Гамильтон, и проглотить набежавшую слюну при её воспоминании.

А вспомнить на её счёт всем было что про себя во всех смыслах этого выражении. Так равнодушно для всех выглядела и притягивала к себе взгляд внимания и воображе-

ния леди Гамильтон. И то, что она оказала честь доверия сэру Проперу, совершенно этого не заслуживающего по единодушному мнению всех членов этого клуба, было беспрецедентного характера событие, с элементом передёргивания фактами действительности самим сэром Пропером. Кто ради хайпа и чего-то ещё такого на современном языке, всю эту историю с леди Гамильтон придумал, и сейчас им всем тут голову морочит. Правда, очень увлекательно и заслушаться, что никто пока что не высказывает вслух критические в сторону достоверности всего им рассказываемого замечания.

– Добавлю лишь одну немаловажную для будущего рассказа деталь. – Говорит сэр Пропер. – Леди Гамильтон возвела вокруг себя такую стену неприступности, что к ней ни с какого бока было невозможно подойти. И это притом, что они сами по себе очень объёмно-привлекательные.

А вот такие себе позволения упоминать физические подробности леди Гамильтон, даже в самом привлекательном качестве, может себе позволить и имеет право только человек самых высоких добродетелей и достоинств, кто юридически отвечает и берёт под свою защиту леди Гамильтон, а именно её супруг, в которых, как один из господ, а именно сэр Ланкастер, человек с каменным лицом и своими планами насчёт леди Гамильтон, как он это помнит, то сэр Пропер не числится. А это одно только значит, что сэр Пропер такими подробностями рассказа о леди Гамильтон наносит репутационный урон будущему мужу леди Гамильтон, кем

может быть любой из находящихся сейчас в клубе господ. И сэр Ланкастер попросил бы сэра Пропера быть сдержанней в своих высказываниях насчёт леди Гамильтон, которые могут нести такие издержки для пока что не названного лица.

Но сэр Ланкастер не попросил сэра Пропера об этой услуге. А не попросил он потому, что он учитывает сложившийся расклад людей требовательных к соблюдению приличий с одной стороны и желающих знать и к чему готовиться насчёт леди Гамильтон, в число которых и он также входит, но с одной знаковой поправкой, он хочет всё знать о леди Гамильтон единолично. А знать о том, что с леди Гамильтон так или не так, всем нужно не для каких-то праздных удовольствий и чтобы потрафить своему пакостному желанию насладиться своим воображением в сторону этой недоступной своему пониманию, до чего же своенравной леди, а у каждого из членов этого клуба есть надежды и предложения в сторону леди Гамильтон, где она их рассмотрит с положительной стороны. Так что сэру Ланкастеру будет вредно забываться, заявляя во всеуслышание о своём приоритетном праве на леди Гамильтон, как это будет сочтено, если он выскажет сэру Проперу претензию в таком ограничительном на пикантные подробности роде.

Так что сэру Проперу никто не смеет ставить заслоны и препоны в своём праве насчёт своей правды о леди Гамильтон.

– И знаете, господа, я не буду настаивать на своей какой-то

исключительности и важности для леди Гамильтон, которая впала на мой счёт в ошибку только благодаря всему этому, а всему виной, а может и благодаря этому, стал случай, который и свёл меня с леди Гамильтон вдалеке от всех тех правил и условностей, которые подчинили нас собой. И возможно по этой причине тоже, леди Гамильтон и повела себя так для себя несвойственно и необычно для себя прежней, заметив меня не с холодным выражением лица, а с милой улыбкой. – На этом месте памятливого для себя воспоминания, сэр Пропер взял и улыбнулся, и не для всех, а бл*ь, в сторону леди Гамильтон.

– Ну, уж это ты, братец, хватил и врёшь! – не выдерживают нервы, психика и лицевая статичность сэров, пэров и другого качества господ, гордящихся своей невозмутимостью и воспитанностью, но когда так откровенно выдают желаемое за действительное, то и в них просыпается возмутимость и негодование в сторону такого рода передергивания фактами, перетягивания на себя одеяла и другого рода игры ума.

Ну а для только чтобы сэр Пропер заврался окончательно, и его на этом фиксированном и полном подлого пренебрежения к их здравому смыслу и своей тяге к самолюбованию факте можно было подловить, все эти люди с благородством и со здравым смыслом при себе пока что, в отличие от некоторых зарвавшихся сэров, дают высказаться сэру Проперу.

А сэр Пропер, как это на него похоже, на всю катушку принялся пользоваться данным с их стороны авансом быть

выслушанным внимательно, и даже возможно быть принятым. Он, набрался в себе важности, надув щёки, и давай себе позволять заговариваться, выдавая и меняя местами реальность и свои фантазии. Впрочем, очень увлекательно и со смысловой и философской начинкой.

– Я, – с беспрецедентной напыщенностью и амбициозностью заявляет так о себе сэр Пропер, как о человеке из ряда вон выходящем (что, впрочем, недалеко от истины, сэра Пропера не раз выгоняли и выносили на руках из различных заведений из-за вот таких выходов), – с первого же взгляда на леди Гамильтон и её взгляда на себя осознал и понял, что не буду я самим собой, если не поставлю леди Гамильтон в самое уязвимое перед собой положение.

На что сразу же последовал гвалт возмущения и негодования со стороны перекошенных в ярость и так несвойственную себе невоспитанность и абьюз неизвестного для этого круга единомышленников и мышления слов.

– Это он о чём?! Это ещё что за положение?! Как вас, сэр Пропер, понимать?! Я вызываю вас на дуэль за такое порицание и оскорбление женского я леди Гамильтон! – вот так начали себя сторонить от подлого сэра Пропера и потрясать воздух общего и внутреннего сознания все эти господа зарезервированного на одном сознании своего привилигированного и недоступного для всякого быдла положения. Которое решил нарушить видимо не настоящий, а поддельный сэр Пропер. О чьей родовитости давно уже пора навести справ-

ки, и потребовать от него подтверждения своей избранности и допуска в высшие сферы математики и преподавания.

При этом все эти негодующие господа ничего с собой поделаться не могут в плане своей тяги к любопытству и заинтересованности в том, чтобы насытить себя излагаемым контентом сэром Пропером (вон в какие они по его милости дебри интеллекта уже забрели, изъясняясь с самими собой таким удивительным языком, ничего из употребляемых слов не понимая, но по сути догадываясь).

А сэр Пропер говорит вот о чём.

– Я сразу, по настороженному виду леди Гамильтон, смекнул, – с каждым своим манипулятивным словом (вон как он всю ответственность за свои злодеяния перекладывает на безвинную быть может леди Гамильтон) сэр Пропер усугубляет своё положение рассказчика около светских новостей, местами переходя границы допустимого, скатываясь в хроники бульварной прессы, усиливая нервозность в стане его слушателей, уже и не знающих, к чему им нужно быть готовым (ясень пень, к самым неформальным подробностям в плане описания отношений с леди Гамильтон сэра Пропера) и чему верить, своим инстинктам или завравшемуся в предел сэру Проперу.

А сэр Пропер всё же не такой остолоп, как все за него считают, а он сейчас верно и заодно смекнул, как раскалилась в себе и в разуме его слушающая публика, и он решил смягчить тон своего рассказа и значит отношений с леди Га-

мильтон, сделав оговорку, – господа, не беспокойтесь. Моя приметливость касалась не меня, а я заметил с трудом скрываемый испуг леди Гамильтон перед эскалатором. Судя по всему, как я почему-то решил из-за недостаточного и малого знания леди Гамильтон (а вот для чего это его признание, то этого никто не понял без прискорбия), то она ни разу до этого момента не пользовалась эскалатором, вот и имела на его счёт некоторые опасения. – Сэр Пропер вновь сделал насыщаемую своей мимикой лица художественную паузу, во время которой его слушатели должны были проникнуться его сложным положением, в которое его поставила леди Гамильтон демонстрацией своей беззащитности и женственности. Где он должен был в самое короткое время для себя решить наисложнейшую дилемму с леди Гамильтон.

Леди Гамильтон притворяется и хитрит, выдумав вот такую шутку на его погибель первого женоненавистника, коей репутацией он дорожит, это в одном варианте её понимания. И тогда не трудно предположить, чем этот расклад для сэра Пропера обернётся при его соответствующем джентльмену и человеку чести поведении. – Представьте леди, встретила я тут этого строптивного и неподдающегося только с его слов дрессировке женским интеллектом сэра Пропера, и знаете, кем он на самом деле оказался? – начнёт от души веселиться и подстрекать все знакомые из высшего света леди эта подлая леди Гамильтон, с напускным удивлением их вопрошая.

А все ей знакомые леди из высшего света такого рода ле-

ди, что они высокого мнения только о себе, а вот насчёт всех других людей они самого наисложнейшего мнения. И они всегда понимали и догадывались о том, что за их полной достоинства и благочестия репутацией скрывается и притом обязательно, какая-нибудь подлость и ущербность, а раз так, то ничего нет в том удивительного, что сэра Пропера оказался не тем человеком, за кого он себя выдавал. Но при этом они будут не против того, чтобы окунуться в самую грязь и пошлость подробностей скандального поведения и раскрытия себя сэром Пропером. Это что б на будущее не впадать в заблуждение насчёт сэра Пропера, иногда умеющим быть интересным собеседником и милым человеком.

Ну а чтобы леди Гамильтон почувствовала с их стороны поддержку в противостоянии с сэром Пропером, то все эти собравшиеся вокруг неё кружком леди, искренне выражают недоумение и изумление в сторону такого скрытного и таинственного сэра Пропера.

– И кем же?! – единодушно выражают изумление все эти леди, среди которых оказались и такие, кто в деле изумления пошёл так далеко, что они в лице потерялись из-за выскочившей на нём бледности, и при внимательном за ними наблюдении можно было предположить на их счёт самые недопустимые вслух мысли о том, что они что-то подобное о сэре Пропере давно знали, и при этом не понаслышке, а из личного общения. Которое плавно переросло в более близкое знакомство с ним, где бледность лица и лёгкие обмороки могли

быть самым прямым следствием вот такого их близкого знакомства с сэром Пропером.

Ну а то, что эти бледные в лице леди ничего вообще о своём знакомстве с сэром Пропером не сообщали, то они в отличие от пустоголовой и болтливой леди Гамильтон, умеют хранить тайны и их преобладающее качество, это скромность.

А между тем леди Гамильтон, получив для себя поддержку в лице невыносимо неприступных леди, готова раскрыть всем леди глаза на этого загадочного сэра Пропера.

– Как мной неожиданно выясняется, то сэр Пропер не такой уж и мужлан, а он очень даже обходительный малый. – А вот это уже перебор, и бледные леди не потерпят даже от леди Гамильтон таких обтекаемых со всем сторон выражений признательности к сэру Проперу. Они требовательно смотрят на леди Гамильтон и хотят знать, что она имеет в виду под своим утверждением, что сэр Пропер очень обходительный малый (с каких это пор вы, леди Гамильтон, себе позволяете такие фамильярности в сторону малознакомого ли для вас сэра?!).

– Прошу прощения, леди Гамильтон, – обращается к леди Гамильтон самая бледная леди, леди Стрит, – не могли бы вы пояснить для нас, что значит ваше, обходительный малый? – и с такой предвзятостью смотрит леди Стрит на леди Гамильтон, что теперь уже насчёт леди Стрит в головах леди вокруг возникают свои сложные комбинации насчёт большой пад-

кости леди Стрит на чувства, в первую очередь ревности. А это значит... Но об этом как-нибудь потом, и обязательно притом.

– Умеет он обходить условности. – С таким потрясающим цоканьем удовольствия сказала леди Гамильтон, что все теперь ей запредельно позавидовали, задвинув в самую тень всеми ненавистную леди Стрит, только о себе и думающую.

А если в другом случае леди Гамильтон честна и искренна с ним, то вот же будет с его стороны упущение в сторону такого идеала. И сэр Пропер, как игрок, решает рискнуть и всё поставить на то, что леди Гамильтон настоящий алмаз, высшей искренности и чистоты.

– Леди Гамильтон, не сочтите за дерзость, – обращается к леди Гамильтон сэр Пропер, – но я готов принять посильное участие в оказании вам поддержки. Вот моя вам рука. Можете всей пятернёй за неё взяться. – Протягивает свою руку леди Гамильтон сэр Пропер.

Что и говорить, а сэр Пропер умеет себя со всех благожелательных и героических сторон подать. И леди Гамильтон смотрит на него с восхищением, и всё же с некоторым недоверием к тому, что у сэра Пропера более широкие взгляды на оказание помощи ей. И у неё нет никакой уверенности в том, что он с первой её просьбы захочет отпустить её руку.

– Я знаете, леди Гамильтон, ничего данного мне в руки не выпускаю из своих рук. И с этим прошу считаться. – Вот так парирует сэр Пропер просьбу леди Гамильтон вернуть её

руку.

И леди Гамильтон, видя в сэре Пропере не меньшую опасность, решает подстраховаться.

– Благодарю за оказанную мне честь, – с лёгким поклоном даёт ответ леди Гамильтон, – но я к большому сожалению обещала свою руку другому, и я не могу поступиться своими принципами.

И, конечно, сэра Пропера крайне обескуражен поведением леди Гамильтон, и он сперва, и чуть ли не сразу, буквально не задохнулся от возмущения за такое коварство и свой обман леди Гамильтон, кто строит из себя недотрогу по самой банальной причине, она обручена (и за кем же? Вот только не за виконтом Носком. Прибыю этого слащавого гада), и при этот факт, перед ним, весьма занятым человеком скрывает (стал бы он тогда тратить на неё своё бесценное время), прекрасно зная, как относятся господа сэры к замужним буквально леди. В общем, манипулировала им своим не договариванием своего положения в свете и личной жизни, и обманывала. Так что то, что сэра Пропера настроился крайне негативно в сторону леди Гамильтон было её поведением инсценировано.

– Леди Гамильтон, я никогда не забываю, что я джентльмен. И никому не дам в этом факте сомневаться. – Многозначительно, с оскорблённым достоинством и жаром в глазах делает такое заявление сэра Пропера. Чем и склоняет леди Гамильтон к себе довериться.

– Я прошу прощение за то, если я чем-то вам оскорбила. – Склонив голову, говорит леди Гамильтон. – Я готова принять любую вашу помощь.

На чём и ловится леди Гамильтон столь мстительным сэром Пропером, приготовившейся было к тому, что сэр Пропер прикроет для неё опасность в лице эскалатора своей широкой спиной, да вот только леди Гамильтон не слишком разбирается и не понимает, что есть на самом деле джентльменство, за что собственно и поплатилась, пропущенная сэром Пропером вперёд.

– Тогда прошу вперёд. – Очень изящно пропускает вперёд прямо на ступеньки эскалатора леди Гамильтон сэр Пропер так, что она и ахнуть не успела, как оказалась на ступеньках эскалатора. Дав возможность сэру Проперу утвердить себя в том, что он умеет поставить леди Гамильтон в какую ему захочется позицию перед собой. – В данном случае, господа, не обессудьте, она всё это заслуживала. – И никто не спорит с сэром Пропером, узнав насколько коварна и хитра леди Гамильтон, скрывая от всех них такую жизненную подробность.

И теперь остаётся только одно узнать. Кто эта сволочь, которая увела от всех них леди Гамильтон?!

Сейчас же, в данное рассматриваемое время победившего прогресса и демократических начал, без чего не может быть самого прогресса и можно даже сказать больше, искусственного интеллекта – только при делегированном голосе

равноправия и свободы изъяснения, на принципах которых и стоит демократия, где нет привилегированных составных элементов и деталей входящих в состав прорывных технологий прогресса (это когда умная мысль превалирует над другими; в данном случае все мысленные предложения рассматриваются и принимаются), и возникает тот самый известный нам прогресс – никого и близко похожих на сэра Пропера не видно и не попадаетея на пути девушки известной нам как ангел-хранитель и пока что не её молодого человека, где последний, впрочем, повёл себя точь-в-точь как сэр Пропер, пропустив вперёд и тем самым поступив таким же образом, поставив лицом к лицу с опасностью свою новую знакомую (это по её мнению), а если рассматривать этот момент с его стороны, то он отошёл в тень значимости этой девушки, предоставив ей полную свободу воли и выбора в решении интеллектуальных вопросов современности. В частности рассмотреть не через его спину и интеллект встреченных людей на предмет личной сообразительности, а без этого препятствия на своём пути, открытым взглядом глядя впереди себя.

Но такого рода понимание жизни и её интеллектуальной составляющей приходит с большим опытом, коим, между прочим, также делится с ней этот молодой человек, дополняя её знания этой практикой, и ей не надо сильно возмущаться на то, что он с такой самонадеянностью и нахрапистостью выдвинул её вперёд проверять эскалатор на предмет

его технической исправности.

И она, собравшаяся было отречься от своего призвания быть для некоторых людей ангелом-хранителем их потеряшек, – даже себе под ноги смотреть не буду, а что уж говорить о том, о чём мне тут сзади настаивают, дыша в затылок, – как стоящий сзади от неё новый для неё знакомый сумел надышать ей в затылок оптимистичные насчёт себя мысли, разжигающие её любопытство. И она только по этой причине, своей склонности познавать мир со всех его ракурсов бытия, не будет закрывать глаза на встречных людей и на высказанное желание её проводника по этому новому миру, всё того же молодого человека, познать её психологический характер через обрисованную ею картинку встреченных ею сейчас людей, и выбора среди них того, кому она могла довериться, а кому нет.

И она в момент смекнула, чего таким образом добивается её спутник. – Ага, он хочет считать мой психологический портрет. – Рассудила она. – Мы познаёмся через своё отношение к людям. И я, высказав ему, кто мне видится человеком заслуживающим доверия, а кто нет, тем самым раскрою для него саму себя. Ловко, что и не говори. – Во всё лицо она усмехнулась, используя своё независимое положение по отношению к своему спутнику, стоящему за её спиной. И само собой она не смогла удержаться от того, чтобы для себя представить и разобрать некоторые ещё невыясненные моменты насчёт своего спутника.

– А как же я? – вдруг из-за её спины возникнет раздосадованный голос её спутника в ответ на её многочисленные характеристики данные встречным людям.

– А что вы? – деланно не поймёт она, чего тут хочет от неё её спутник.

– Я тоже хочу. – С каким-то жалостливым и просящим голосом вот так эгоистично говорит он.

И, конечно, она не собирается идти ему навстречу, сразу понимая его.

– Чего хотите? – недоумевает вслух она, про себя наслаждаясь всем этим моментом, где её спутник оказался на месте просителя.

– Что б вы составили и на меня психологический портрет. Так у вас это душевно получается. – Всё же до чего же хитёр и ловок этот её знакомый, ввернувший в свою просьбу такие льстивые слова.

Но она не собирается на всё это ловиться. Она ему так ответит, что он об этом пожалеет.

– Что ж, вы сами напросились. – Своим предупреждением она сразу столько страхов на него накатила. – Что можно сказать о человеке, кто не готов посмотреть глаза в глаза реалиям жизни, прячась перед ними за спиной первого встречного, а лучше первой встречной? – задаётся как бы риторическим вопросом она, делает выжидательную паузу, данную своему спутнику для того, чтобы он проглотил набежавшую от страха перед своим раскрытием труса и нытика слюну, и

как только посчитала, что добилась апогея нервного состояния от него, теперь задаёт ему тот самый знаковый вопрос, от ответа на который будет всё зависеть для стоящего за её спиной человека.

– Так как хотите выслушать на свой счёт правду, стоя к ней из-за спины, или глаза в глаза? – а вот тот самый вопрос, от ответа на который всё будет понятно за молодого человека. И компромиссные варианты – мне невозможно сложно обойти вас, придётся толкаться, может тогда вы сами ко мне повернётесь – тут не принимаются.

– Ну и что, есть какие мысли? – Все мысли-рассуждения ангела-хранителя в один момент перебивает её спутник, шепча ей из-за спины. И она вынуждена отбросить разбор своего спутника на предмет соответствия или не соответствия ему представляемому идеалу, и приняться за то, к чему он её подталкивал свои тёплым дыханием ей в затылок – быть последовательной, то есть последовательницей его авантюрных идей.

– Давайте не торопите и не перебивайте меня. – Выказала свою своенравность и чуточку строптивость характера она.

А он, что за непредсказуемая и удивительная личность, её ответ интерпретировал как ему хочется и не так, как ею подразумевался. – Значит, уже его заметили. – Вот такой вывод делает он. И само собой манипуляционный, раз она тут же захотела узнать для себя, на ком она остановила своё внимание, и по утверждению её спутника, видите ли, заметила.

И она начинает во все глаза смотреть и перебирать взглядом движущихся навстречу на параллельной ветке эскалатора людей. И что за закон такой подлости, она совершенно никого не видит из таких людей, кого мог иметь в виду её новый знакомый, тот ещё провокатор. И что тогда ею саму себя спрашивается, она должна ответить столь требовательному к ней её спутнику.

– Никого я не заметила. – Как-то рассерженно даёт ответ она.

И опять он её переиграл своей непредсказуемостью и манипулятивной тактикой ведения разговора. – Это значит, что вы на людей смотрите не предвзято, даже в том случае, когда вас к этому склоняют.

И вот новый вопрос для ангела-хранителя. Как ей реагировать на все эти его комплиментарные слова. Уж, наверное, точно, на него не сердиться.

– Вот же нахал. – Усмехнулась она. – Всё-таки сбил меня с мысли.

Но она не собирается сдаваться и двигаться в канве его планирования. – А что насчёт вас? Как вы смотрите на этот мир вокруг вас? – а вот этот вопрос она задала, глядя глаза в глаза своему спутнику, повернувшись в один момент к нему. Поставив того перед фактом вот такой действительности – в данный момент она представляет для него весь окружающий мир. И значит, её вопрос относился и касался её. А это та ещё интрига, и уже с её стороны большая провокация. И

посмотрим, на что его хватит и как он выкрутится из этой ситуации.

И ожидаемо ею её подзащитный (она почему-то так решила) растерялся и оцепенел на своём спрашиваемом месте, забледнев в лице. А что насчёт его бесстрашия посмотреть опасности в лицо, то и здесь она натолкнулась на его неумение быть прямолинейным человеком, если сказать предельно мягко, и он сразу начал отводить в сторону увиливания от прямого ответа свою голову, и не просто куда-то в сторону, а он, что за такая невозможно горделивая личность, принялся смотреть в сторону поверх её головы, и своим видом тревоги принялся принуждать её отвернуться от него, и не получив ответ на свой вопрос, так сказать, дать заднюю.

Но он не знает ещё, с кем связался. И она не отступит от собой задуманного, и будет ждать от него ответа столько, сколько придётся.

Что видимо и до него дошло, и тогда он в её сторону использует новый провокационный приём отвлечения её внимания.

– Я не смогу вам сейчас ответить на ваш вопрос. – Вот такое он ей заявляет.

– Это ещё почему? – язвительно удивлена она.

– Потому что мы приехали. – А вот это было ей непонятно. О чём она было хотела ему высказать, но он к её абсолютному изумлению демонстрирует в себе самые категорически ею неприемлемые по отношению к себе диктаторские и же-

ноненавистнические качества мужской доминанты, беря её в оборот своих крепких ручных обхватов, и ставя её перед фактом её действительности – я и только я буду решать, куда вам смотреть и что делать. Ну а то, что она была поставлена лицом перед последней, на выходе с эскалатора ступенькой, чтобы значит, ей не запнуться, то это всё всего лишь сопутствующий фактор случившегося и отговорки.

Ну и когда они вышли с эскалатора, а она, между прочим, едва не задохнулась от возмущения и только самую чуточку от падения сердца в самую бездну себя от так неожиданно встречной опасности – упасть на пол, споткнувшись об свой эгоцентризм, то как-то уже не к месту и не ко времени было решать все те вопросы, которые решаются при поездке на эскалаторе. А сейчас они единодушно смотрели в сторону выхода из этого здания, а именно на свежий воздух, и на вон ту скамейку в обрамлении обаяния лиственных деревьев, пока она ещё не занята.

– Займём? – задаётся вопросом он.

– А как же. – Соглашается она, хитро так смотря на своего спутника.

А вот с чем связан такой по разному можно принимать и понимать её в нему внимание через взгляд, то вам даётся время на этот счёт подумать. А пока что они выдвигаются в сторону занять эту скамейку и на ней перевести дух от стольких навалившихся за одну или две минуты событий.

И как не неожиданно случается, то по их выходу из здания

торгового центра, и затем выдвижения по направлению свободной скамейки, у каждого из них возникает пока что интуитивное чувство несущейся с чей-то стороны опасности на счёт этой скамейки. А если более понятно и буквально, кто-то со стороны имеет такие же как и у них взгляды и планы на занятость этой скамейки. Что не так уж страшно, если бы не одно но. У этой посторонней стороны есть преимущество перед ними, он или она находится ближе к этому итоговому для себя пункту назначения.

– И кто же он (она)? – одновременно задались этим вопросом молодой человек и его ангел-хранитель, не нужно пояснять в какой идентификационной модели, принявшись искать по сторонам источник этой для себя и своих ног опасности.

И она, как оказалось, была найдена. А как была найдена, и притом ими обоими, то почему-то только у него этот момент вызывает ироническую усмешку, со своим провокационным вопросом к своей спутнице.

– Как думаете, почему всегда на пути к своему счастью...или хотя бы к цели, всегда возникает препятствие в лице красивой девушки? – с нескрываемым ещё и иронизированием над складывающейся ситуацией, непонятно чего добиваясь и на что подначивая (хочет, что б я побежала и опередила ту стерву), такую провокационную вещь выдаёт молодой человек. Прямо сбивая её с хода мысли и ровного дыхания тем, что он явно специально сделал акцент на кра-

соте их, и получается, что и на её конкурентке. – А я что, не красивая что ли?! Или сравнительно и относительно так себе по сравнению с той дамой? – переполняет её возмущением и негодованием. И пока он ей не объяснит, что это его изречение относится в первую очередь к ней – да, вы очень догадливы, ведь именно вы своим ко мне вниманием и конечно, личной красотой, сбили меня с прямого пути упасть на самое дно, или прямо в петлю – она с места не сдвинется.

Ну а то, что она до сих пор двигается и не останавливается, то для объяснения этого удивительного феномена есть два момента. Она движется по инерции, и второе, она не собирается в своей сообразительности уступать кому-то бы ни было. И лучше она, сидя на скамейке, примет своё относительное поражение на вот таком личном фронте, чем будет обманута, будучи поставленной перед фактом вот такой вероломности и ветрености некоторых людей, кто ещё заверял её с пиететом о своём возникшем к ней доверии. Когда сам не отвечает заявленной для него важнейшей характеристики человека, на которой держится и систематизируется этот мир.

Ну а чтобы у этой появившейся и не пойми откуда конкурентки на место на этой скамейке не осталось ни единого шанса и желания встать на пути к своей цели у ангела не её хранителя, она с очень грозным и несущим в себе опасность самого драматического характера, вплоть до рукоприкладства, смотрит на неё физически отталкивающим взглядом.

И та, что удивительно, обнаруживает такое к себе повышенное внимание. А как только обнаруживает того, кто так относится к ней, то с пониманием относится к этой ненавязчивой просьбе со стороны. Правда только после того, как она оглянулась по сторонам и не обнаружила там никого, кто мог бы оказаться на месте того человека, кого так хотят стереть в порошок.

И, пожалуй, для пушшего эффекта не хватало одного. Свиста со стороны ангела-хранителя, имеющей в себе столько возмущённого воздуха, который через пальцы рук, вставленные в рот, очень звучно выходит и подгоняет вон отсюда всяких нежелательных личностей.

И вот они, благодаря усилиям ангела-хранителя в том числе и уставших ног своего спутника, располагаются на скамейке с вытянутыми ногами, и теперь можно наслаждаясь отдыхом и природой, предаться мыслями о своём личном и общественном бытии. С чем видимо лучше всего справлялся молодой человек, не забывающем о высоких материях, но при этом забывающем о самых бытовых вещах. Например, о правилах воспитания, так и не спросив об имени своей спутницы и ей не представившись. И то, что характер его рабочей деятельности предполагает вот такую именную не представительность и инкогнито неизвестность, то что-то во всё такое не очень верить. А вот то, что он обалдуй, то это ближе к его правде.

– Но всё это общие, без обязательств жизненные факто-

ры. – Берёт слово он, и для неё как-то очень непонятно.

– Вы это о чём? – спрашивает она.

А вот этот её вопрос, самый обыденный и без скрытых смыслов, почему-то заставляет его потемнеть в лице от набежавших мыслей. И он вновь в лице вернулся к той отчаянности, с которой он порывал послание и пытался убежать от настигшей его действительности. Что пугающее для неё зрелище. И она ничего не говорит, и ждёт, когда он выскажется.

А он, побыв некоторое время в бездне своих мыслей, выходит из этого погружения, смотрит на свою соседку по скамейке, и задаёт ей вопрос:

– А вот если вы дали обязательство кому-то быть всегда с ним, – он кивает в сторону аллеи, на которой прохаживалась влюблённая друг в друга пара, – то это разве не предполагает высшую степень доверия и расположения друг к другу?

– А если чувство безответно? – парируя его ответ, задаётся очень неожиданно таким вопросом она, не сводя своего запредельно искреннего, требовательного и с долей отчаяния взгляда с него. От которого тому не отвернуться и не прикрыться любыми видами своего отвлечения, даже самыми резонными отговорками, я мол, человек сторонний и откуда мне во всём этом разобраться. А тут придётся разобраться, несмотря на твои когнитивные способности.

И молодой человек набирается мужества и воли, и задаётся ответным вопросом по делу. – А вот теперь я спрошу: Кто он?

А её ответ просто поразителен в своей смысловой составляющей.

– Я не знаю. – Вот так всё для неё просто, где она в своей наивной простоте кого хочешь переплюнет, а как она ещё при этом пожимает плечами, то это просто бесподобно. И вот что спрашивается, с ней, выдвигающей к жизни такие удивительные претензии, с гонкой за мечтой, кто знает, может своего воображения, делать? И решать этот вопрос поручено этому молодому, как одна для него характеристика человеку. А так-то он, между прочим, для этой первой встречной и она для него ответно совершенно незнакомый человек, и вот как можно на тебя на одних таких основаниях рассчитывать и довериться? Ах, да! Ключевое слово довериться. На чём он как раз за время беседы с ней настаивал. А она значит, и получается, его на этом поймала... Или нет?

– Интересный случай. – Почесав затылок, говорит он, всё находясь под прессом более чем внимательного её взгляда. И она от него ждёт не просто ответа, а на свой со всех сторон географии этого слова (ответ) решения. И он, может сперва по причине вот такого на себя давления с её стороны и невозможности поступить иначе, его принимает.

– Я готов вам посодествовать в вашем необычно деле. Если это послужит завоеванию вашего доверия. – И этого уже достаточно, чтобы она прониклась к нему предъявляемым им требованием. А вот слезиться радостью в глазах и демонстрировать в себе чего-то большее, чем благодарность,

то этого не надо и как-то сбивает со всякой разумной мысли его.

– Я надеюсь, что мы начнём наш поиск не с чистого листа бумаги? – приводит в порядок свою визави молодой человек, задаваясь этим вопросом.

– Нет, конечно. – Спешно отвечает она, как бы боясь, что её новый напарник, примеривший на себя роль детектива, сочтёт её дело не просто сложным – я знаете, без улик и тем более тела не работаю – а мистическим, с вкраплением в него вероятностей из крупиц её воображения и домыслов фантазии. А если по сути, то ей вдруг взбрело в голову найти для себя идеального парня (ну в тот момент, когда она достигла возраста любовной зрелости), а тут такая удача, ей встретился человек, раздающий такие жизненные авансы. И, конечно, она решила воспользоваться дающимся может раз в жизни шансом.

– И что вам о нём известно? – с видом человека, кто взялся за дело серьёзно, задаётся к ней вопросом молодой человек, с этого момента детектив Шанс (так авантюрней и для себя безопасней).

– Я знаю, где он живёт. – А вот это уже интересно и кратко сокращает поиски этого, как оказывается, невыдуманного человека.

– Тогда чего мы сидим? – вопрошает детектив Шанс, живо поднимаясь из-за стола. – Идёмте к нему. – Уже с порывистостью в своих действиях заявляет Шанс, демонстрируя

в себе намерение во всём за раз разобраться. И ей лучше не вставать на этом пути разбирательства с неким лоботрясом и недалёким человеком, за кого он (Шанс) уже принял того типа, на чьей счёт присутствуют такие сердечные переживания и мысли у его новой знакомой, раз он не то чтобы отвергает от себя все её домыслы, а он слепец, ничего этого в ней не видит. И Шанс готов прочистить слепоту этого умника, и дать ему последний шанс быть человеком.

И Шанс, будучи запредельно увлекающимся и хватающимся без раздумья за всякое дело человеком, которое его душевно хватает, уже ничего не видит и не слышит со стороны его новой знакомой, от которой требуется сейчас одно, отвести его к этому подлецу и негодяю для того, чтобы... Для начала посмотреть на него и убедиться в том, какая всё-таки он сволочь. А почему именно так, то Шанс не любит простых дел, при которых на месте искомого и указанного ею человека окажется человек достойный, ну а то, что он не обращал внимания до сего момента на свою, как вскоре выяснится Шансом соседку, то это из-за его чрезмерной скромности и робости в придачу.

Ну а так как Шансом верно предполагается, что рассматриваемый им случай будет не самого обычного и тривиального порядка, то сосед его знакомой будет самым недостойным для неё человеком и той ещё гипотетической сволочью. Ну а раз так, то тогда по-другому спрашивается, зачем тогда ей такой человек?

На что, как оказывается, есть ответ у Шанса. Чтобы значит, ей показать и указать на её ошибку. Нельзя быть настолько доверчивой, доверяю свою жизнь первому встречному, где вероятность встречи в нём с подлецом, всегда выше счастливого момента. Ну а что насчёт меня, то тут дело другое, и мне можете сто процентов доверять.

Что же самой конкретики разбора подноготной того типа, на чей счёт у новой знакомой Шанса имелись свои сердечные иллюзии, то с ним у Шанса разговор короток. И он прямо сейчас и на ходу к этой встрече, всё про себя вообразил и надумал, как будут развиваться события этой будущей встречи.

Так Шанс, не нагружая себя особым обдумыванием того, что он будет говорить этому типу, объекту грёз мечтаний его столь наивной и простодушной знакомой, а вот у него к нему сразу возникла суровая предвзятость и недружелюбие, что б значит, не сбить себя с накатала во всём разобраться, со всей силы нажмет на дверной звонок, и так будет стоять, пока тот гад ему дверь не откроет. Что сильно напугает его спутницу, которая начнёт робеть и с испугом спрашивать: может не надо?

– А как не надо? Как раз только так и надо! – невыносимо требовательно и меня уже поздно возвращать в исходное положение постороннего человека, заявит Шанс, посмотрев на не открывающуюся до сих пор дверь так, что сейчас и ей достанется ногами за то, что её хозяин вот такой строптивый

тип, с одного звонка не понимающий, что я с него не слезу, пока он дверь мне не откроет.

И дверь дождалась и это несмотря на обратные предпосылки, крики того типа, до кого вначале они сюда пришли, а затем не могли сразу дозвониться. Эта глухая тетеря всё-таки не смогла преодолеть в себе устойчивость личной уравновешенности и решила открыть дверь, оправдывая свою неповоротливость, а так-то глупую самонадеянность, он решил, что у него нервы крепче, дурак, тем, что крепко спал после ночной смены и ему до сих пор сложно сообразить, что от него требуется, когда на нём одет только один носок, и притом левый.

Что, естественно, вызывает бурю негодования и возмущения Шанса в сторону вот такой откровенной похабщины этого типа, акцентировавшего зачем-то их внимание на этом носке ... Да, кстати, как его зовут? А, Поли. Так вот, Поли, держите язык за зубами своего эксгибиционизма и с какой стати и целью вы сообщаете и описываете такие на свой счёт подробности. Неужели рассчитываете смутить мой ум, или... – Шанс с нехороший подозрением посмотрел на зардевшуюся знакомую, кто при её отличном воображении может всякого себе сейчас напредставлять, а тот тип определённо это зная, специально её провоцирует на своё представление в одном носке и притом левом.

– А к чему такие подробности? – чего-то не понял Шанс, понимая одно, его противник очень опасная личность. А бу-

дучи наслышанным о поведении некоторых медийных личностей, Шанс даже знать не хочет, на что надел носок этот эксгибиционист, недоделанный Поли.

– А ну, бл*ь, открывай дверь одетым! – заорал истерично Шанс, стуча в дверь не только кулаком, но и своим жёстким предупреждением Поли о том, что он не собирается на него и на его выходки смотреть в таком неприкрытом виде. И тот вроде бы прислушался, и из-за двери послышался звук падения человеческого тела, и можно по этому звуку было предположить, что этот Поли попытался на себя надеть хоть что-то и не выносить мозг Шанса удивительными вопросами. Такими как: «А какого хрена человеку дома нужно до такого бесстыдства раздеваться?». И задаётся он им только себе, понимая, что он со своей спутницей ещё не находятся в столь доверительных отношениях, чтобы совместно искать ответы на вот такие близко к личному содержательные вопросы.

И вот из двери послышался звук поворачивающегося ключа, и для всех настал момент истины. Внемлет ли этот Поли голосу разума, которым для него является голос Шанса, открыв дверь в благопристойном виде, или этот гад будет настаивать на своём праве на личное самовыражение и свободу воли – я у себя дома и как хочу одеваюсь, а скорее не одеваюсь тут. И если мои принципы вас устраивают, то милости прошу присоединиться в мою секту познания себя и меня в первую очередь. В общем, тьфу, расплеваться так и

хочется Шансу. И он даже приготовился к такому развитию ситуации, набрав в рот слюны (не руками же приводить того в чувства, кто знает, за что последнее он там держался своими руками).

И вот дверь открывается, и само собой на расстояние длины той цепочки, которая в прежние времена охранно ограничивала раскрытие двери, оставляя один просвет для визуального осмотра противостоящих сторон – Шанса с одной стороны и этого типа со стороны двери. Здесь обе стороны как бы знакомятся физически и визуально друг с другом, где не приглашавшая этого незваного гостя сторона по причине своего местонахождения, то есть дома и я здесь между прочим прописан, имеет первое и преимущественное право на спрос с этого незваного гостя. Чем он и воспользовался в полной мере.

– Чё надо?! – ещё и хамит этот тип из-за двери, видимо не увидев в Шансе достойного противника, кто ему морду набьет при определённых, как прямо сейчас стечениях обстоятельств, а может потому, что он приготовился встретить какое-нибудь уполномоченное органами лицо, для чего он даже в себе более, менее приоделся до культурного вида, а тут какое-то ничего из им ожидаемого не демонстрируемое лицо. Вот он и возомнил себе быть таким дерзким. Чего не потерпит Шанс, и не таких наглецов скручивающий в бараний рог.

– Ты чего, бл*ь, от жизни хочешь?! – видимо ещё в себе

полностью не успокоившись и не сосредоточившись на логическом построении смыслов своих ответов, на повышенных тонах вопрошает Шанс, пытаясь таким образом сбить упорство и напор этого типа в двери. Кто наглеет, чувствуя поддержку со стороны своей двери, которая даже при сильном накате на неё со стороны плеча Шанса, не даст того с первого раза в обиду, а у того будет время, пока дверь будет взламываться, чтобы через окно убежать от этого преследования.

А этот Поли, как сейчас выясняется Шансом, довольно специфическая на ответную дерзость личность и тёртый калач на словесные диспуты. И он не только не тушует перед таким брошенным ему Шансом вызовом, а он его со всей язвительностью принимает, позволяя себе отпускать в сторону своего противника различные скабрёзности.

– До сего момента не знал. – С насмешкой на своей физиономии заявляет следующее этот самоубийца Поли. – А сейчас знаю. – И с таким физическим намёком на всё это Поли смотрит на Шанса, что у того начинает закрадываться сомнение насчёт умственной уравновешенности этого типа Поли, кто так открыто намекает ему на что-то в нём такое имеющее место, что как раз отвечает его ответу насчёт своего знания смысла жизни. И ему, Шансу, как бы им даётся слово для ответа на этот вопрос.

Но Шанс не собирается манипулироваться этим типом, и он тупо молчит и смотрит на Поли, и ждёт, когда он сам разродится на ответ.

Что, видимо, ожидалось самим Поли, и он со вздохом в сторону я не удивлён, и я ожидал такого ответа, за что мне даже становится грустно и скучно за вас, человек с большим гонором, но без интеллектуальных оснований для этого, даёт ответ на свою, лежащую на поверхности лица Шанса загадку. – Хочу не видеть ваших рож. – Вот такое заявляет этот тип, Поли, своим заявлением не то чтобы обескураживая Шанса, а он, повидавший всякой подлоты в этой жизни и не испытывающий особых иллюзий в сторону этого типа, буквально ошеломлён от такого человеческого цинизма этого Поли. Ладно бы он его одного послал таким образом куда подальше, но тот посылает и свою соседку по тому же направлению. И как это понимать, спрашивается?

Хотя, впрочем, такой вариант развития ситуации с этим типом вполне устраивает Шанса. И он поворачивается спиной к Поли, а лицом к соседке этого придурка, сволочи и балбеса Поли, и делает итоговый вывод для своей знакомой из всей этой ситуации. – Ну что, убедилась. Вышло так, как я тебе и говорил.

– А когда я ей такое говорил? – перебил этим вопросом свои представления Шанс, покосившись в сторону своей спутницы, и не увидел по ней возможность для себя такую горькую правду жизни ей сказать. А это значит, что ему придётся рассмотреть другой вариант выведения на чистую воду этого Поли.

– Я должен нагнать на него страха. – Решил Шанс, и давай

изо всех сил стучать тому в дверь в своём новом представлении.

И на этот раз этот Поли не тянет время на своё одевание, а он чуть ли не сразу откликается на этот стук дверь, по прежнему дерзко крича, мол, я не глухой, слышу, и нечего так тарабанить в дверь, если только вы не Чарли Уоттс.

– Кто, кто?! – не понял ничего из сказанного Поли Шанс до открытия им двери, и после того, как этот Поли, окинув его презрительным взглядом, явно всё за него решив сразу, всё же дал шанс Шансу быть названным, а как по Шансу, то выдуманым в одночасье лицом.

– Так вы Чарли Уоттс? – со снисходительной улыбкой смотря на Шанса, вопрошает этот Поли.

И само собой Шанс ни хрена не поймёт из спрашиваемого.

– Кто?! – озадаченно спрашивает Шанс.

А этот Поли, что за непростая личность, вместо того, чтобы сразу признать свою ошибочность предположения насчёт незваного гостя – да, вижу, вы несомненно не он – начинает вести с Шансом странную игру.

– Если вы сразу и категорически не отвергаете это моё всего лишь предположение, то вы определённо считаете, что кем хотите стать можете, в том числе и мною названным лицом. – Вот такую игру разума тут придумывает этот Поли. И у него отчасти получается смутить разум Шанса, разориентировав того в умственном пространстве. Но только на са-

мое первое, представляемое Шансом время.

– Не сильно ли я большого мнения об этом типе? – перебивает и это развитие ситуации со встречей с Поли Шанс, посчитав, что всё действительно так, и он почему-то не ищет для себя лёгких путей. И кстати, кто таков этот Чарли Уоттс?

– Ладно, потом спрошу об этом Поли. А разговор надо начать с постановки этого Поли перед полной для себя неизвестностью. – Решил Шанс, воспроизводя в уме новый заход в двери Поли.

– А вот и я. – Во всю физиономию улыбаясь так, как будто только тебя и ждали и соскучились при этом непременно, открыто так приветствует Поли в открытую им дверь Шанс.

А вот теперь Шанс достигает поставленной собой цели, он сумел озадачить этого Поли, явно и по его лицу видно, что он никак его узнать не может, и не поймёт, чем обязан такой радостной встречи. Так что он не может открыто не узнать незваного гостя, а вынужден прибегнуть к хитрости.

– Я вижу, что ты. – С долей присущей ему дерзости, отвечает и так встречает Шанса Поли, видимо узнав в нём не самого для себя приятного и дружелюбного человека. И тогда планы Шанса на взаимовыгодный разговор меняются, дальнейший разговор потечёт в более агрессивном русле.

– И как думаешь, что меня к тебе привело? – задаётся вопросом Шанс.

– Это ты мне скажи. – Говорит в ответ Поли. – Ты ближе к источнику этой информации.

Что и говорить, а по делу и логично говорит Поли.

– Хорошо, раз ты этого просишь, то я объясню. – Всё-таки передёргивает факты Шанс. – Ищем в тебе человека. И вот скажи нам. – Здесь Шанс чуть отходит в сторону и открывает для Поли его соседку. – Он в тебе присутствует? – И с таким упором на это отсутствие в Поли смотрит на него Шанс, что тут трудно избавиться от ощущения предвзятости этого вопроса.

Но Поли большой терпимости и выдержки человек, и он спокоен в своём ответе этому хамлу Шансу. – Непонятно для меня изъясняетесь.

– Значит тугодум. – Делает не задумываясь оскорбительный быть может (это в том случае, если он не отвечает этому выводу) вывод для Поли Шанс. – Так и запишем. – Добавляет Шанс с таким видом, как будто он и в правду сейчас будет всё это записывать, как минимум в ячейки своей памяти. А Поли может быть это обидно и неприятно слышать, если он и в самом деле тугодум, а если он не таков на принимаемые решения человек, то он немедленно будет покороблен и выразительно оскорблён такими выводами этого, в первый раз вижу, да ещё и не представившегося человека, смеющегося себе лишнее позволять на пороге его квартиры.

И Поли бы всё это предъявил этому до чего же хамовитому типу, не окажись тот в плане тебя перебивать очень расторопным типом. И не успел Поли рта раскрыть, как тот ему его уже затыкает своим новым заявлением.

– Что ещё о себе расскажите? Как себя охарактеризуете? – слова не даёт Поли сказать этот пересмышлённый тип дерзкой наружности.

И тут понятно, что Поли переполняет необдуманность, как фактор следствия его возмущения и негодования в купе на такие дерзости в свой адрес со стороны и не пойми кого. И Поли, как загнанный в угол преступник, начинает свою защиту строить с прямо каких-то глупостей, вопрошая о своей предreshённой своим подсудным положением участи. – На каких основаниях? – было попытался заявить таким образом о своих правах Поли, как тут же был пресечён грубым возражением Шанса. – Тебе что, нужны основания для того, чтобы тебя прихлопнуть здесь как муху?! – задаёт риторический и несущий в себе опасность вопрос Шанс, держа одну из своих рук в очень тревожном для лба Поли положении готовности замахнуться... И как дать ему по лбу.

Ну а пока Поли по лбу не получил и не был прибит как муха, Шанс доведёт до него ещё одну мысль. – И тогда ты будешь удовлетворён объяснением моей позиции на тебя.

И, конечно, Поли не согласен с таким к себе предложением, и притом испуганно не согласен.

– Нет, не надо. – Прямо нюни пускает этот нытик Поли, заглядывая в глаза Шансу при этой своей просьбе не быть им побитым.

А Шанс, что за непредсказуемая натура, из всего этого делает следующий вывод. – Убеждаем. Так и запишем. – Про-

говаривает Шанс, и видно делает заметку в своей памяти.

А Поли теперь просекает, наконец, что ему несёт это общение с этим опасным человеком. Каждое его действие и ответ будет по своему интерпретирован этим типом на пороге, и записано им в некий файл. А вот для чего, то это пока не ясно. И Поли решает, что самое для него сейчас благоразумное, это молчать. И он теперь молчит и внимательно слушает этого типа в дверях.

А Шанс видимо выдохся в этом вопросительном направлении, и решил дать себе передышку, принявшись интересоваться более насущными и близкими к существу дела делами.

– И чего так долго не открывал? – задаётся вопросом Шанс.

А Поли, хоть и решил не провоцировать незваного гостя на агрессию и грубость, всё же не может без того, чтобы не съязвить. – Я, – говорит Поли, – уже говорил.

Вот же сволочь этот Поли! Не может без того, чтобы чем-то не ущемить своего гостя (неважно какого, хоть и незваного), указав ему на его дырявую память. И тогда получается, что чтобы он в неё не записывал, в ней ничего не останется.

Но Шанс не даёт этому подлецу Поли пройти по нему катком, а он если это надо, то вспомнит за своим противником то, что тот хочет от него утаить, переложив на его память.

– И где нынче работают по ночам в твоём случае? – задаётся не самым простым, а с многими скрытыми в нём указа-

ниями вопросом Шанс. Где он в него вложил не только указание на свою отличную память, но и акцентировал внимание на личности Поли, чья ночная занятость под большим вопросом. А почему? То, Поли, сами на себя посмотрите, и тогда всё поймёте о том, почему глядя на вас у людей рождаются сомнения насчёт вашей востребованности в ночную смену. Ни к чему ночному вы не приспособлены, если только вы не вампир. Так обескровлено и бездушно вы выглядите. И не поймёшь нисколько, что вас носит на ногах и держит в этом теле.

А этого Поли, видимо в теле держит его запредельная язвительность и колкость. И он вместо того, чтобы спокойно для себя принять свою судьбоносную участь, ещё тут пытается брыкаться.

– А это разве имеет значение? – вот так ерепенится этот Поли.

И, конечно, это имеет значение, раз на этом акцентировал внимание Шанс. О чём он так и говорит этому несознательному гражданину. И при этом что б у того больше не возникали не нужные вопросы, Шанс ему сразу указывает на причину вот такой его заинтересованности.

– Очень большое. – Говорит Шанс, затем кивком указывает на соседку Поли и по совместительству свою спутницу, и добавляет следующее. – Она должна знать, где ты ночью шляешься и пропадаешь. – И на этом как бы всё, Шанс не объясняет никак Поли о связи между ним и его соседкой. А

Поли между тем это крайне важно и любопытно знать. И он этого не скрывает, задаваясь вопросом. – Позвольте узнать, что вы имеете в виду всё это говоря. И какая собственно есть связь между мной и моей соседкой Соней? (Так вот как её зовут, догадался Шанс, имеющий для себя и для знакомых для себя людей другое, настоящее имя).

– Ты это узнаешь обязательно, если пройдёшь тест. – Даёт ответ Шанс.

– Какой ещё тест? – начинает возмущаться Поли.

– На своё соответствие ожиданием. – Как есть и твёрдо сказал Шанс, и только посмейте дверь перед моим носом захлопнуть. Я вам так захлопну кое-что ещё, что век будете помнить.

И Поли вроде бы прислушался к голосу разума в лице этого неизвестного, но очень убедительного типа, и не стал вот так сразу захлопывать дверь перед его носом. Что всё равно не отменяет того, что он будет негодовать и возмущаться, с нервной дерзостью вопрошая на повышенных тонах, чуть ли не ошарашено:

– Каким ещё ожиданиям?!

– Самым удивительным и соблазнительным. – Делает Шанс вот такое, многозначительное на твой, Поли, придурок, обман и соблазнение заявление. – И в качестве приманки на принятие тобой моего подлого уж точно можешь мне поверить предложения, и послужит твоя соседка Соня. К которой у тебя есть какое, никакое доверие, и ты, по крайней

мере, не будешь категорически отказываться от этого предложения. – А это уже читается во взгляде Шанса. Чему как раз служат подтверждением последующие слова-заверения этого проходимца:

– И можешь не беспокоиться, она тебя при благоприятном развитии ситуации с тобой, где ты себя поведёшь, как человек здравомыслящий, не обманет, если ты, конечно, не из тех. – А вот что значила эта конечная приписка этим проходимцем Поли неких качеств, о которых он в момент догадался и счёл себя оскорблённым таким образом (сразу видно, что Поли человек отсталых и не просвещённых взглядов на отношения между людьми, не допуская до себя ладно бы, но до других, совершенно для него незнакомых, совершенно от него отличимые взгляды друг на друга), и сразу попытался выказать себя совершенно посторонней стороной от таких насчёт себя подозрений.

– Я мол, – с тиком в глазу на более чем нервном лице заявляет Поли, – категорично не из тех людей, которых вы, с какой это стати и зачем-то решили привести в пример для меня. Единственное, что у меня вызывает сомнение в вашем предложении, это ваше навязывание мне его. А мне хотелось бы, чтобы меня спрашивали и моё мнение учитывали.

– Ёп ты! – эмоционально удивлён такой придирчивостью и педантством этого Поли Шанс. – А я что сейчас по твоему делаю, как тебя об этом сейчас не спрашиваю. – Прямо изумлён Шанс умением некоторых людей всё усложнять и

перекручивать события и факты. И Шанс до такой степени раздосадован этим Поли, что он уже не может держать себя в пределах какого-то воспитания, и оборотившись к Соне, вот что ей заявляет. – Ну и придурок. – Открыто так характеризует Поли Шанс. – И вот скажи мне. – Обращается уже с вопросом к Соне Шанс. – Тебе разве нужен такой?

А вот этот вопрос Шанса требует для себя глубокой осмысленности и раздумья Сони, он имеет для неё важное значение, и от того, наверное, она вся в себя ушла, и погружившись в свои размышления, принялась упорно смотреть перед собой.

Что оказывает на Шанса оздоровляющее действие, он в один момент взбадривается и выходит уже из своего погружения во все эти размышления насчёт моделирования ситуации с Поли. И как неожиданный итог его выхода в реальность, он своим взглядом упирается в заколоченную дверь, которая к тому же опечатана печатями органов надзора и специальной сигнальной лентой, запрещающий и ограничивающей собой проход к месту её прилегания.

А вот эта новость и открытие для Шанса всё кардинально меняет насчёт этого Поли и в первую очередь Сони. Которая, как сейчас им выясняется, не до конца с ним была откровенна, раз скрывает вот такую, предельно немаловажную деталь насчёт её знакомого. Кто оказывается, как минимум в розыске. А вот в каком качестве? В качестве трупа, или лица с другой стороны закона, то Шанс почему-то склоняется

ко второму варианту развития ситуации с этим Поли. Кто в качестве трупа мало кому интересен. А вот в живом состоянии, да ещё будучи преступной личностью, то такие люди всегда собой притягивают невинность.

– И зачем скажите, Соня, он вам нужен? – так всё внутри Шанса порывается её спросить. Но он это её не спросит, понимая, что логичного и разумного ответа на этот свой вопрос не получит.

– И что это значит? – задаётся таким вопросом Шанс, смотря в упор на эту притворщицу и якобы бедняжку Соню. Очень ловко его сумевшую развести на... А вот на что, то этого Шанс пока не понял. Но при этом сообразил, что ему этот вопрос нужно решать как можно скорей. Ведь когда тебя ставят перед вот такой неизвестностью, с наличием в ней какого-то преступления, то всегда есть шанс, и притом большой на то, что тебя постараются привязать к этому преступлению.

– И что вы тут решили мне пришить? – с развязностью преступного элемента, в его семантическом диапазоне рассуждения и подачи своих выражений, само собой со своей логикой, начнёт клепать свою защиту Шанс, окружённый со всех сторон оперативниками, выскочивших из соседних дверей. И то, что подозреваемый и преступник в перспективе Шанс ещё не закован в наручники и не взят на обеспечение государством, то это не его заслуга, а пусть скажет большое спасибо Соне, которая за него поручилась, и выказала ему доверие.

– Да никуда он не денется, вы только посмотрите на него. Одна душа в теле у этого прощельги. – Что и говорить, а умеет Соня быть убедительной.

– Как насчёт верности утверждения, что преступник всегда возвращается на место преступления? – задаётся вопросом оперативник. И пока Шанс пытается сообразить, как ему опровергнуть эту абсолютную в глазах оперативников истину и аксиому, оперативник берёт его в разработку и оборот. – Надеюсь, вы не собираетесь отрицать очевидность. – Говорит оперативник. – Место преступления имеет место. – Указывает на дверь оперативник. – Ну а время такая категория разума, что её суть относительная, и ... сколько на ваших часах сейчас времени? – обращается с этим вопросом к Шансу оперативник.

А Шанс, что за наивная и доверчивая личность, даже не заметил в этом вопросе оперативника подвох, и без всякой задней мысли, будучи в своей простоте самый непосредственный человек, задрал рукав, чтобы посмотреть на наручные часы и озвучить время.

А этот до чего же ловкий на раскрытие преступлений оперативник, в момент ловит на даче признательных показаний Шанса. – Так и запишем. Время преступления ровно полдень. – И с такой ухмылкой он смотрит на Шанса, что тот сразу заподозрил того в какой-то на свой счёт провокации и подляне.

– Какое ещё преступление? – вопрошает Шанс.

– Конечно же против личности. – Прямо удивлён оперативник такой недалёкости современного преступника, который сперва совершает преступление, а уж только затем для своего кругозора интересуется, как оно будет для него классифицироваться. А вот раньше преступник прежде чем пойти на дело и решиться на преступление, прошерстит от корки до корки уголовный кодекс на знание всех статей ему при этом или ином преступлении вменяемых. И если нет иного выхода, как только преступить закон (что я, мол, поделаться мог против своей судьбы и кармы, а ещё больше против стечений вот таких обстоятельств) то он будет для себя искать смягчающие его вину обстоятельства. И прикинуться невменяемым, первый шаг к тому, чтобы ему не смогли вменить вину.

– Какой на хрен личности? – прямо закапывает себя своим отрицанием всего и вся Шанс, однозначно неисправимый, с рецидивными наклонностями уклонист от гражданской сознательности.

– Значит, утверждаете, что вам совершенно не важно, против кого совершать преступление. И имя объекта преступления только мешает совершать преступление. – Во как передёргивает фактами оперативник, уже непоколебимо записывая Шанса в преступники.

И Шанс чуть ли не задыхается от возмущения на такой ход следствия в свою сторону. Где он даже не рассматривается в качестве свидетеля, а его сразу записывают в обвиняемые.

И ему срочно нужно что-то придумать, чтобы окончательно тут не увязнуть.

– Я знаю, как его зовут. Его зовут Поли. И вся ваша логическая цепочка таким образом ломается. – С видом победителя это выдаёт Шанс, и оперативник, посрамлённый умением Шанса строить ответные логические цепочки, в один момент растаивает в тумане, и теперь перед Шансом предстаёт Соня, без особых просветлений ищущая ответ на его ранее заданный вопрос.

– Я не знаю. – С полуискренней растерянностью говорит и пожимает плечами Соня. И Шансу, видящему в неё всё это, есть над чем крепко подумать и задуматься.

– И чего она недоговаривает, а что говорит правду? – задался про себя вопросом Шанс, во все глаза рассматривая Соню, пытаясь из неё выудить правду. И он надеется, что не ту, которая в первую очередь напрашивается о себе заявить. Это такая правда, которая очень сильно чем-то связана с тем, что только сейчас пришло на ум Шансу насчёт пасущих его за соседними дверьми и в их глазки оперативников. Которые по сигналу со стороны Сони, когда будет ясно, что от него с помощью слова ничего больше не вытянешь, выскочат все одновременно, и с помощью эффекта неожиданности и применения в его сторону физической силы, попытаются добиться признательных показаний. Вот только Шансу одно не ясно, почему именно его хотят выставить за лицо подпа-

дающее под подозрение.

Но это такой вопрос философии жизни, что на его счёт можно много дискутировать, и всё равно не найдёшь правды, так что Шанс оставляет его до лучших времён, а сейчас у него нет совершенно времени на всё это, и надо думать и притом срочно, о том, как купировать для себя все свои не очень обдуманнные действия по отношению к Соне, кому он так безрассудно доверился, и не дать провести на свой счёт предполагаемые мероприятия со стороны следственных органов. И при этом это нужно сделать так, чтобы Соня ни о чём не догадалась и не подала сигнала оперативникам.

– Что вы не знаете? – задаёт уточняющий вопрос Шанс.

– Куда он пропал и что с ним случилось. – Даёт ответ Соня.

– С какого времени?

– Как обнаружила его дверь в таком состоянии. – Этот ответ Сони несколько проясняет ситуацию для Шанса, у кого возникла новая версия объяснения своего привлечения Соней для поиска этого Поли. Она не большого мнения о следственных органах, у коих нет той мотивации для поиска пропавшего человека, как у неё. И они будут искать Поли поскольку, постольку, как этот процесс регламентирует их служба, совершенно не понимая, что каждая минута промедления в его поиске, а для неё потери из вида Поли, сердечно отдаётся ей, неся её душевной конституции существенные потери. Она себе места найти не может, вот и не спит и

не ест, тем самым не пополняя себя достаточным для разумного функционирования организма питательным рационом, вызывая в ней потерю живости и разумности поведения; она находится в состоянии сомнамбулы и её все поступки начинают всему этому соответствовать. Вот, наверное, почему её поведение не укладывается в рамки обычного, и её предложения кажутся авантюрными.

А всё это предполагает её решение найти для себя такого близкого душевного для неё склада человека, кто воспримет её переживания также близко к себе, и поможет ей разыскать этого Поли, кого поди что держат на одной воде и чуточку хлебе скованного в цепях в каком-нибудь холодном и сыром колодце, и всё по одной только причине, эти гады, а скорей всего одна гадина, хочет свести на нет его внимание к ней. Явно имея свои виды на Поли. И её план очень прост. Она сама выступит его спасительницей. А как только она его спасёт, то Поли ничего другого не останется делать, как только быть ей благодарным всю свою оставшуюся жизнь. И вот чтобы спасти Поли от такого коварного плана этой некто, где она из одних кандалов переведёт Поли в другие, ментальные, Соня и обратилась к Шансу, так ничего не объясняя по факту.

– Ну вы, Соня, конечно даёте жару. – Усмехнулся про себя Шанс по следам вот такого, отчасти фантастического и отчасти ничего тут нет невероятного, и женский ум и такое до себя иногда и чаще чем вы думаете допускает размышления.

– И какие у вас возникли мысли при обнаружении его двери в таком состоянии? – задаётся вопросом Шанс, всё же решив, как следует разобраться в происходящем.

– С ним что-то случилось не хорошее. – Вполне разумно отвечает Соня, и это почему-то не сильно нравится Шансу, который хотел бы услышать какую-нибудь фантастическую вещь со стороны Сони. Что указывало бы на порывистость действий и решений в свою сторону Сони. А так выходило, что она подошла к этому вопросу с расчётливой стороны. А это его возвращает к версии с оперативниками за дверьми. А это значит, что ему нужно действовать как можно скорей.

– Хорошо. – Говорит Шанс, обзорным зрением оглядываясь по сторонам и решая, что дальше делать и как ему выйти из этого тупика.

– Я думаю, что нам здесь больше делать нечего. Это место будет только ограничивать наш разум. Пойдёмте на улицу. – С этим предложением, для которого не требуется согласия со стороны Сони, Шанс выдвигается к лестничному спуску, про себя верно и закономерно просчитав, что лифтом пользоваться в экстренных для себя ситуациях более чем не разумно.

А Соня, видимо на его счёт имела другие планы, ну те, которые отвечали планам первой версии Шанса, и в этой версии они должны были ещё здесь находиться, как раз до прибытия сюда оперативных служб (соседи видимо не дали своего согласия на пребывания у них засады из оперативников,

резонно сославшись на то, что они все продукты поедят и всю квартиру прокурят в нервном ожидании захвата). Так что было решено, что как только Соня приведёт подозреваемого на место его гипотетического преступления, она даст сигнал по мобильной связи, и сюда немедленно выдвинется группа захвата. А ей только и нужно будет, как потянуть время.

Вот она и тянет время. А Шанс ей не собирается идти на встречу в плане своего взятия и захвата на месте чьего-то и не своего, как он до встречи с операми считал преступления (а они своим долгом посчитают поставить его на праведный путь, ввернув верную мысль о том, что нет человека без греха, и раз ты попался на месте преступления, пусть даже не своего, то есть в тебе значит грешок не проходить своим любопытством мимо того, что тебя не касается, а теперь за милую душу касается, раз ты такой неугомонный на своё любопытство, и тебе значит платить за этот чужой грешок).

– Что не так? – спрашивает Шанс Соню, всё равно и при любом её ответе не собирающийся здесь задерживаться ни на минуту. И к этому его начинает подталкивать раздавшийся со стороны улицы шум прибытия машины, со звучными хлопками его дверей так, что у Шанса возникла определённая мысль о том, что тех людей, кто так хлопает дверьми автомобиля, совершенно не заботит целостность этого автомобиля. Из чего следует мысль о том, что этот автомобиль не их личный, а служебный. А кто прибывает так лихо на слу-

жебном автомобиле? Всё верно. Именно те, с кем Шанс собирался сейчас встретиться в самую последнюю очередь. И значит, он больше ни на минуту здесь не задержится, и если надо будет, то выпрыгнет через окно, но так просто не даваться в руки этим волкам позорным (и откуда спрашивается этот антагонизм и воровская лирика в нём берётся).

– Мне надо забежать домой. – Говорит Соня, смотря на Шанса просящим взглядом.

– Что-то здесь не так. – Сразу сообразил Шанс, что она хочет его затащить домой, и для верности уже там затащить... Но нет, слишком это банально предполагается мужским разумом Шанса, и он всё это отвергает.

– Если надо, идите. – Говорит Шанс.

– А вы? – а вот что значит этот многогранный и многофункциональный вопрос Сони, то пойдти тут разберись и не поведись на очень питательные, природные мысли и собственные рефлекссы.

– Что я? – видимо сбившись на ход естественных мыслей, сразу не понял Шанс, чего от него хочет Соня.

– Может зайдёте ко мне. Что здесь стоять? – а вот и тот самый вопрос-ловушка Сони для Шанса.

И Шанс прямо-таки увидел широко распахнутую рукой Сони дверь в её квартиру (ему по крайней мере захотелось узнать, как она ему откроет двери в свою квартиру и как его в неё пригласит), а за ней прямой путь в сторону своего падения и общечеловеческого греха.

– Нет! То есть да. – Одёрнув себя от всех этих умопомрачительных мыслей, Шанс не сразу справился со своим ответом, принявшись плутать и сбиваться. – А лучше я вас на улице подожду. – Услышав шаги внизу, Шанс наскоро обозначил своё решение, и не дожидаясь, когда там и что сообщит ему сказать Соня, плюс он не собирается тут с кем бы то ни было сталкиваться лбами, особенно если противоположный тебе лоб очень твёрдолоб и принадлежит представителю власти, чуть ли не бегом, но точно через ступеньку бросился вниз спускаться.

Ну а Соне предоставляется полная свобода быть тем, кем она быть захочет. Его обманщицей, и тогда она будет ждать на площадке поднимающихся на лифте оперативников, или же она жертва случайных стечений обстоятельств, которые тебя не выпускают потому, что ты сам создал вокруг себя все эти обстоятельства, будучи натурой беспокойной и лезущей туда, куда тебя не просят.

О чём, конечно, можно поразмышлять, то Шанс находился не в том положении, чтобы отвлекаться на пока что несущественные и посторонние для себя вещи. Сейчас его волновало только одно. Ни с кем внизу не столкнуться и не встретиться. И если ему это удастся, то сам вопрос насчёт Сони тут же отпадёт. Значит она не причём, раз ему дали спокойно покинуть это место.

И к нервному возбуждению Шанса, всё же принявшего некоторые меры предосторожности по выходу из подъезда

дома, ему удалось покинуть здание дома беспрепятственно. А это значит... Он может для начала облегчённо и спокойно выдохнуть, а затем обойдя перегородивший всю дорогу огромный автомобиль, присесть в стороне на первую скамейку, и с этого места понаблюдать за происходящим у подъезда дома, откуда он вышел и где живёт Соня.

Ну а чтобы не привлекать особого внимания к своей персоне, то нет в наше время лучшего камуфляжа твоих истинных намерений, как твой мобильный телефон, источник бесконечных замыслов и знаний. И Шанс, вынув из кармана куртки телефон, вначале в него для вида погрузился, а затем он, зачем-то вспомнив о той самой записке, которая своим появлением все эти события, приведшие его сюда в том числе, с ним завертели, уже обо всём забыл, и даже не заметил, а скорей не придал особого значения появлению Сони у подъезда в сопровождении двух людей.

Впрочем, эти люди долго рядом с ней не задерживались, а после короткой беседы, видимо дополняющей прежний разговор в подъезде или может даже в квартире Сони, её покинули, сев в этом огромный автомобиль, а Соне, проводившей их пристальным взглядом, оставалось поискать глазами вокруг своего нового знакомого. О ком вскользь и очень хитроумно пытались выгадать у неё эти люди, представившиеся ей страховыми агентами, в чьём агентстве застраховал жизнь их клиент, и по совместительству ваш сосед Поли, и они по долгу своей службы и необходимости выяснить все обстоя-

тельства этого страхового случая, и опрашивают всех людей входящих в круг его знакомых.

– Вы, София, входите в этот круг, хотя бы косвенно? – обратился с этим вопросом к Соне один из агентов, почему-то со смешком назвавший себя агентом Смитом. А вот его напарнику, а если точнее умственно и физически, то напарнице, не кажется сильно уместным такой несерьёзный подход к делу своего напарника. И с этим посылом она с укором зыркает на этого недоделанного Смита. И Соня отчасти догадывается, откуда растут ноги этого противостояния между этими, столь разными напарниками. И длинные ноги напарницы, это только часть проблемы для этого агента и мистера Смита (раз он по-другому не представился, приходится его за такого считать и обращаться). А что включают в себя другие, то об этом мистер Смит терпит и не заикается, но по нему всему видно, что он хочет как следует всё это припомнить своей напарнице. А лучшего средства для этого нет, как только записать её в миссис Смит. И он через разные её не хочу и вот такие приближенные к конечному замыслу провокации, шаг за шагом приближает и добивается от неё согласия на миссис Смит.

– И вот тогда, дорогая, вы с полным юридическим правом сможете на мне за все ваши неуспехи и неудачи отыгаться. Как вам такой аргумент быть моей навсегда? – очень ловко находит мистер Смит аргументы для в перспективе миссис Смит на её согласие быть с собой чуточку ближе.

– Я всего лишь соседка. – Обозначает свою позицию по отношению к своему соседу Соня.

– Это уже не столь мало. – Делает вывод мистер Смит, своей говорливой настырностью уже начиная выбешивать новоиспечённую миссис Смит. Кто хотела идти по другому пути в разговоре с Соней. А тут мистер Смит не даёт ей обдуманного слова сказать, забегая вперёд своими расспросами. И ей приходится следовать в канве его решений.

– Я бы так не сказала. – Имеет свою точку зрения Соня.

– Вам видней. – Говорит мистер Смит, многозначительно посмотрев на Соню.

Что видимо сильно не понравилось миссис Смит, и что это ещё тут за заигрывания. И она решает немедленно вмешаться и перебить все эти поползновения мистера Смита на свою оригинальность.

– Скажите, София, что вы можете сказать насчёт вашего соседа. Хотя бы на пример его проживания здесь в качестве вашего соседа. Часто ли к нему ходили гости, был ли он общительным? Когда приходил домой? – спрашивает миссис Смит Соню, а сама при этом начинает смотреть на Соню тем же всё замечающим взглядом, что и мистер Смит. И у мистера Смита логично возникают вопросы дискриминационного характера: Почему одним можно смотреть на Соню вот таким, как у вас, всё поглощающим взглядом, а мне, кто хочет во всём разобраться, и мне нужна аналитика и информация, нельзя смотреть так подробно в её сторону?

И цыкающий ответ миссис Смит: «Да заткнись ты уже!», категорически им не принимается. И мистер Смит будет надувать оскорблено щёки и дуться на миссис Смит, кого он поспешно записал в миссис Смит. И не миновать вам миссис Смит разводного письма от меня, если продолжите так меня третировать.

– Насколько я знаю, Поли вёл уединённый образ жизни. И к нему никто практически не приходил. – Даёт ответ Соня.

– А что насчёт вас? – задаётся в чём-то повторным вопросом миссис Смит с очень таким глубокомысленным выражением лица: мол, я вам не советую тут пытаться от меня хоть что-то утаить и попытаться меня обмануть, это совершенно бесполезно, я за раз чувствую обман, что тут хочешь, не хочешь, а призадумаетесь над тем, за кого тебя здесь принимают и считают. Как минимум, свидетелем преступления. А если начнёшь себя вести так, как уже предположила миссис Смит, то тут не далеко до того, чтобы стать соучастником похищения этого Поли. Ведь не просто так, и ваша необыкновенная дурость и легкомыслие тому не оправдание, вы решили скрыть или не договаривать те существенные факты из жизни вашего соседа, многое о нём говорящие, и для этого есть веская причина.

И как ожидалось и предполагалось миссис Смит, то когда дело касается интересного для тебя человека, то трудно ожидать искренности от молодой девушки на его счёт. Она обязательно, из каких-то неведомых природных соображе-

ний, например, придержать его про запас, начинает явно говорить не полную правду. А вот с чего миссис Смит решила, что пропавший Поли отвечает всем её предположения на его счёт, то тут имеет место женская интуиция, говорящая о том, что только интересных для женского пола мужчин днём с огнём не сыщешь. И она отчасти понимает скрытность и несговорчивость Сони, не желающей идти им навстречу. Видит в ней она конкурентку.

Что же самого ответа Сони, который был интерпретирован миссис Смит как укрывательство фактов и увод их от правильной версии пропажи Поли, то он прозвучал следующим образом:

– Что насчёт меня? – с крайним удивлением и непониманием задаётся вопросом Соня, всем своим видом показывая и давая понять миссис Смит, что она не на такую дуру напала, чтобы она ей всё, всё о Поли выложила и рассказала.

И миссис Смит ничего другого не остаётся делать, как следовать в установленных Соней рамках пути – ничего лишнего и компрометирующего Поли от меня вам не добиться. И его страховка, если всё-таки наступил страховой случай, даже путём моей жертвенности, ни в коем случае не пострадает. И вы, гады, всё до последнего, предназначенное Поли, ему выплатите.

– А на этом её можно поймать. – В момент всё поняла миссис Смит, на что можно поймать эту несговорчивую Соню, о которой она многое сейчас, наконец-то, поняла и со-

образила.

– Вы не знаете, что могло послужить причиной для решения вашего соседа застраховать свою жизнь? – не в бровь, а в задергавшийся в нервном тике глаз Сони задаёт вопрос миссис Смит, держа ту на прицеле своего взгляда.

А Соня хоть и нервно восприняла эту новость для себя, тем не менее, не подала виду, что эта новость вывела её из равновесия, не считая, правда, задергавшийся глаз. Но он дёргается часто, и этот момент можно не считать.

– Не вижу связи? – глядя на миссис Смит в упор, отвечает ровным голосом Соня, начавшая отлично понимать мистера Смита, кто с помощью иронии пытается себя удержать в руках и не сойти с ума рядом с такой ехидной миссис Смит.

– Знаете, когда человек без видимых обстоятельств и причин решает застраховать свою жизнь, то эти самые причины нужно искать в близком окружении этого человека. Даже в том случае, если он живёт уединённо, отшельником. Надеюсь, вы понимаете, куда я клоню? – А вот и тот самый знаковый вопрос, от ответа на который для страховых агентов всё насчёт Сони прояснится.

И она чуть было не выдала себя, в лице раскрасневшись.

– У вас хорошее воображение. – Усмехается Соня, прикрывая этой иронией свою красноту.

– Не без этого. – Говорит миссис Смит. – Так что насчёт моего вопроса?

– Брать за основу догадки, это непрофессионально. – Даёт

ответ Соня, своим ответом доставляя удовольствие мистеру Смиту, давно так не отдохавшего душой, а вот миссис Смит совсем в другом настроении, и ей не до шуток, и очень раздражённо на некоторых людей, кто вместо того, чтобы ей помочь, строит тут умилительные рожи.

– Вы куда-то собрались? – как будто только сейчас миссис Смит заметила, что Соня им встретилась не у себя дома, а на лестничной площадке.

А вот теперь Соня оказалась в сложном для себя положении, где от её ответа многое зависит в плане того, что эта миссис Смит при её ответе: «Как раз наоборот, я только что пришла», обязательно под каким-нибудь предлогом, – можно воспользоваться вашим туалетом, – попытается проникнуть в её квартиру, чтобы там осмотреться и сделать для себя всякие аналитические выводы: «Живёт одна, а это наводит на весьма перспективные мысли в сторону взглядов одиночества на видного господина Поли», а если она даст ответ согласия, то всё та же миссис Смит захочет этот момент использовать для раскрытия её жизненных интересов: «Мы вас можем вас подвезти, скажите только куда вам надо».

– От вас подальше. – Сообразила Соня, что при втором варианте ответить это навязчивой миссис Смит, приняв за основу этот вариант ответа.

А если эта миссис Смит выразит глубокую обеспокоенность и непонимание того, за что вы к нам так грубо и раздражённо, мы ничем не заслужили такого отношения, то у

Сони и на это есть что ответить.

– Ничего в моём ответе нет личного. Мои слова относятся к вашему агентству, которое вы представляете. И сами понимаете, что оно несёт в себе не слишком хорошие ассоциации. – Даёт пояснительный ответ Соня. И миссис Смит, а мистеру Смигу и куда подавней, некуда деваться, как только согласиться с Соней. Но не окончательно, как заметила миссис Смит. – При появлении новых фактов открывающих свет на судьбу Поли, мы вас навестим. – Утверждающе и чуть ли не обязуя на их приём для Сони, заявляет миссис Смит.

А Соня и не против. – Со всем желанием буду вас ждать. – С ироничной подоплёкой, но при этом не придраться к словам в плане их неискренности, даёт ответ Соня. И миссис Смит сколько на неё изучающим взглядом не смотри, у неё не получается поймать Соню на насмешку над ними.

С чем миссис Смит (а с чем, то хрен его знает) садится в автомобиль, затягивая за собой упирающегося мистера Смита, и они, закрыв двери за собой, не сводя своих таких разноплановых взглядов с Сони (не надо объяснять, что в себе нёс каждый из их взглядов, восхищение со стороны мистера Смита, и подозрительность со стороны миссис Смит, верно там внутри салона, бьющую мистера Смита локтём под бок, причитая: «А ты у меня сейчас за всё ответишь») убывают на автомобиле.

А Соне только и остаётся, как начать искать по сторонам своего нового знакомого, как его там? Кто запросто мог с

ней расстаться без объяснения причин своего её покидания, когда они так очевидны – нужно с людьми расставаться так, чтобы ни кому из них не было больно от потери друг друга, или ещё вариант, на самом взлёте своего знакомства друг с другом, – но нет, он никуда, не считая того, что в себя не ушёл. А он вон он, сидит на скамейке, погружённый в свои мысли (он даже надел на себя очки), и ничего вокруг себя не замечает.

И Соня даже не совсем знает, как к нему подойти. Но она всё равно к нему подходит, останавливается в шаге от него, смотря сверху вниз на такого занятого человека, и раз он всё равно её никак не обнаруживает (и это притом, что она принесла с собой ароматы весны, которые несет с собой всякая молодость, и она, чтобы разбудить его от дрёмы переминается с ноги на ногу, а это такое завораживающее действие, от которого просыпаются самые чёрствы́е сухари, забронзовевшие в своей сердечной и душевной бесчувственности), то она, так уж и быть, раз это отвечает её планам, прокашляется. А если это не образумит этого глухого совершенно человека, то ей придётся использовать последний аргумент при таком к себе не внимании, слово.

И как говорится в первоисточниках, вначале было слово, а затем на него ответ.

– И что вас так убедило быть ко всему окружающему глухим? – задаётся вопросом Соня.

А этот, до чего же странный её новый знакомый, кто до

сих пор и не думал представляться, с тем самым выражением на своём лице отчаяния вначале отрывает свою голову от своего телефона, затем её поднимает до уровня увидеть ту, кто перебивает его жизнь и переживания, здесь обнаруживает перед собой какую-то девушку, после чего фокусирует свой взгляд на том, чтобы вспомнить и понять, с кем она у него ассоциируется, и как только она им вспоминается, он ей говорит следующее, а точнее спрашивает:

– Скажите, Соня, что вас с ним связывает? – кивает в сторону подъезда Шанс.

Соня зачем-то поворачивает свою голову в сторону подъезда и посмотреть на то, на что указывает её новый знакомый. Затем возвращается к нему и даёт такой ответ. – Не знаю. – Пожимает плечами очень впечатляюще Соня. – Но есть у меня такое чувство, что он мне по душе. – А вот это она так сказала, что её нового знакомого пробрало до мурашек и немного озноба ему в душу.

– Интересно. – Задумчиво он говорит. – Я хочу знать, как это. – А вот эти его слова уже предполагают прямые действия, а именно его подъём на ноги, и не для того, чтобы только продемонстрировать в себе решительность, а он и в самом деле решил действовать.

– И для начала знаете, что мы сделаем? – уже с прежней и свойственной для себя порывистостью вопрошает Соню Шанс. А Соня не только не знает ответа на этот его вопрос, а её пугает и в некотором роде озадачивает это его приплю-

сование её к неким своим задумкам. Где он, так получается, без её спроса записал в свои попутчики по своему тернистому и извилистому пути. А это как-то её напрягает.

– Что? – спрашивает Соня осторожно.

– Я должен её увидеть. – С мрачностью в лице заявляет Шанс, кивая на записку в своих руках для точного понимания Соней, кого он имеет в виду.

А вот теперь Соня озадачена по другому поводу. Она чего-то не поймёт, при чём тогда она здесь, и если он сперва предполагал её участие во всём задуманном им деле, то куда она тогда пропала при его детализации своего плана. Она что, должна будет в стороне постоять, для фиксации его разговора на повышенных тонах со своей бывшей. И если этот разговор на самых повышенных тонах и на нервах, с помощью её надежд на провокации будет пугающе переходить на рукоприкладство (само собой с её стороны, он джентльмен и никогда не врежет даже заслужившей этого стерве, его бывшей, а вот она натура более чем несдержанная и всегда готова залепить ему пощёчину: достал ты уже меня!), то вот тут-то и потребуется её вмешательство.

– Можешь за меня не переживать, я не останусь один. – А вот всё это будет выглядеть не слишком комфортно и приятно для Сони, когда её новый и такой не сильно привлекательный и тщедушный при своём скандальном поведении знакомый, начнёт вот так со своей бывшей препираться и ругаться. – И даже уже для себя нашёл для тебя замену. – А на

этих оскорбительных и унижающих достоинство Сони словах (она не личность сама по себе, а всего лишь замена кому-то; вот до чего же трусливы и презрительны брошенные на произвол своей судьбы мужчины; ими не кому заниматься, и они сходят с ума от своей дури), когда на неё ещё вот так указывают пальцем нового знакомого и сверлят взглядом его бывшей, Соне прямо сквозь землю провалиться охота.

И если сейчас же и немедленно её знакомый не объяснится и не объяснит ей, что в себя будет включать этот его поход за неосуществимым, то у неё есть неотложные дела ... в страховом агентстве. Ей нужно себя застраховать от вот таких для себя несчастных случаев встречи с такими ничтожными личностями.

– Зачем? – задаётся вопросом Соня.

– Я должен посмотреть ей в глаза, и увидеть воочию её решение на свой счёт. – Упадническим и предрешённым голосом говорит Шанс.

– Но зачем? – всё равно ничего не поймёт Соня, вопрошая на взводе.

– Чтобы всё с ней уладить, – уже спокойным и ровным на удивление голосом говорит Шанс, – и чтобы нас в нашем деле поиска вашего Поли ничего не отвлекало. Вы согласны? – глядя на Соню сквозь очки, таким миролюбивым и просящим голосом обратился к Соне Шанс, что у той сглотнулось от жалости к нему, и какая она всё-таки стерва, раз такое на его счёт надумала про себя.

– Я согласна. – Утвердительно кивнула головой Соня.

Что вызывает у её нового знакомого благостную улыбку, и очень удивительный вывод. – У нас с вами есть, как минимум, одно общее.

– Да? – удивлённо отвечает Соня. – И какое?

– Мы по натуре авантюры. – Даёт ответ Шанс.

– Может быть. – Мнётся и кокетничает Соня в ответ, как бы только отчасти соглашаясь с этим его предложением, но так-то полностью с ним соглашаясь. Но только не для того, чтобы она согласилась принять его приглашение участвовать в том, что он там задумал на счёт своей бывшей. Она раньше на это согласилась, и опять же не по причине своего любопытства, которое хоть и имеет место, но... Соня не собирается заниматься самокопанием.

– И какие ваши предложения? – задаётся вопросом Соня.

– Она сегодня придёт в ресторан «Любовь есть...». – И опять эти нотки мрачной отчаянности в голосе Шанса. И Соня догадывается почему. Это тот самый ресторанчик романтической направленности (откуда о нём знает Соня, то это вопрос риторический и какой-то странный), в котором, наподобие голливудских фильмов, такая вот такая франшиза, крепко надумавшие влюблённые, а может всё как раз наоборот, делают предложение руки и сердца тому, кого они думают, что любят или влюблены. И всё под соответствующую такому состоянию души обстановку, с применением всем известной атрибутики – обручального кольца в бокале шам-

панского или пирожном, если избранница не пьёт до своего обручения и свадьбы.

Ну а как вопрос правильности выбора и своего решения решается? То всё это понимается со временем? И как только всё со временем всплывает наружу из того, что не позволяет быть этой паре вместе даже не на минуту – у них не разрешимые противоречия и несовместимость до такой степени, что они, не то чтобы есть в присутствии друг друга не могут (по горло я сыт вами, дорогая, а вы, дорогой, как кость поперёк горла мне), а они одновременно в одном месте находиться не могут без того, чтобы не бросаться с кулаками друг на друга, – и теперь каждого из них встретить можно только в отдельности друг от друга, в одной направленности ресторанчике – баре одинокий койот в его случае, и оторвись по полной для неё.

Ну а пока всё это невыяснено, а выяснено лишь то, что свою бывшую туда ведёт некто, и явно с определёнными, заложенным в это место прибытия намерениями (а почему интересно Шанс её туда не повёл? и тогда можно предположить, что его бывшая, устав терпеть его безынициативность, его бросила), Соня не прочь ознакомиться с этим интересным для себя местом, в котором она со временем и сама окажется уже в качестве приглашённой стороны. И, пожалуй, для будущего опыта ей будет полезно в этом месте побывать.

– Откуда такая информация? – задаётся вопросом Соня.

– В таком деле всегда есть желающие тебе добра люди. –

Многозначительно говорит Шанс, при этом грустно улыбаясь.

– Тогда идём. – Говорит Соня не очень обдуманно. И на эту её поспешность и необдуманность указывает пристальный взгляд её нового знакомого, заставившей её задаться вопросом:

– Что не так?

– Всё так для повседневной жизни. – Как можно деликатно и осторожно делает замечания Соне Шанс. – Но мы идём не в самое обычное место. – А вот дальше Шанс рассчитывает на сообразительность Сони. И она его поняла. Хотя и имела полное право, резонно очень не понять.

– Как я вас сейчас из ваших слов поняла, то я в своём повседневном виде недостойна того, чтобы мне сделать предложение? – вот такой вопрос задаст Соня, переполненная возмущением, и давай живо отвечай, а то я терпеть вас в таком качестве беспрецедентной наглости человека не намерена.

На что у этого, как не неожиданно выясняется Соней, то женоненавистника и волюнтариста (что это, Соня не знает, но это слово как нельзя лучше выражает её злобные чувства), как оказывается есть что сказать, и притом удовлетворяющее и умиряющее сознание Сони.

– Конечно, достойны. – Соглашательски говорит Шанс. Чего мало, и Соня послушает вас, неприятный мне человек, чем вы обоснуете свою глупость. – Но вы тогда мне никогда

не простите, если вы в самый знаковый для вас день будете в самой обычной одежде, тогда как вам всё-таки хотелось принарядиться.

И чёрт побери этого её нового знакомого. Умеет он найти нужные слова для души и сердца Сони. Ну а заявлять ей сейчас о том, что всё не совсем так, и не считаете ли вы, что я к этому жизненному моменту готовлюсь и чуть ли не жду, было бы слишком откровенно. И Соня всё это умолчит.

– Я сейчас. – Бросилась в сторону своего подъезда Соня.

– Я подожду. – Заверил её Шанс.

– Очень на это надеюсь. – А вот почему она так это сказала, то, наверное, потому, что она впопыхах бежала, и не думала, что говорит.

Глава 2

Ресторан обильных предложений для пищи и ума, с незамысловатым названием «Любовь есть...».

Как вдруг и при этом сейчас Соней и её спутником, новым знакомым и Шансом в одной частности, выясняется, то для того, чтобы добраться до конечной цели, которую они сегодня для себя поставили – прибыть в ресторан «Любовь есть...», будет недостаточно одного их желания, и готовности Сони во всём своём блеске предстать перед своим спутником сейчас, а затем перед всеми в этом ресторанчике. А как по её сногшибательному для Шанса появлению и приходу выясняется всё тем же её спутником Шансом, зачем-то посмотревшим на наручные часы (это что б убедиться в том, что он находится не в иллюзии, а в настоящем времени), то для посещения данного ресторанчика ещё слишком рано, плюс и ему надо что-то с собой сделать, чтобы не выглядеть рядом с Соней настоящим охломоном и придурком. За кого его немедленно сочтут не одни только работники администрации этого ресторанчика (все посетители ресторана), в чьи обязанности входит строго следить за дресс-кодом, и если он не соблюдается не только внешне – и откуда она этого заморыша в замызганной одежде откопала, но и через внутреннее содержание, которое получает своё отражение через внешнюю атрибутику одежды, то с вами, и не пойми кто, раз-

говор тут короткий.

И ещё раз доводится до вашего сведения охламон: если спутник вот такой красоты и неотразимости по мнению администрации этого заведения, у кого огромный опыт в такого рода делах по разбору и определению совместимости людей с разных платформ и оснований жить, ищущих друг в друге уже другие основания – быть навсегда вместе, совершенно ей не подходит из-за своего не соответствия представлениям о счастливой паре, то на вас укоризненно и строго посмотрят, и аннулируют ваш зарезервированный заказ. Мы мол, представляем площадку для рождения счастья, а не для трагедии. Что в вашем случае как раз намечается, и это видно невооружённым глазом.

Что в тот же момент начинает выводить из себя эту заявленную как пару влюблённых. И притом с истерикой не только в сторону этой безмозглой и много на себя берущей администрации заведения – это что ещё за порядки такие?! Да ты, падла, на себя посмотри сперва, прежде чем нас судить! – но и постепенно друг на друга. Где до сего момента столь милая и пушистая в перспективе обручённая, как она сильно на это рассчитывала, обнаружив столь непреодолимое препятствие к своей цели, а её спутник, на кого она сегодня как раз сильно рассчитывала, ведёт себя совершенно не по мужски, а он чуть ли не тряпка, начинает к нему присматриваться с категорически критических позиций, и понимать, что он во всём виноват, раз вечно её не слушает и что главное, не прислу-

шивается. А она тыщу раз ему намёками говорила, что вам, Константин, очень к лицу будет галстук.

А этот козёл Константин с насмешкой над её позицией в сторону правил этикета и приличий, всё заявлял, что ему галстук стягивает горло и мешает в полное горло дышать. И как результат, он заявился сюда без галстука, чем и вызвал сомнения у администрации заведения в его серьёзности намерений. Ведь если будущий жених имеет свою точку зрения на то, как он должен выглядеть на церемонии своего заявления о предложении руки и сердца, а также выказывает своей будущей на всю жизнь спутнице свой гонор и строптивость поведения с тем же галстуком (дай те мне последние деньки походить со свободным горлом, а уж затем можете меня душировать своими непомерными требованиями), то администрация заведения, не раз такое видя, не может не прийти на помощь этой заблудшей душе, отказав ему проход в свой личный ад.

Ну а не обручённая и не невеста теперь так выходит, и она отлично понимает по чьей вине, плюс также по какой причине он всё это не по стечению случайных обстоятельств организовал, а всё это было тщательно и преднамеренно организовано и подстроено – парни вы меня сильно выручите, если запретите нам сюда вход, а по другому я никак не могу её послать подальше, уж очень она меня пугает в своей рассерженности – в момент во всём тут разобралась и поняла... И знаете что, Константин?!

– Что? – упавшим голосом спросил побледневший как смерть Константин.

– Вы сейчас у меня умоетесь. – Вот так, прямо в бегающие глаза (а это первый признак вины) Константина заявила его отныне уж точно не невеста.

И лучше Константину не спрашивать свою не состоявшуюся в данный момент и в этом месте невесту о том, как он умоется и что вообще это значит. Его отныне не обручённая и не невеста, на его сломанных ею пальцах ему покажет, как бывает, если вести себя по отношению к ней неразумно и не рассчитывать все последствия своих ошибок.

Но благо для Шанса то, что он вовремя сообразил догадаться о том, что намеченный для их посещения ресторан открывается в вечернее время, то есть не сейчас, плюс он посмотрел на себя через фокус своего и Сониного внимания к себе, где и заметил в себе то самое не соответствие, которое может стать основанием для не принятия его, охламона, под своды этого ресторана, как объекта не вызывающего на свой счёт никаких перспектив и надежд. И тогда зачем нам всем тратить на вас время.

Что приводит к договорённости с Соней о новой встрече под фигуральными часами, рядом с этим запланированным ими местом.

Ну а ожидание времени назначенного свидания, – вот так всё интересно закружилось и получилось, – ещё более тягостно, если ты, а именно Соня, ради повышения градуса ин-

тереса ко всему этому событию, и по большей части по причине своего беспокойного и как говорил её новый знакомый, своего авантюрного характера, берёт и с сердечным беспокойством говорит:

– Надеюсь, вы меня дождётесь.

А Шанс и понять ничего не может, что всё это значит, и почему он куда-то без неё пропадёт.

И Шанс не только никуда не пропал, а он как это делают назначившие своей знакомой, а в экстремальных случаях, своей возлюбленной влюблённые, пришёл далеко заранее на место назначенного свидания, и давай на месте топтаться и думать над тем, что его сюда на самом деле привело, как ему быть и что делать. Что в случае с Шансом, зная первопричины возникновения в нём желания сюда заявиться, вопрос жутко не тривиальный.

А так как Шанс сейчас находится на психологическом и нервном взводе не только по причине своего ожидания Сони, а его вгоняет в растерянность и двойственность положения его бывшая, кто и есть первопричина его сюда прибытия, то тут нечего говорить о какой-то упорядоченности его мыслей. И Шанс, стоя лицом ко входу в данное заведение, начинает на него отвлекаться.

– Интересно получается, – принялся рассуждать Шанс, – если это место служит площадкой для вот таких романтических действий, предложений руки и сердца, то почему приглашённые в этот ресторанчик девушки, отлично всё это

зная, так искренне удивляются сделанному себе предложению своего спутника? А тот в свою очередь своему счастью не верит, когда она ему томным голосом говорит «да»? Ведь если она приняла его приглашение, то тут гадать насчёт её ответа не нужно. А если он её сюда пригласил, то не трудно догадаться о его намерениях. – И тут в качестве примера и подтверждения догадок для Шанса к крыльцу этого рестораника подбираясь, как это за них видел Шанс, подходило по всем раскладам опять же Шанса вот такого судьбоносного замысла пара.

Невыдуманная может быть, но точно наглядная история пары Гаврилы и Варвары.

Где составляющий эту пару молодой человек выглядел крайне заносчиво и целеустремлённо – это он в некоторой в себе робости и нервозности переборщил в себе с выражением внутреннего равновесия и меня ничто не перебьёт на пути к моей цели (бл*, я кажется кошелёк дома забыл!) – тогда как приглашённая им в это место очень даже ничего девушка, очень заглядуше из-под своих опущенных ресничек смотрела на своего пока что только формально, а вскоре, как она сильно надеется на его решительность и не глупость, то и на многие годы молодого человека. Она ведь разумная очень девушка и понимает, что молодость не вечна, как и её взгляды на совершенство этого мира, в частности того, который собой будет ей создавать её молодой человек.

И наблюдающему за ними со стороны Шансу в свете своих

прежних рассуждений на этом месте, даже совсем не трудно представить ведущийся между ними разговор. Где каждая сторона этого, в качестве предисловия разговора, очень рассчитывает в своём спутнике на разумность своего поведения и своё личное понимание, и давайте, Варвара, не будем слишком вести себя поспешно и не задавать лишних вопросов (всему своё время).

И с самого сперва, когда они вступили на первую ступеньку крыльца, предваряющего собой вход в ресторан, явно не просто так устроенного так, что подъём по нему достаточно крутой (это не ошибка проектировщика, а в эту конструкцию крыльца заложена глубокая мысль и философский посыл вступающим на новый путь людям о том, что путь к счастью тернист и сложен), каждый из них ведёт себя очень благоразумно, не задаваясь не нужными вопросами, полностью сосредоточив своё внимание на ступеньках.

А вот как только ими была преодолена половина пути на этом подъёме, то той самой Варваре, на чей счёт у её спутника Гаврилы имелись далеко идущие планы и заодно сомнения (вот насчёт возможностей их осуществить, то об этом даже сам Гаврила не имел информации), вдруг в голову взбрела удивительная мысль о том, что бы интересно сделал и как поступил Гаврила, случись ей прямо сейчас споткнуться на камешке, попавшим под каблук её элегантных и на тонкой между прочим шпильке туфель. – Как прямо у Золушки. – И сразу Варваре на её ум приходит вот такая фантастическая и

чутьочку только сказочная фантазия. Удержаться от которой в стороне, не посмотрев на неё от первого лица, а именно в сторону своих туфель и места на которое она ими вступает, совершенно невозможно для авантюрной души Варвары, уже ощущающей на своих ногах не самые простые туфли от одного известного бренда (ну и что, что это только реплика, если она реплика в вечность, то это уже оригинал), а хрустальные туфельки. А этот момент многое, что меняет в вообразившей себе и не пойми что Варваре, впавшей в неблагодарное насчёт такого дара её небес сомнение.

– А как насчёт их прочности? Выдержат ли они мой вес в пушинку (наговаривает на себя Варвара), который в последнее время не столь стабилен? – в один момент сильно взволновалась Варвара, чувствуя за собой некоторую недоговорённость и утайку по поводу своих весовых параметров, которые она несколько занижает. Но не ради своего обольщения, а из чисто психологического фактора – такой взгляд на себя её успокаивает.

Ну а там, где рассматривают вот такие женские заявки на свою мечту, работают очень скрупулезно и добросовестно, не отклоняясь ни на йоту в параметрах поступившего заказа. И получается так, что ею заказанные хрустальные туфельки, кои не надо забывать, что имеют в себе очень хрупкую конструкцию, рассчитаны на заявленный Варварой вес, а не на ту массу, которую она в себе скрывает, не задекларировав её в таком деликатном деле (Варвара работает в налоговой и

как ей не знать, к чему в итоге приводит утайка налоговых поступлений). И как всему результат, Варваре всё это грозит большими проблемами, ещё до наступления полночи, если ещё учитывать и то, что Варвара в ресторане не собирается голодать, а как раз наоборот, набирать в себе значения и веса.

– И что, мне там голодать?! – Варвара прямо вся расстроилась от таких своих будущих перспектив. Правда, сейчас для неё на первом месте стоит другой вопрос. И она, чтобы убедиться в своих прежних сомнениях, бросает потупленный для Гаврилы взгляд себе под ноги, и надо же, как она и предполагала, то её путь к конечной цели усеян не розами, а скорей шипами в виде вот таких её рассуждений с провокационным подтекстом и не гладкости путей вступления её ножек, где на лежащей перед её вступлением ступеньке находится маленький камушек такого невинного своего осознания для Варвары, что она впадает на его счёт в заблуждение – какой он маленький и гладкий, так что я даже не замечу, если на него наступлю – и очень напрасно.

Ведь это не самый простой и обычный камешек, выпавший из часов времени, а этот тот самый камень преткновения, который не позволяет достичь согласия сторонам будущей, и как только сейчас считалось, обоюдно выгодной договорённости. А вот как только со своими иллюзиями каждая из сторон рассталась, то тут-то и выясняется, что не всё так гладко выходит, как в проектных мечтах.

Ну а как этот камень преткновения действует на практике, то всё банально и просто, он вас об себя спотыкает, и Варвара, крайне удивлённая такому ходу с собой событий, под свою словесную эмоциональную неводержанность: «Во бл*ь!», начинает спонтанно больше, чем осмысленно дрыгать ногами и взмахивать руками, чтобы себя уравновесить, с долей при этом удивления бросая на Гаврилу озадаченный его удивительным бездействием и несообразительностью очень говорящий взгляд.

– Я чего-то не поняла, Гаврила. Вы чего стоите дуб дубом и ничего не предпринимаете для моего спасения?! – вот что-то примерно такое говорит взгляд Варвара. А так как Варвара очень словоохотливая девушка, то она не может задержаться на одной только этой претензии, а у неё есть и ещё что сказать в сторону Гаврилы.

И у Варвары есть вот такая мысль и предположение насчёт вот такого его статичного только с самой поверхностной стороны поведения, а так-то всё для него развивается в задуманной динамике, ведь это он стоял за появлением этого камешка на её пути, а когда-то сидел на корточках перед этой ступенькой. Он, что за рациональная сволочь, решил, что он отказа с её стороны не то чтобы не переживёт, а он уже столько пить не может от постоянных переживаний за отказ его избранниц (вот какая странная штука со мной происходит, кого я выбираю, мне оказывают, а кто меня выбирает, то они мне до одного места), и значит он должен подойти к этому

делу, предложению руки и сердца, с креативных позиций.

– Я этой стерве, Варваре, – принялся излагать свой план в кругу своих корешей и идейных единомышленников насчёт скверности и ненадёжности женского пола Гаврилы, – на её пути подложу гальку, и когда она на неё вступит... – здесь наступает пауза, и не потому, что она задумана Гаврилой как кульминационная, а потому, что среди его корешей есть люди завистливые и нетерпеливые, и они вечно лезут под руку его рассказа и перебивают.

– А сели она на него не наступит, а промахнётся? – вот такую чушь и белиберду, вносящую разлад в единомышление этого коллектива, вносит кореш Гаврилы уже под вопросом Степан.

На кого Гаврила посмотрел сильно в его сторону мнительно – не ты ли Степан, хочешь оказаться на моём месте – и всё-таки удержался от скверных слов в его адрес, себя и Степана уберегая от дружеского разрыва, к которому всегда ведут отношения с этими бабами. А вот указывать, Степан, на то, что она с тобой в мою сторону уже промахнулась, то это, Степан, не по-товарищески.

– Как миленькая наступит. – Очень убеждённо делает такое заявление Гаврилы, коробя слух Степана этими деликатными подробностями на внешний счёт Варвары. И понятно, что этих аргументаций для Степана недостаточно, ему подавай чего-то больше логического, как он всегда так выражается.

– Этих на её счёт подробностей недостаточно, чтобы рассчитать направление её пути. – Заявляет Степан. И, пожалуй, он в чём-то прав, хоть и горит завистливым в себе безумием.

– Моя Варвара, – и опять звучит такой выпад Гаврилы в сторону отверженного ранее Варварой Степана, – несколько заносчива и самоуверенна, и не смотрит себе под ноги. – Шах и мат Степану со стороны Гаврилы. Кто, как сейчас выясняется, слишком самонадеян насчёт Варвары, кто всё-таки иногда смотрит себе под ноги. Впрочем, с прежним результатом, и Гаврила, можно сказать, добился своего. А как добился, то к полной для себя неожиданности встал в ступор, и сейчас на его глазах рушится буквально весь его план по падению Варвары в его объятия. Где альтернатива очень жестка по отношению к обеим сторонам этого, если всё будет так продолжаться и идти своим путём, не сложившегося тандема – Варвару ждёт встреча со ступеньками, а Гаврилу встреча с радостным Степаном, вернувшим себе доверие Варвары, заявившей ему о том, что вы, Степан, ещё не самый паскудный человек на свете, есть на этом свете ещё похлеще вас люди.

– Нет, так не бывает. – Вернув всё восвояси под весьма разумным предлогом – реальность не соответствовала выдумке, Шанс продолжил провожать взглядом нового осмысления эту интересную для него во всех смыслах пару.

– Варвара всё-таки не сможет сдержаться и не спросить Гаврилу насчёт вывески этого заведения, и ясно что с боль-

шим намёком на свою не глупость и информированность насчёт будущих намерений и планов Гаврилы на свой счёт (это для того, чтобы он не сорвался с крючка и не передумал). – В новой для себя локации принялся моделировать ситуацию с этой парой Шанс.

– Скажите, Гаврила Индустривич, раз вы такой умный (это была ироническая отсебятинка со стороны Шанса, а так-то она об этом не говорила), что означает эта вывеска? – задаётся этим вопросом Варвара, смотря взглядом вкрадчивой наивности и невинности на такого серьёзного и буку Гаврилушку. Кто, между прочим, и вы первая об этом должны были заметить, и значит, не лезть с ненужными вопросами, находится в большом волнении и на пределе своих душевных сил, в голове представляя, как всё им задуманное обязательно пойдёт не по плану:

– в одном из вариантов он обязательно собьётся с мысли в самый нужный момент, и не сможет, не то чтобы объяснить Варваре, зачем находится это кольцо в её бокале, а он начнёт препираться – я к этому кольцу не имею совершенно никакого отношения – или же возмущаться на официантов за их не профессионализм – хорошо ещё, что это не муха.

– в другом варианте его вдруг в самый ответственный момент приспичит так, и при этом не по малому (а нечего было налегать на морепродукты, сам же знаешь, что тебя от них пучит, и волнением тут не объяснишься), что у Гаврилы не будет никакой возможности остаться в этот самый долго-

жданый и знаковый момент для Варвары на месте. Не может же он в самом деле в этом месте буквально обосраться, если мягко сказать. Хотя он всё равно всё это сделал, разве что только в фигуральном виде для Варвары.

– и ещё в одном варианте он... А вот на этом месте Гаврила был перебит реальностью в виде швейцара в дверях, и как это всегда бывает, то совсем для него не кстати. Ведь этот вариант каверзы на его счёт судьбы, и будет осуществлён ею, раз вы, Гаврила, так спешите быть счастливым и не слушаете предупреждений со стороны судьбы и её пророков – людей бывалых и с опытом несчастной жизни, то есть своих корешей.

Что же касается стоящего на своём посту, как Пётр на вратах рая, но только на вратах счастья швейцара, то это, конечно, не его дело, делать выводы и ваши оценки, но вам не стоит пренебрегать его мнения, он больше всех остальных повидал на своём веку лиц в преддверии входа в это заведение, с коих не сходила радость иллюзии и улыбка в сторону ожидания для себя счастья, и согнувшихся под грузом накатившего горя и несчастья спин людей бегущих от настоящей, а не надуманной реальности.

И швейцар в один взгляд на вас за раз насчёт вас и вашего будущее всё для себя распознает и оформит, и если хотите и будете к нему благожелательны и внимательны, то он поделится с вами этой информацией насчёт вашего будущего.

Но Гаврила видимо сильно в этом плане суеверен и мните-

лен из-за своей не большой уверенности в собственном значении для Варвары, а отсюда все эти его метания и сомнения насчёт правильности своего шага в сторону Варвары – буду вечно её ревновать и подозревать в изменах, и всё по банальной причине, своей недооценки в своих глазах – и он отводит свой взгляд от такого назойливого на чаевые швейцара, кто за хорошее вспоможение готов всегда исказить прогноз на ваше будущее.

А вот Варвара более наивна и доверчива в сравнении с Гаврилой, и она готова всему чему хочешь поверить, глядя во все глаза на швейцара. Но швейцар такой традиционной закоренелости персонаж, что он совершенно не считается с мнением женского взгляда на себя, а ему важней, как на него посмотрит тот же Гаврила. Кто в первую очередь ведёт Варвару и отвечает за финансовое обеспечение их вечера. И тогда какой спрос с Варвары, как только самый бескорыстный. А швейцар сюда поставлен не из личного бескорыстия, и он, как уже ранее упомянутый Пётр, работает с клиентом с учётом его вложений в свою судьбу. А все эти намерения, никак не материализуются.

И вот Гаврила с Варварой минуют строго и с претензией смотрящего на них швейцара, с кем они недальновидно думают, уже никогда не встретятся, и значит, его можно не принимать всерьёз (и очень зря, от закрытия им дверей в вашу спину, будет, как минимум, зависеть, как вы с этого крыльца сойдёте или спуститесь кубарем и лицом в асфальт, и всё

под глубокомысленные взгляды и выводы людей с сигарками: Ещё один, не первый, не последний, ударился лицом в свою судьбу) и оказываются лицом к лицу... Нет, не перед метрдотелем, распределяющим места в зале, а перед лицом множества спин, из которых состоит толпа людей, окруживших в шуме, гаме и волнении стойку метрдотеля.

И на этот раз первым обо всём происходящем здесь догадывается Гаврила. Правда, с очень специфичным уклоном. – Сегодня же пятница. Вот все так и ломятся быстрее занять свои места отдохнуть от будней. Вот только одно мне не понятно. Почему все так торопятся обречь на счастье с собой свою избранницу именно в пятницу. До субботы что ли не подождут? Неужели боятся, что их кто-то опередит, или в субботу не положено. – А вот этот момент заставил Гаврилу покоситься с полным вниманием на Варвару, и для себя заметить, что с Варварой осторожничать и не торопиться, будет не самое разумное решение. И не потому что она легкомысленна и падка на заманчивые предложения, а он так того хочет.

А вот вслух он сказал другое. – Хорошо, что мы заранее забронировали столик.

На что Варвара смотрит не так благодушно и с долей опаски.

– В наше время ни в чём нельзя быть уверенным. Вдруг найдётся какой-нибудь прохвост, и предложит метрдотелю такую сумму за аннулирования нашего столика, что он не

сможет отказаться? – и это был не вопрос Варвары, а принуждение к действию Гаврила. Кого, конечно, никто не принуждает побороться локтями за своё счастье быть рядом с Варварой, но учите Гаврила, у вас быть может больше не возникнет такого шанс проявить на моих глазах героизм в отстаивании прав на вечер со мной. И ещё одно. Будьте совершенно уверены в том, что ваше предложение перенести сегодняшней вечер на другое время – так и есть, наш заказ аннулировали, пожимает плечами Гаврила – будет категорически мной отвергнуто (не в субботу же, с похмелья пятницы, вы надумали делать мне предложение!). И если вы не можете в таком мелком вопросе постоять за наше счастье, то какой смысл иметь мне с вами дело. – Уже чуть ли не кукситься и надувает щёки Варвара в сторону Гаврила, не ожидала она совершенно, что он окажется таким бестолковым и безынициативным человеком. А знала бы, то тогда может быть приняла приглашение Степана, кто точно бы вопрос со столиком решил, и так бы быстро, что им не пришлось бы сейчас стоять в этой очереди к административной стойке метрдотеля.

– Один момент, Варвара. – Ловко так бы ей подмигнул Степан, и в раз вошёл в эту толпу как бульдозер, отдавив кому надо ноги, а кто вёл себя слишком строптиво, то тому пришлось локтём под бок напомнить, что вас здесь, гражданин хороший, не стояло.

И не успеет Варвара и слезинку смахнуть от такого к себе пренебрежения со стороны всех этих неделикатных спин,

как Степан уже здесь, и готов её вести за отбитый у одного пронырливого нахала столик. Ну а то, что тот его для себя за чуть ли не месяц забронировал, то зачем он ему теперь, когда он с момента встречи со Степаном страдает сильным недержанием, головокружением (никого, бл*ь, не узнаёт), и ему надо постоянно в туалет.

Так что у Варвары есть теперь все основания и доводы пересмотреть свои взгляды на Гаврилу, кто ей приглянулся за свою деликатность и воспитанность, и которые, как прямо сейчас выяснилось, не слишком содействуют, а скорей даже мешают организации для тебя счастья. А вот Степан... Но Варвара не будет спешить, а будучи натурой милосердной, даст Гавриле ещё один шанс утвердиться в её глазах.

И вроде как Гаврила внял подаваемому ею голосу разума, сумев вначале пробиться к стойке метрдотеля, и сейчас он, махая ей рукой, подаёт ей сигнал о том, чтобы она к нему подошла.

А как Варварой спрашивается, она должна к нему подойти, если на её пути к нему стоит такая людская стена. Ей что, придётся толкаться и пропихивать себя сквозь все эти человеческие тела и тем самым пропахиваться их запахами плотского вожделения с одной стороны, и непомерного самомнения со стороны худосочных стерв, составляющих собой пары тем самым вожделеющим мужским телам.

И Варвара ни за чтобы не приняла это приглашение Гаврилы, не посчитав, что это такая её проверка судьбой на пра-

во на своё счастье.

– А вот вы, Варвара, на что готовы, ради обретения своего счастья, хотя бы для начала в объятиях Гаврилы? – Что-то такое в её сторону было рассмотрено со стороны судьбы, особы слишком претенциозной и для неё нет никакой разницы, кто перед ней стоит и что стоящий перед ней человек представляет. И скорей даже у судьбы более строгие требования к представительницам женского пола, кого она по максимуму тестирует и гнобит, явно из личных побуждений и имевших место сложностей уже в своей судьбе.

– А этих самодовольных гадин на дух не переношу, особенно сильно и жутко красивых. И для них у меня самые жестокие испытания. Испытания на их самостоятельность принятия решения, где их внешняя оболочка не могла бы им оказать преимущества. – Вот так подло поступает с тестируемыми девушками и даже дамами в возрасте судьба.

И Варваре приходится полагаться в данный момент на всё тоже самое, на что полагался Гаврила, пробиваясь к стойке метрдотеля, на свою напористость и борзоту. Коих у ней от природы нет, как она всегда заявляла, но если их надо будет применить, то она их в себе отыщет. И кого щипая за их худой зад – ой, кто же это? А разве непонятно, вон тот плотоядный тип со свинными глазками – кого удивляя невероятно, сунув палец кое-куда – оппа, попался – а кому даже «повезло», когда она ему на ухо нашептала такого, что некоторые люди, до этого момента считавшие, что мы с вами в месте,

немедленно разочаровались и посчитали, что были слишком доверчивы и слепы к некоторым хамелеонам.

И вот Варвара стоит рядом со стойкой метрдотеля, а уж только затем можно считать, что рядом с Гаврилой, и будучи вся такая впопыхах и раскрасневшаяся от возмущения, отчего она стала ещё краше, хоть и краска на лице потекла (но это ей было в плюс, это указывало на её крепкое желание попасть внутрь), не совсем понимает, что здесь и сейчас происходит, и почему она такое пристальное внимание к себе метрдотеля заслуживает. И хотя она всегда на свой счёт не испытывала иллюзий, а имела верную оценку – я заслуживаю самого лучшего (и тогда неужели Гаврила это то лучшее для неё, что она за свои грехи заслужила?) – на этот раз она находится в некоторой растерянности насчёт всего этого своего пристального рассмотрения метрдотелем. Кого Гаврила не только не одёнет – а ну хорош пялиться, это только мне позволено – а он чуть ли ему в этом деле не содействует и во всём поддерживает. И Варваре даже думать не хочется о причинах такого потакания Гаврилы этим низменным чувствам метрдотеля.

– Ты должна меня, Варвара, понять. Я должен был что-то ему предложить, чтобы оставить за собой столик. Вот я и предложил тебя рассмотреть, как следует. Достояна ли ты права находится рядом со мной в этом заведении. И разве ты не потерпишь некоторые неудобства и не пойдёшь на жертвы ради нас двоих? – вот так ловко всё перекручивает Гав-

рила. Где на жертвы идти придётся ей, а пользоваться плодами её жертвенности ему. Неплохо что и говори, устроился Гаврила.

Ну а так как Гаврила куда ещё подлее и ловчее на свой обман Варвары, чем она о нём думала сейчас, то он весь осмотр Варвары обставил не так прямолинейно, а с большой хитростью. И Гаврила ей на ушко вот что шепчет, а метрдотель вслух всё это подтверждает.

– Возникло у нас подозрение, что вы друг для друга не крепкая пара, а так, лишь знакомые. – Не сводя своего взгляда с Варвары, пускается в пояснения своей вот такой, как оказывается служебной предвзятости метрдотель. – В другое время, мы бы посмотрели на всё это сквозь пальцы, но сегодня сами видите, какой ажиотаж стоит на желание попасть в наше заведение. И свои сильные чувства друг к другу придётся доказать и продемонстрировать в качестве проходного билета. – Ну а это уже просто возмутительно для Варвары, и не собирается она тут никому ничего доказывать. А подталкивать её собой таким просящим и потерянным видом Гаврила к другому решению, слишком самонадеянное решение. И если она на такое со своей стороны унижение согласится, то только потому, что она проголодалась и есть сильно хочет.

При этом Варвара не собирается вот так сразу соглашаться на всё, чтобы не предложил этот падкий на бесплатные и однозначно унижающие человеческое достоинство людей развлечения метрдотель (он специально создал вокруг такой

ажитоаж, чтобы им вот так пользоваться), а она сперва по возмущается.

– Это ещё что доказательства такие, я должна вам продемонстрировать?! – кипит праведным гневом Варвара, но очень разумно, с предложением к метрдотелю объяснить правила игры.

И метрдотель, будучи сообразительным малым, всё понял, что ему Варвара решила донести. Плюс у него и в самом деле не было личной мотивации, и он действовал в рамках действующих в их заведении правил.

– У меня к вам есть всего лишь пару простых вопросов. – Говорит метрдотель, в своём ехидливом выражении лица подразумевая как раз обратное, то есть не самые простые вопросы, а самые заковыристые и психологически сложные. – Внешний дресс-код вы прошли, в отличие от вашего ... – на этом месте метрдотель замолк, переведя свой взгляд на этого неотёсанного Гаврилу, и, в общем, вам решать, кто он для вас. После чего он возвращается к Варваре и всем своим недоумённым видом делает пояснения своей позиции уже на Гаврилу. – И зачем вам такое ничтожество и охламон. Неужели вы себе кого поинтересней выбрать не можете, или не хотите? А этого приживалу с собой прихватили только чисто для эксперимента. Интересно вам по изучать общественное мнение насчёт вот такого, откровенного мезальянса. – Свойственно для работников вот такой сферы обслуживания и услуг, метрдотель с вот таким личным субъективизмом по-

смотрел на Варвару и дал ей знать, что ей делать, если ей надоест играть в эту благотворительность. И она знает, где может найти людей всегда готовых ей прийти на помощь.

Ну а как только предварительная часть этого немого диалога пока что была завершена, то метрдотель приступает в главной части собеседования на право считаться достойным клиентом этого гостеприимного заведения.

– Как вас зовут? – обращается с вот таким, с виду только простым вопросом метрдотель, с хитростью склонив голову над стойкой, на которой находился список с приглашёнными лицами, и по которому он как бы собирался сверить названное имя Варвары.

И будь Варвара простушкой, то она бы не просекла всю заложенную в этот вопрос хитрость и лукавство метрдотеля. Кто не имя её собрался сверить со списком гостей, а он хотел провести их с Гаврилой проверку на совместимость и знание друг друга. И на это указывает как раз в такой выразительности заданный вопрос. Ведь если бы он собирался сверить её имя со списком гостей, то он бы спросил: «Как ваше имя?». И тогда спрашивается Варварой, зачем такой отход им от регламента? Только для того, чтобы достигнуть первой ею обозначенной цели.

А вот теперь перед Варварой встаёт другой, не менее важный вопрос, ответ на который, как на это сильно рассчитывает метрдотель, она точно не знает: «Как всё-таки меня Гаврила зовёт за моей спиной?». А об как раз и интересуется

метрдотель, уже имевший разговор с Гаврилой, и поймавший того на вот такой словесной глупости, через мнимую шутку спросив его: «А по чесноку, как ты свою между собой зовёшь?».

А Гаврила из чисто амбициозных соображений, а гордыня в нём так и прёт, хотя могли иметь место и рациональные соображения – нельзя грубить метрдотелю, кто может нас за просто завернуть домой, – не может поставить того на место, заявив, что это не ваше дело, а он возьмёт и всё как не есть на самом деле ему выдаст.

– Я, – самодовольно и напыщенно заявит Гаврила, без оглядки на мнение Варвары и саму неё, – зову её моя Варюша (хорошо ещё, что не белочка).

Что и говорить, а умеет иногда Гаврила так напропалую врать, что ему все восторженно верят. В данном случае метрдотель. Ну а то, что он всё-таки проявляет скептицизм, то такова его здесь должность.

– И она идёт? – вот таким образом проявляет скептицизм метрдотель.

– А как же иначе. – Нет предела наглости Гаврилы, так безудержно врущему и так Варвару в чужих глазах подставляющий. Где ей теперь думай и соображай над тем, как её тут зовут и она при этом ещё на это и откликается.

– Ну, уж нет! – перебивает всё в Варваре её возмущение, и она не намерена называться так, как кто-то тут соизволил.

– Как меня зовут, это не ваше дело. – В жёсткой тональ-

ности осаживает метрдотеля Варвара. – А если вам нужно моё имя, то вот оно. – Варвара тыкает пальцем в список гостей. И метрдотель вынужден смириться с тем, что у него в этом плане понервировать и поиздеваться над этой парочкой не получится. Но он, конечно, не сдаётся, и у него в запасе есть множество психологических ловушек и тестов.

– Да, кстати, кто он для вас? – а вот этот вопрос метрдотеля был не за между прочим, а как поняла и быстро сообразила Варвара, это один из тех вопросов, от ответа на который будет решаться их допуск внутрь заведения. И как ещё уразумела Варвара, он не так-то прост, как кажется на первый взгляд.

Если она на него ответит с самой положительной и ожидаемой для Гаврилы стороны – он моя любовь на веки, – то метрдотель посмотрит на неё с укоризной, и вот чем аргументирует свой отказ:

– Раз у вас всё так налажено и счастливо, то неужели вы не поделитесь своим счастьем с другими людьми, которых, сами видите, сколько здесь.

И чёрт его побери, Варваре придётся уступить.

А вот если она начнёт, если не отнекиваться – это моё товарищ по работе – или вообще встанет в позицию отрицания – а хрен его знает – то тут с ними можно разговаривать без церемоний – тогда выйдите вон и там разберитесь.

– Это мы и хотим здесь узнать. – Многозначительно закатив глаза, говорит Варвара.

– А разве это важно? Без него разве не обойдётся? – вот до чего же дотошлив этот падкий на провокации метрдотель.

– На данный момент нет. – Строго так говорит Варвара, теплом наполняя сердце Гаврилы, стоящего чуть от неё сбоку. А вот её объяснение такой близости и неразлучности с Гаврилой, совсем не понравилось Гавриле, но очень понравилось метрдотелю, считающему, что умение подходить с чувством юмора к любой ситуации, это большой плюс. – Кто ж тогда оплатит мой ужин? – прямо удивляется вот такой недалёковидности метрдотеля Варвара.

И они, можно сказать, пропускаются внутрь, хоть и Гаврила замешкался на этой административной стойке. Но для этого у него были веские причины, о которых Варвара не должна была до поры до времени знать. К тому же она своим разъяснением необходимости ей держаться вместе с Гаврилой, сбила того с прежнего хода мысли и желания всё собой здесь задуманное осуществить именно так, как он до этого ответа Варвары хотел. А когда он такое в свой адрес меркантильное отношение Варвары услышал, то он чего-то застрял в умственном ступоре, и чуть было не передумал передать кольцо помощнику метрдотеля по особым поручениям. Кто и должен был спрятать это кольцо в бокал с шампанским, подаваемым Варваре.

И то, что Гаврила на этом, исключительно для него важном моменте замешкался, сыграло самую трагичную роль во всём дальнейшем действии с вручением кольца Варваре.

А всё это дело вылилось в то, что Гаврила, застопорившись на непонимании и внимании к Варваре, вручал это кольцо уже не глядя и с оглядкой на такую жестокую и вероломную возможно Варвару, и как обычный результат такой невнимательности к своей личной судьбе, кольцо оказалось не в тех руках, в которых оно предполагалось вложиться.

Ну а такая ошибка начинает вносить свои коррективы во все последующие решения и действия людей вовлечённых в это действие. Так получивший без объяснения со стороны Гаврилы в свои руки это кольцо помощник по особым поручениям (это был другой помощник, злостный конкурент первому), сопоставил два чуть ли не одновременно возникших события с его руками – полученную записку с номером столика и именем его гостя, некой Раисы Кировны, а затем этого кольца – будучи не дураком, всё как надо понял, чувствуя прибиток в своём оттопыренном кармане, немедленно направился выполнять этот заказ.

Ну а вот теперь Гаврила самонадеянно решил, что можно как следует расслабиться (это ещё как?!), и, в общем, удача в его кармане, а если быть точней, то в кармане в виде кольца у того типа из этого заведения, кто проворачивает все эти дела с кольцами предложений. И если он чего-то перепутает, то Гаврила не потерпит такого попустительства на свой счёт и закатит скандал, раз уж тут не понимают по-другому. А всё это как-то особенно успокаивает и умиротворяет, особенно при взгляде на Варвару-красу длинную косу (фигурально),

которая ни о чём таком даже близко не догадывается, и вот же она будет удивлена и поражена, когда в своём фужере обнаружит кольцо.

– Ой, что это такое?! – хлопая своими ресничками и заодно глазами, начнёт искренне недоумевать и не верить своему счастью Варвара, с долей сердечного сомнения и недоверия к происходящему смотря на Гаврилу, кто один может раскрыть загадку появления этого кольца в её фужере. И Варвара сильно на него в том надеется, что он поступит как здравомыслящий человек, и оправдает возложенные на него прямо сейчас ею надежды, заверив её в том, что это именно то, о чём вы, Варвара, сейчас подумали. – Угу. Оно самое.

Ну а как только Гаврила, кто на этот раз оказался в самом выигрышном для себя положении – от него можно сказать сейчас многое зависело и решалось будущее Варвары, а вот она никогда в жизни не сможет оказаться в таком же положении, что он, если, конечно, не поступит как дура, и не скажет ему «нет» – то он как-то в себе преобразился, став значительней что ли, с чем он на Варвару медлительно и так нетерпеливо для её сердца с долей свысока на неё смотрит через прищур своих глаз, и... Надо досчитать хотя бы трёх, чтобы довести Варвару до сердечного надрыва, а саму ситуацию до кульминации с дрожью в ногах Варвары, что б она оцепенела от ужаса при виде возможности не того, на которое она рассчитывала решения, и у неё всё внутри похолодело и мурашки встали на старт, чтобы при любом варианте

его ответа начать свои гонки по телу Варвары.

И Гаврила начинает этот подлый счёт, а точнее свой расчёт на то, что Варвара полностью в его руках и она никуда от него и от его ответа не денется, и значит, можно сколько хочешь, но в пределах разумного счёта, её собой эксплуатировать на предмет трепетного ожидания ответа. И не трудно теперь догадаться, почему этот день так западает в душу принявших этого предложение в последствии обручённых дев. Они никогда всего этого не забудут вам и будут всегда помнить тот момент, когда они, а не вы были полностью в вашей власти.

– Кольцо, судя по его физическим параметрам. – Гаврила включается в эту игру, и даёт совершенно не устраивающий Варвару ответ. И при этом ещё противно хмыкает, как бы подчёркивая глупость и недалёкость Варвары, непонимающей самых элементарных вещей.

Но Варвара, хоть и покороблена таким ответом этого дурака Гаврилы, кто может заиграться в свои дурацкие игры, всё-таки пребывая в более чем сердечном волнении и возбуждении от ощущения причастности и близости к романтике счастливого исхода её с Гаврилой противостояния, несколько на него не хмуриться, отлично зная и понимая, что у Гаврилы это последние минуты личного мнения и воли своего выражения, и пусть он дурак насладится этими последними для себя моментами свободы.

– Я вижу, что кольцо. – Всё-таки с прослеживающимися

нотками не делайте мне нервы и не преследуйте мой иммунитет, чуть ли не цыкает на Гаврилу Варвара, заставляя того в себе порастерять уверенности и начать серьёзно думать о последствиях своих шагов. – Я хотела бы знать, что оно здесь делает и чьё оно?

Ну а Гаврила, разумно догадываясь о том, что объяснять Варваре для чего кольцо кладётся в фужер шампанского при его-то умении изъясняться логично и художественно, не слишком хорошая затея, а ей, судя по её нетерпеливому взгляду на него, знать ответ на свой вопрос хочется немедленно, идёт самой прямой дорогой разъяснения предназначения этого кольца.

– А того человека это кольцо, кому оно подойдёт на палец. – Многозначительно так смотрит на Варвару, говоря такие занимательные и удивительные для Варвары вещи Гаврила.

И она готова его простить за узорность своего мышления и затягивание им своего объяснения о причинности нахождения этого кольца в фужере. Правда, её всё не покидает волнение, и теперь уже по другому поводу, где, впрочем, объект причинения такой для неё эмоциональности всё тот же, а именно Гаврила. На чей разумный счёт у Варвары имелись свои личные сомнения, которые запросто могут материализоваться в том, что он подобрал кольцо не по размеру ей. И тогда что делать? Когда им уже был поспешно озвучен главный принцип, по которому будет определяться принадлеж-

ность этого кольца: Та кому оно окажется впору, станет отныне и навсегда для меня хозяйкой во всём.

И Варвара, лучше, чем тот же Гаврилы зная женский пол, раз она к нему принадлежит, отлично понимая, чем он живёт и дышит, тут же напряглась и начала обзорным зрением вылавливать со всех сторон конкуренток на право командовать Гаврилой, кто уже сидит на низком старте в гонке за этим кольцом. И только её первая попытка его натянуть на располневший от волнения палец не увенчается успехом, как уже со всех сторон будут подставляться под него пальцы всех видов кикиморы и ведьмы. И Варвара не должна всего этого допустить какими-нибудь превентивными мерами. И не потому, что ей так желается иметь в своих дураках такого человека как Гаврилу, а всё-таки она ему зла не желает, зная его не один день, и значит, она должна проявить о нём заботу и не позволить первой встречной, кто может оказаться хоть кем, захомутать его в своё личное пространство.

– А вы уверены, что мне его стоит померить? – начинает издалика прощупывать Гаврилу на предмет его ответственного подхода к делу выбора кольца и заодно к самому предложению Варвара.

– Если кольцо помещено в ваш бокал, то это на это указывает. – Всё-таки до чего неотёсан на объяснения этот болван Гаврила, совершенно непонимающий, что Варваре хочется от него услышать тёплых и сердечных слов. А он тут её какой-то логикой задавливает.

– Тогда, Гаврила, мне помогите. – Обращается к Гавриле Варвара.

– Как? – всё-таки с готовностью вопрошает Гаврила.

– Не умею я пить шампанское вот так предметно. Боюсь заглотнуть кольцо и подавившись им, умереть. Выпейте за меня моё шампанское. – Вот как художественно и философски объясняет свою просьбу Варвара, кому видимо совсем не жалко Гаврилу, если он подавится кольцом и получается, что умрёт от своего сердечного предложения. Хотя, если он откажется прийти Варваре на помощь, то тогда его ждёт неминуемый отказ Варвары по чисто техническим причинам, с правом и возможностью от этого умереть.

– Нам так и не удалось достать кольцо из бокала. Никто из нас и из зала не решился пить шампанское из бокала. – Вот так будет объяснять свою горемычную судьбу быть отвергнутым Гаврила в кругу своих корешей. В момент сообразивших, что так этой гадине Варваре и надо. А Гаврила себе хозяйственную девушку найдёт. Кто если пьёт, то за ней не угнаться, а кольца она гнёт как подковы.

– Да, кстати, Гаврила, а почему вы просто не вылили шампанское? – а вот это была точно провокация со стороны злыдня Степана, кто не упустит шанса поиздеваться над несчастьем Гаврилы. А вот куда сейчас намылился Степан, то чего-то Гаврила не понял, возопив к корешам: «А ну держи, Степана!».

Так что хорошо, что Гаврила оказался предусмотритель-

ным человеком, и он, прокрутив в голове такой, как всё-таки не единственный вариант объяснения появления кольца в бокале, решив, что будет неразумно время тянуть, а нужно будет действовать решительно, и при случае, выплеснуть шампанское кому-нибудь в его Степана наглуую рожу, ободрённый своей готовностью преодолеть всё на пути своего кольца на милую ручку Варвары, вместе с ней пребывают к своему столику. Где он ведёт себя более чем культурно и воспитанно, оттолкнув боком официанта и сам придвинул к Варваре стул для её за него и за стол погружение. После чего он занимает своё место за столом, и с какой улыбочивой загадочностью, и вы, Варвара, никогда вот так сразу не догадаетесь, что я вам приготовил и что вас сегодня ждёт, на неё смотрит во все глаза, а она в ответ любопытным и ничего, конечно, не догадывающимся взглядом может чуточку любви к вот таким сюрпризам. И вы, Гаврила, меня не подведите.

В общем, и в частности Варвары особенно, она не менее Гаврилы радостно воодушевлена, верно посчитав, что их отношения с Гаврилой выходят на финишную прямую, где уже ничто им помешать не сможет в этой их финита ля комедия, как говорят самовлюблённые французы из кино по мнению Варвары, всё же отдающей предпочтение другой форме подачи реальности на вот такую картинку жизни. Ну а если всё же на пути к их с Гаврилой цели возникнет ещё какое-нибудь препятствие – вот только не смейте Гаврила вести себя безрассудно, для храбрости напиваться, и само собой в этот де-

ле переусердствовав, на утро затем отводить глаза от факта случившегося уже, а не того, что всё это была подстава и меня споили – то Варвара проявит в этом плане бдительность и большую предупредительность – она если что, то сама всё за Гаврилу выпьет, и пусть уж лучше он себя посчитает виноватым в том, что воспользовался её неадекватным и невменяемым состоянием, и склонил к совместному сожителству без серьёзных обязательств со своей стороны.

– Да, кстати, а какие аргументы он решил привести, и чем закрепить своё предложение? – а вот это вопрос очень актуальный и весьма волнующий Варвару, с долей догадливости и с долей сомнения смотрящей в глаза Гаврилы, а обзорным зрением в сторону кухни этого заведения, откуда всего вероятней ей стоит ждать долгожданный сюрприз, включающий в себя ключи от их общего будущего счастья.

– Знаете, Гаврила, я в этом плане шаблонна, и мне будет достаточно шампанского с кольцом в нём, чтобы быть счастливой. – Всё заранее предположила насчёт Гаврилы и его задумки на свой счёт Варвара, всем своим счастливым видом давая ему понять, что она одобряет его сегодняшней выбор и, пожалуй, скажет ему «да». А вам, Гаврила, настоятельно рекомендуется, со всем этим делом сильно не затягивать, а то она от такого напряжённого ожидания проголодалась и ей есть охота. А когда чего-то сильно ждёшь, то как-то кусок в горле не лезет, и всё это все твои мысли перебивает.

Ну а что может поделаться Гаврила, когда его обговорён-

ность с этим специалистом по вкладыванию в бокалы колец, предусматривала не сразу подачу бокалов за их стол, а только через некоторое время. Которое, как теперь только понял Гаврила, ему придётся как-то собой заполнять. И при этом так, чтобы сильно не наскучить Варваре. Которая ещё за это время их совместного ожидания кульминации сегодняшнего вечера, видя какой он скучный и так себе на занимательность её разговорами человек, ещё и передумает с его предложением на её счёт. Хотя первоначально она склонялась к варианту осчастливить своим согласием этого непутёвого человека, кто без неё точно пропадёт и не станет дельным человеком. А вот сейчас она на всё то, с чем ей придётся, закатав рукава, работать, посмотрела, и поняла, что Гаврила неисправим совершенно, и с ним работать, лишь тратить зря своё личное время. Так что, Гаврила, не обессудьте, но мне с вами не по пути.

А между тем им принесли меню, и Гаврила получает возможность для своей передышки в качестве не демонстрации в себе большого и интересного рассказчика. А вот у Варвары появляется возможность по сделанному заказу Гаврилы выяснить для себя план его действия по охмурению себя (так ей нравится всё это дело с предложением Гаврилы называть).

– Ну-ну, Гаврила, и чего вы предложите заказать? – исподлобья поглядывает на всего в сомнениях и в растерях Гаврилу Варвара, про себя радуясь и веселясь всему тому, что сопровождает в лице Гаврилы её здесь вечер. Где на плечи

Гаврилы не просто кладётся, а взваливается весь груз сложностей и ответственности за правильную подачу его ей предложения, а ей-то всего-то нужно, быть самой собой (а Варвара особа очень живая на веселье и личные авантюры) и наблюдать за всем тем, как Гаврила мнётся и нервничает за то, за что и не нужно особо переживать. Ведь в любом случае, даже если официант споткнётся об выставленную ногу самого яркого противника такого развития ситуации с предложением руки и сердца, и в первую очередь кольца Варваре, подлого Степана, и упав разобьёт несомые за их стол бокалы не с одним шампанским, а с кольцом в одном из них, то Варвара может заверить Гаврилу в том, что она всё равно не откажется в себе от того, что отвечает её желаниям. А её главное желание сейчас, это вас, Гаврила, захомутать. Ха-ха.

И как ожидалось и предполагалось Варварой, Гаврила, быстро окинув для приличия меню, а так-то он уже знал, что нужно заказать, делает ей предложение пока что только насчёт заказа из меню. – Как на счёт шампанского?

Ну а что насчёт шампанского может сказать Варвара, кроме того, что я не пью алкогольные напитки. Правда, только в самом страшном предположении Гаврилы, кто на ровном месте ищет для себя непреодолимые препятствия, вот он весь в себе побледнел и неуверен, боясь, что-то обязательно что-то пойдёт не так.

Но в этом плане, в плане отказа от шампанского Варварой, предпочитающей более суровые напитки, не вышло сбоев, и

Варвара сразу не отказала ему в этом предложении. А Варвара, что за интригующая натура и ей всё нужно знать, решила поинтересоваться у Гаврилы, а с чем связано такое его интересное для её сердечного сознания предложение.

– Неужели, Гаврила, вы что-то такое любопытное задумали? – прищурившись в сторону такого таинственного и загадочного Гаврилы, задаётся вопросом Варвара.

А Гаврила, чуть не поперхнувшись, переживая и нервничая более чем, аж весь в себе теряется от такого своего раскрытия Варварой, и у него внутри ротовой полости всё пересыхает и комками страха сглатывается. Ну а выглядит и ведёт себя Гаврила до предела невнятно и глупейшим образом, принявшись с виноватой улыбкой лыбиться и схватившись руками за меню, пытаться его разорвать. И тут Варваре нужно немедленно идти ему на помощь, а то Гаврила вместе с меню ещё и самого себя разорвёт от внутримышечного и душевного давления.

– Хорошо. – Говорит Варвара. – Заказывайте шампанское.

И Гаврилу слегка отпускает, и он заказывает шампанское, и это даже не смотря на его дороговизну, на которую указала и заметила Варвара. – Ого, а ценники у них тут ничего. – Уже в довесок к заказу Гаврилы, когда у него уже обратного пути не было, такое замечает Варвара, хитро так на него смотря, и, как понял Гаврила, а по другому её и не понять, то она вот так провокационно его проверяла на свою не жадность.

А Гаврила в такие особенные для себя моменты жизни,

ничего не жалеет, хоть и будет на следующий день жалеть о своей слишком большой горячности в плане быть щедрым. – И для кого и для чего?!

Но на этот раз есть для чего и для кого, и если всё пройдёт как он задумал, то уже перед Варварой по утрам встанут эти знаковые вопросы: «И за кого? И чего ради?!». И ответ не сильно ей понравится. – Всё из-за этого шампанского. Он в него точно чего-то добавил, что я вся размякла и расплылась от счастья и как результат, не смогла ему отказать. Вот же подлец этот Гаврила, готов на всё, даже на самые подлые приёмы, чтобы меня оболстить и завоевать.

Ну а пока официант рванул выполнять заказ Гаврилы, с неожиданной стороны подошедшего к своему заказу – он начал подмигивать официанту, и притом с такой уверенностью в том, что официанту это нравится и он с ним в чём-то заодно (а у того уже есть личные предпочтения, и как он видит, то и у этого типа не пусто за его столом) – перед Гаврилой всё также стоит вопрос, как протянуть время до задуманного им кульминационного момента вечера с кольцом в бокале, чтобы себя не выдать и не спалится перед Варварой, далеко не такой душой, что б не заподозрить его в чём-то подобном – сейчас будет меня на этот счёт раскалывать – а перед Варварой встал обратный вопрос – как более весело и благодушно за счёт Гаврилы провести время ожидания шампанского с кольцом.

– Вот будете так на меня бесстыже нервно смотреть не пе-

реставая, то я вам такое выкину по прибытию официанта с шампанским, что вы заикаетесь. – Начинает дразнить и сбивать Гаврилу со всякой устойчивой мысли Варвара, так улыбающе на него смотря из-под своих ресничек, давая ему понять, что чего бы вы, Гаврила, от меня не скрывали, я всё равно об этом когда-нибудь узнаю. Например, вашу повышенную робость и не умение быстро соображать в такие моменты напряжённого ожидания.

– Вы сегодня как-то особенно, не похоже на себя обычного выглядите. К чему бы это? – вот так начинает Варвара дёргать и провоцировать на бледность Гаврилу.

– С вами сюда пришёл. Вот и приделся. – Бубнит себе под нос Гаврила.

– А почему именно сюда пригласили? – а вот это уже был вопрос с намерением раскрыть планы Гаврилы. И Гавриле нужно быть аккуратней со своими ответами.

– Посоветовали мне его. – С той же тупой диспозиции отвечает Гаврила.

И, конечно, Варвара хватается за данную ей возможность поиздеваться над ним.

– И в каком плане посоветовали?

– В плане отличной кухни.

– Понятно. – Очень многозначительно, как это умеют делать только приглашённые тобой в ресторан девушки, услышавшие от тебя как раз то, что они хотели или не хотели услышать, отвечает Варвара. И естественно и это не обсуж-

дается, Гаврилу такой её очень понятный ответ не устроил.

– Что-то не так? – спрашивает Гаврила в волнительной заинтересованности.

– А тот, кто тебе посоветовал это место, он или она? – а вот сейчас Гаврила не понял, какое это имеет отношение ко всему с ними происходящему. Но при этом он благоразумно понял, что его ответ должен быть дан немедленно. А иначе возникнут никому и в первую очередь ему не нужные подозрения.

– Он.

– Хорошо. – Соглашается больше с этим фактом, чем даёт ответ Варвара, всем своим видом показывая, что не слишком верит Гавриле. Но она готова с ним согласиться, если он ответит на следующий вопрос. – И что он?

– Что он? – не понял вопроса Гаврила.

– Как сходил сюда, удачно?

А вот теперь Гаврила понял, к чему ведёт этот разговор Варвара. Действительно хочет поскорей расколоть его на его планы уж очень ей невтерпёж знать, чего он ей тут предложить хочет.

– Да. – Расплывается довольством Гаврила.

– Интересно. – Задумчиво смотрит на Гаврилу Варвара, покручивая в своих руках вилку, взятую ею из приборницы.

А Гаврила вновь себя начинает чувствовать зажатым всем эти обстоятельствами сегодняшнего вечера, к чему также добавилось странное ощущение при виде вилки в руках Вар-

вары, что он находится на столе в качестве основного блюда, и сейчас Варвара его будет разделять по своему усмотрению.

– И с чего начнём? – так и спрашивает его Варвара, вцепившись в него всё поглощающим взглядом.

А Гаврила как-то не собирается с собой вот так, через буквальное поедание и ликвидацию своей личности расставаться. А он, в некотором роде догадываясь о сопутствующих совместному счастью жертвах и жертвенности, где тебя поедом поедают различными претензиями и укором в том, что ты гад такой, всю жизнь мою такую до тебя развесёлую и беззаботную прямо-таки изничтожил, всё это считал всё же мифами, а если не мифами, то оправданием своей жизненной непристроенности со стороны его корешей неудачников на семейном фронте, и таким образом успокаивающих свою ненужность и неприкаянность, и как-то не собирался собой вообще всем жертвовать.

И Гаврила в один момент верно рассудил о своей поспешности принятия решения всем желаниям Варвары потворствовать, не выяснив на её счёт самое главное – привержена ли Варвара современным принципам зелёной энергетики, записывающей её в ряды если не веганов, то вегетарианцев, веганов-лайт. Кому запрещено из моральных принципов заглядываться на мясную пищу и быть плотоядным. И тогда он мог бы быть за себя спокойным, не то что сейчас.

Но Варвара умеет удивлять, а Гаврила ей в этом идёт на-

встречу своей недалёкостью понимания женского ума и его взгляда на вас, Гаврила. И Варвара, с таким аппетитом глядя на него, не как того думал Гаврила, хотела за его счёт поддержать свой кислотно-щелочной баланс, а она на него смотрела куда как активней и шире. А вот как? То для начала она должна все причинно-следственные связи, приведшие их сюда, а ранее Гаврилу к решению её сюда пригласить выяснить. И полагается она на самую обычную логику и невоздержанность Гаврилы на раскрытие всех своих секретов, а попросту не умение держать язык за зубами, если его об этом очень мило и загадочно попросить.

– А что всё-таки подразумевается вами и вашим знакомым сходить сюда, не в самое простое, а определённой направленностью заведение, как удачно? – возвращаясь к прежнему разговору, задаётся вопросом Варвара. И если Гаврила не совсем понял, что она имеет в виду в своём вопросе, то она уточнит этот момент. – Как вы, Гаврила, понимаете, у нас с вами разный взгляд и подход к пониманию этого удачно. И если для вас что-то удачно, то для нас это не всегда так. Вот я и хотела, чтобы вы мне прояснили вас и вашего товарища ответ.

А Гаврила не дурак, и он видит, к чему ведёт Варвара. Хочет заранее узнать, как он смотрит на это место их сейчас присутствие, и хочет его опередить на шаг в плане раскрыть его тайные намерения. А вот этого Гаврила не допустит. А как он это сделает? То самым глупым образом, прикинув-

шись тем, кем он себя не считал, а вот его поступки всегда о нём говорят обратное.

– Это вы что имеете в виду, указывая на особую направленность этого заведения? – так уверенно и правдиво играет полного тупезня Гаврилы, что Варвара ничего поделывать не может, как развести руками, признав за ним актёрский талант.

И ей приходится следовать обозначенным этой недалёкостью Гаврилы путём, пустившись в околичные объяснения (а по другому она не может), что она имела в виду, так обозначив это заведение.

– Вот видите пару за соседним столом? – Варвара переводит своё и Гаврилы внимание за соседний столик, занимаемый очень элегантной дамой и презентабельным в первую очередь господином, а затем уже гражданином.

А у Гаврилы при виде этой, не самой обычной и простой пары, сразу же и немедля возникли свои предосудительности и волнительные сомнения в сторону Варвары, чьё указание на эту пару было не путём случайного выбора – куда мол, пальцем ткну, то и будет для нас общий пример – а Варвара однозначно давно эту пару заметила, и она была ею выбрана не для самого обычного жизненного примера для него, Гаврилы, как себя люди на людях в таких местах ведут и делают друг другу лесные предложения – смотри и учись, и не делай ошибок – а она на их примере хотела обрисовать своё видение своего с ним будущего. Где она его видит че-

рез некоторое, возможно совместно проведённое время не подзаборным алкашом, потерявшим жизненные ориентиры, а вот таким респектабельным господином, видным представителем гражданского общества, кто на годовщину их союза сюда пригласил её, с какого-то знакового момента, да того же сегодняшнего посещения этого ресторанчика, самого важного для себя человека, на кого он ориентируется во всём, ну а она всему этому представлению соответствует, как можете посмотреть и в этом убедиться, Гаврила. В общем, эта пара была их пара в перспективе.

А сейчас от Гаврилы пока что требуется немного. Не сглотить и всё, что полагается, и им было задумано, выполнить без сучка и задоринки.

С чем Гаврила полностью согласен и он и не собирался по этому поводу спорить с Варварой. О чём он прямо сейчас и хотел её заверить, не перебей его на этом пути подошедший к наблюдаемому ими столику официант с шампанским. И Гаврила со смешком и лёгкой иронией пока что про себя заметил вот такую любопытную игру случая, где ему, как не слишком аккуратному и больше небрежному ученику, на чужом примере и наяву (как только об этом догадалась Варвара, или же она всё это спланировала? А я сразу по вам, такому всему потрепанному, поняла, что вы можете с робеть, вот и решила вам в этом деле помочь) показывают, как нужно делать предложение руки и сердца. В общем, и с кольцом эта пара опережает Гаврилу на пару шагов.

А как иначе, ведь они это он и Варвара в перспективе. И Гаврила отлично понимает Варвару и то, что она ему хотела сейчас показать на примере этой пары. Хочет она, чтобы у них всё также как и у этой пары сложилось, и даже лучше. Ведь им пришлось по отдельности двигаться к такой своей самостоятельности и каждый из них чего-то добился, как минимум, признания со стороны друг друга, а у них с Варварой всё находится вначале пути, и им даётся шанс преодолевать встающие на пути к счастью преграды вместе, крепко держась друг за друга. Так что Гавриле нужно быть внимательным и ничего мимо себя не пропускать.

Вот он и не пропускает, и отлично многое за этой парой людей замечает из того, что даже они не подозревают (она, а это была та самая Раиса Кировна, точно не подозревала наличие со стороны своего делового партнёра, с кем её здесь свела деловая встреча, иных на неё взглядов кроме деловых) и понятия не имеют о том, о чём они с Варварой за них уже знают, или по крайней мере предполагают.

– А этот харизматичный и такой весь из себя деловой тип, очень умело играет свою полную отстраненность от им задуманного и сейчас с помощью официанта осуществляемого. – Про себя усмехнулся и чуточку позавидовал Гаврила хладнокровию этого пижона в костюме от кутюр. – И бровью, бл*ь, не ведёт в сторону бокалов с шампанским. Как будто в них ничего кроме шампанского не присутствует.

– А она не менее чем он хороша. – Гаврила перевёл своё

внимание на эту изящную даму, подругу хладнокровного господина, кто вызвал не меньшее у него восхищение своим умением не придавать ничему совершенно никакого значения. – И меня вам, Артуро, не провести своим неземным бесстрашием. Я знаю, как бьётся в вашей груди сердце, переполняемое любовью ко мне, и с чем связано это ваше приглашение. Посмотрим, какой сюрприз вы мне приготовили.

– Да, посмотрим. – Полностью согласен с изящной дамой, Раисой Кировной, Гаврила, со всем вниманием посмотрев на бокалы с шампанским, в одном из которых, затаившись, лежало обручальное кольцо, с помощью которого этот деловой и весь из себя господин, вроде как Артуро, собрался с ног на голову перевернуть весь прежний устоявшийся на определённых принципах мир Раисы Кировны. Кто до сегодняшнего дня и этого часа во всём полагалась только на одну себя, а тут вдруг такой жизненный поворот, ей предлагают, да ещё так настырно и заманчиво, часть своих забот переложить на чужие плечи. И в чём, Раисой Кировной спрашивается подвох?

И она отчасти догадывается. Артуро, представитель других деловых кругов, а в частности одной глобальной финансовой корпорации, занимающейся поглощением и слиянием, на этот раз имеет цель поглотить их юридический холдинг, который представляет собой Раиса Кировна. Ну а чтобы значит, это для них вышло не так накладно, то Артуро самолично вызвался заняться этим делом, и через поглоще-

ние самого главного эмитента этой намеченной фирмы, Раисы Кировны (так Артуро посчитал к некоторому удовольствию Раисы Кировны), собирался добиться сокращения затрат на это предприятие.

– Вы мне только создайте благоприятные условия для работы с Раисой Кировной, для начала закажите столик в хорошем ресторане, и само собой всё там оплатите, после чего нас должен ожидать отдельный номер люкс в отеле, ну и дальше по списку, и тогда можно сказать, что дело в шляпе. – Вот такие выдвинул условия своим боссам Артуро, и они под всеми его требованиями подписались.

В общем, интригующий момент настаёт для всех прямых и потенциальных участников этого рассматриваемого Гаврилой и чуточку Варварой события за столом с Артуро и Раисой Кировной. У которого стоит официант, на которого из положения полной независимости от внешнего фактора, к которому демонстрируется некоторое пренебрежение, смотрит, прищурившись, сам Артуро, определённо по мнению Гаврилы уже про себя находясь в предощущении кульминационного момента с нахождением Раисой Кировной кольца.

– Только не подавитесь кольцом от счастья, Раиса Кировна. – Вот такие мысли блуждают в голове Артуро, несколько циничного и жестокого человека-юриста. – А иначе нас ждёт не общее счастье, а обоюдные друг к другу иски. Вы подадите на меня иск за защиту чести, достоинства и жизни, на которые я по вашему уверению, и это ещё нужно до-

казать, покушался. Но благодаря моему умению отрыгивать из себя всё лишнее, я смогла себя спасти, а вот вас от трат нет. Ну а раз вы такая несговорчивая, то с нашей стороны будет направлен иск на компенсацию того ущерба, который вы нанесли имуществу нашего клиента, Артуро, приобретшего это кольцо на аукционе «Кристи» за баснословную сумму. Где в его сопроводительном письме строго настроено рекомендовалось держать его подальше от плотоядных и хищных лиц, которые через выделение в себе слюны и желудочного сока могут нанести непоправимый ущерб поверхности кольца. А вы, Раиса Кировна, как было вами в том числе утверждено, это кольцо во рту держали, и тем самым с каждой секундой удержания его стоимость кратно понижали.

– И на скока? – сильно заволнуется Раиса Кировна.

– На стока. – Перед Раисой Кировной полагат ещё не окончательную сумму к ней претензий. Что заставляет её сильно задуматься над окончательной ценой самого кольца и исковых претензий к ней. В результате в ней, до чего же не сразу сообразившей и не понявшей своего счастья, происходит настоящая революция, и она смотрит на Артуро с предложением всё полюбовно уладить.

И тогда спрашивается Артуро, в равной степени удовлетворённого и раздражённого, зачем было всё это делать?

– Вам бы было скушно и неинтересно со мной, если бы я сразу согласилась. – А это чем не аргумент для ответа Раисы Кировны.

А вот Раиса Кировна со своей стороны играет другую роль. Она при всей своей догадливости и понимании того, что её бывший партнёр по бизнесу, Артуро, тут на её счёт задумал – решил перевести наши деловые отношения в сугубо личные, хм, интересно, какие он для этого придумал основания? – как бы зевающее смотрит на расстановку официантом бокалов перед ними, и... Не может без того, чтобы не внести интригу и может быть свой оригинальный казус в это расставляемое по своим местам дело.

Так Раиса Кировна, с деланным видом того, что только сейчас заметила принесённые официантом бокалы с шампанским, где он за один уже взялся, чтобы его поставить перед Раисой Кировной, намеренно так удивляется такому ходу события, и начинает у официанта интересоваться о том, с чем это связано такая приоритетность его расстановки бокалов и их выбора. – И нет ли у вас неких скрытых намерений напоить меня шампанским именно из этого бокала, а не из его наперсника? – вот так удивительно обозначила свою претензию Раиса Кировна само собой Артуро, кто и стоял за всеми действиями официанта.

Где он того за хорошее быть может вознаграждение, если всё пройдёт так, как я задумал, проинструктировал насчёт этого шампанского – в одном из бокалов будет совсем не шампанское, и я надеюсь, вам не нужно объяснять, в каком – а официант всё-таки хотел бы знать в каком, и что будет в нём, и добился от того своего подчинения. И теперь значит,

Раисе Кировне на собственной шкуре и желудке познавай и убеждайся до какой степени подлец и негодяй Артуро, подсыпавший в шампанское не какое-нибудь средство для своего убеждения Раисой Кировной расстаться со своими прежними предубеждениями против мужского пола и согласиться на все предложения Артуро, даже на самые бесстыжие, а он туда подсыпает пургена, что б вас, Раиса Кировна так пронесло, чтобы вы ничего этому противопоставить не смогли и не успели.

И вот что по другому поводу спрашивается Раисой Кировной ей делать? Правда, не в предусмотренном ею случае. А сейчас она уже своими действиями предупреждает не быть застигнутой врасплох подлецом и негодяем Артуро. Ну а если он окажется не таким, то они ничего не потеряют.

– Да, Артуро? – с хитринкой подмигивает Артуро Раиса Кировна, как это видит Гаврила. А так-то Раиса Кировна более чем серьёзна, и её не устраивает не сама очерёдность постановки перед ней бокалов официантом, а то, что он делает левой рукой, которая, что за неожиданность, оказалась первой на пути к этой очереди. – А подойти к столику с правильной стороны у вас ума видимо не хватило?! – с жёсткой язвительностью во взгляде на растерявшегося официанта смотрит на него Раиса Кировна, душой отдыхая и своей принципиальной позицией давая собой восторгаться Артуро. У кого в приоритете властные и самодостаточные деловые леди, к которым по праву относится и Раиса Кировна. А

иначе он бы с ней за одним столом не сидел.

А Раиса Кировна, всё это замечая со стороны Артура, смягчается к официанту, готовому уже сквозь землю провалиться, и ладно, так уж и быть, оставляйте всё как есть. После чего официант отправляется восвояси, а Артуро и Раиса Кировна переглядываются между собой через поверхность бокалов с шампанским, и давайте, Артуро, за вами первое слово.

И Артуро, мастак выпить шампанского в хорошей компании, тем более с Раисой Кировной, с таинственной улыбкой и явно он что-то задумал, берёт свой бокал, не сводя своего взгляда с Раисы Кировны, поднимает его перед собой, к чему немедленно присоединяется и она, и на полтона пониженным голосом сокровенности говорит следующее:

– Нам не нужны аргументы и обстоятельства, чтобы на их основе создать повод для такого события, которое знаменуется звоном бокалов и брызгами шампанского, мы сами с вами всё это создаём. А раз так, то примем за должное то, что мы есть и нами в этом мире суждено. – Во как загнул Артуро к полному принятию и восхищению Раисы Кировны, всё равно не дающей ему повод для догадок на свой прозорливый счёт. – Я знаю, о каком суждении вы, Артуро, сейчас намекаете. – На этих и с этими мыслями Раиса Кировна почти что одновременно с Артуро, с кем они глаза в глаза друга друга смотрят, подставляют бокалы к своим устам, и начинают совместно впитывать в себя ощущения от поглощаемого

шампанского, которое с каждым глотком привносит удовольствие и эйфорию в организм. И останавливаться на этом так не хочется, мол, пока течёт этот жизненный источник, всё вокруг меняется, а вот в тебе нет, и тогда пусть так продолжается, да вот только на пути к этому возникает неожиданное для Раисы Кировны препятствие в виде чего-то точно не жидкого, а такого краеугольного, что её рот этим предметом затыкается, и ей огромных трудов стоило не выплескать из себя наружу сейчас выпитое.

И Раиса Кировна резко отстраняет от себя бокал в безуспешной попытке устранить причину такой застигнутости себя врасплох тем, что её рот, как шлюз был сейчас заткнут какой-то фиговинной, зрительно необозримой, но материально и физически осязаемой и ощутимой, и на зубовный вкус стального исполнения. А вот выдернуть эту вещь из рта, Раисе Кировне не позволяет её полная растерянность и полнейшее непонимание того, что с ней такое сейчас происходит. А вот искать помощи и правды со стороны Артуро, совершенно неприемлемая для него и глупейшая затея хотя бы по тому, что он в не меньшем чем она шоке и поглуплении при виде того, что она с видом чрезвычайного в себе положения потрясения держит в своём рту с глазами округления навывкат.

А вот что она сейчас держит во рту или в роте, как только ещё и может думаться в таком хаосе мыслей, то этого от Артуро точно не добьёшься, так трусливо он, сжавшись в себя

и вдавившись в стул, выглядит. Отчего Раисе Кировне становится ещё кратно страшней и противней.

– Да что, чёрт всем возьми, у меня во рту, или роте?! – начинает уже психовать Раиса Кировна, ещё не полностью взявшая себя в руки, которые с нерешительностью и дрожью в себе постепенно ею подтягиваются к лицу, чтобы для начала собой ощупать то, что там у него застряло цепко в зубах. А почему Раиса Кировна не выпустит из зубов этот предмет её укуса, то из-за её большой предосторожности. Она боится, что этот предмет будет ею не выплюнут, а проглочен. И будет лучше, если она воспользуется руками.

– Чёта они сильно переигрывают. – А между тем есть и такое мнение в их сторону со стороны Гаврилы, кому со стороны более объективней видней, что на самом деле происходит за их столом. А именно, как это Гаврилой и ожидалось, Раиса Кировна была подловлена на крючок хитрости Артуро или же с её стороны она выловила из бокала кольцо, с помощью которого Артуро собирался поставить точку в их отношениях. А вот какая это будет точка, жирная или со своими многоточиями, то всё от Раисы Кировны зависит.

И как сейчас по её оторопевшему от изумления в сторону вытащенного изо рта кольца выражению всего лица видно, – это что за на хрен такое?! – то она совершенно не была готова к такому развитию ситуации с Артуро. Кто со своей стороны не менее изумлён и потрясён появлением этого кольца вначале в бокале, а затем во рту Раисы Кировны (на счёт

второго момента, то тут любой бы изумился), и при этом не натужно, а очень искренне. Что и вызвало у Гаврилы такой всплеск недоумения.

И если всё рассматривать за их столом не по сценарию Гаврилы, то Артуро и Раиса Кировна, будучи всего лишь деловыми партнёрами, встретившимися здесь для подведения черты в завершении сделки, само собой и это естественно, ничего точно такого из того, что на их счёт Гаврила надумал, не предполагали увидеть. А тут они этим кольцом в бокале в предел подставлены и поставлены некими независящими от них стечениями обстоятельств в такое однозначно трактуемое и для них чуть ли не безвыходное положение, что пойдя тут сразу оправдайся после того, что ты видел и все тут видели, что из себя представляла Раиса Кировна с кольцом во рту, а все подумают обязательно в роте. Её карьере придёт конец. И за это будет отвечать в суде Артуро.

А теперь для этих обоих лиц задачка на засыпку. Какое решение они примут, исходя из не трудно предугадать каких для них последствий?

– Соглашайся, Артуро, с неизбежным. – Хмыкнул Гаврила, глядя на столь потерянного и далеко не такого блестящего и презентабельного Артуро, ещё не будучи в курсе, за чей счёт Артуро выправит своё положение в деловых кругах.

А вот только стоило Гавриле перевести свой взгляд на Раису Кировну, и быть внимательным не только к ней, а к кольцу в её руках, то тут-то Гаврила и осел осёл чуть ли не под

себя от понимания, какая злодейка судьба, подсунувшая его кольцо этой гадине Раиске, несмотря на её даже жуткую пригожесть и большую амплитуду привлекательности. Не собирается Гаврилы пренебрегать своим счастьем, за чей счёт будет строиться счастье Раиски. К тому же его кольцо не самое простое кольцо из ювелирного магазина, а оно заговорённое одной знакомой ведьмой. Побожившейся своим адским богам Гавриле в том, что та, кто наденет это кольцо, век будет его и с ним даже в мыслях не расстанется. А Гаврилу совсем не привлекает перспектива всегда быть мыслями рядом с Раиской.

И Гаврила, находясь на пределе своего бешенства и иступления, к полной неожиданности для всех окружающих срывается с места и с обезумевшим видом и сотрясающим сердца громopodobным криком: «Не трогай! Это моё!», бросается на Раиску, кем она для него уже стала.

А дальше... Шанс берётся за голову, правда фигурально, и переводит на своё ожидание внимание. Где ему, между прочим, если он это забыл специально, отвлекаясь на вот такие посторонние мысли, есть над чем крепко подумать и задуматься. Его здесь ждёт не совсем увлекательное приключение, а он пришёл сюда... скажем так. Для выяснения отношений.

– Ну до чего же муторное выражение. Несущее в себе почему-то всегда негативные характеристики. – Аж поморщился Шанс в сторону всего того, что подразумевает выражение

«выяснение отношений». Где им совершенно не рассматривается это выражение под углом любовной и дружеской симпатии. А здесь обязательно должно присутствовать нечто обратное любви – ваше, бывшая любовь всей моей жизни, вероломство и обман меня в самых лучших чувствах.

– Хотя,.. – всё-таки здраво рассудил и посмотрел на всё собой рассматриваемое Шанс, – здесь рассматривается тоже самое, но только с обратной стороны любви. Где она тебе встаёт спиной как-то для тебя неожиданно, а ты с этим вариантом новых для себя отношений категорически не собираешься соглашаться, вот и ищешь возможность всё повернуть вспять, найдя ответы на запоздалые вопросы о том, почему именно щас всё это случилось, и кто тот тип, ради которого ты меня бросаешь?!!

– Да. – Скрипя зубами, сжав кулаки до побледнения костяшек рук, спросил Шанс не просто воздух перед собой, а фантазийную дымку перед собой в виде образа вероломной своей бывшей. – Кто он такой?! И чем он лучше меня?! И только давай без этого: «Всеми! И точка». Это простые отговорки. Ведь когда в качестве аргументации идут одни обобщения, то тут ответ на этот вопрос лежит не в области личного характера этого кого-то, к кому ты ушла, используя его в качестве ребуса (для меня) и аргумента для того, чтобы меня бросить, а в стороне меня.

– Вот ты и сам себе противоречишь. Впрочем, в правильную сторону. Ты ведь ответил на свой вопрос. – Вечно она

цепляется за мои оговорки самокопания и самобичевания, прямо коробя своей расчётливостью.

– Нет уж. Ты так просто от меня не отделаешься. – А вот это были уже угрозы со стороны Шанса. А вот что они в себе несли, то право ничего хорошего, судя по его озлобленному выражению лица. Где Шанс принялся не просто в воздух перед собой источать сигналы опасности несущейся от себя и всю переполняющую его озлобленность, а он принялся выискивать того, кто сегодняшней вечер надолго запомнит. И совсем не так, как он это предполагал и задолго к нему готовился, погладив костюм, заверив себя в верности намеченного шага и самое главное, понеся существенные издержки в ювелирном магазине, где он прикупил кольцо для своей избранницы.

И Шансу как-то совершенно пофиг, что этот Альфонс на доверии его бывшей, ничего не знал о его существовании в связи с глубокой связью с его, Альфонса, избранницей и может быть уже возлюбленной (я этого не потерплю!), а по сегодняшнему и известному Шансу факту, то пока что его девушки, только с её слов твоей бывшей, и не ищите меня, Витёк, где бы то ни было, я для вас навсегда потеряна.

– Ага. Щас! – вот так язвительно и саркастически с ней соглашается Шанс, как сейчас вдруг выясняется, то носящего имя Витёк. И у Витька есть свой рациональный и стратегический ответ на этот её ребус. – А если я всё-таки тебя найду, как прямо сейчас, то ты для меня не так уж и потеря-

на. – Усмехается Витёк ловкости своего ума и всему тому, что он сейчас представил в ошарашенном при его появлении лице своей не такой уж и бывшей, а всего лишь заблудшей и запутавшейся в своих желаниях и мыслях девушки. А тут он как чёрт из табакерки перед ней предстанет, и она ничего не сможет поделать от вновь нахлынувших чувств к своему Витьку. Кто не так скупен и подозрительно расчётлив при рассмотрении меню, как её новый избранник Альфонс, взятый ею на замену Витьку для того, чтобы попытаться его вытеснить из своего сердца. И как всеми участниками этой ситуации, ещё называемой выяснениями отношений, сейчас выясняется, то никуда не убежать от себя и от своего сердца, уже точно неочевидно, что бывшей Витька.

– М-да. Всё здесь игра. – А вот это он уже сказал вслух, и как это всегда бывает, на этом и попался.

– Какая игра? – в самый неожиданный момент для Шанса, до него из-за спины раздаётся этот вопрос голосом Сони. И понятно, что Шанс застан врасплох и растерян не только по причине такого неожиданного подхода Сони, но и от её, более незабываемого шикарного вида в свете вечернего освещения.

А Витёк не может Соне признаться в том, о чём его сейчас накатило думать и размышлять. И он вынужден говорить ей не ту правду, которая его сейчас на месте взволновала.

– Да я насчёт всего происходящего в этом заведении. – Кивая в сторону входа в ресторанчик, говорит Витёк.

– Вы так думаете? – многозначительно как бы спросила Соня, тогда как на самом деле она, таким образом, выразила своё полнейшее несогласие со своим уже не таким новым знакомым, Витьком. Кто не имел прямого повода посетить это заведение, вот и раздражается и свою отверженность компенсирует критикой этого заведения. А появившись в его жизни та, кто решительно заставила бы его пересмотреть свои жизненные приоритеты и решить немедленно с помощью неё всё в своей прежней жизни изменить, то он бы не так ехидно и с иронией посмотрел на своё посещение этого заведения.

– И да. Чего-то мне совершенно перехотелось с таким настроением идти в это заведение. – А вот теперь Соня, пока что только про себя, перехотела идти вместе со своим знакомым в это заведение и быть свидетелем всего того, что он из себя там собирает корчить. Если он, конечно, не пересмотрит своё поведение и не найдёт для неё нужные, уже для её пересмотра своего решения туда не идти слова. Ну а чтобы Витёк не слишком тупил с этим делом, то она даст ему намёк или подсказку, раз ему её вот такого вопроса оказалось недостаточно.

– Ну, если всё так, то зачем мы так принаряжались? – С печалью и досадой в голосе не просто говорит Соня, а она прямо-таки удручена бесполезной тратой своего личного времени на подбор для себя взвешанного платья, всех этих красок на лице и румяна, и главное, на психологическую подготов-

ку себя на посещение этого, как она много слышала от подруг, фантастического по уровню ожидания, душещипательного по сердечному и физическому состоянию, и эйфорийного в кульминационный момент смятения заведения.

А Витёк, всё это время встречи с Соней пребывающий в сонме сомнений и растерянности мыслей, не дающих ему на чём-то сосредоточить своё внимание, этим вопросом-претензией Сони очухивается от всего этого наваждения, как бы приходя в себя, и наконец-то, обнаруживает рядом с собой не просто Соню, а вот ради него так прихорошившуюся во что-то взезмное прекрасное девушку, готовую, если вы этого ещё не заметили, пойти с вами туда, где может быть опасно. А вы, Витёк, только о себе думаете, и совершенно не цените такой с её стороны вам уступки.

– Вот это да. – Видимо только сейчас заметив и обнаружив всю глубину своей слепоты и глупости, Витёк ничего умней выдать из себя не мог, как эту эмоциональную восторженность и по совместительству банальщину и глупость.

Но это было лучшая для Сони реакция, и Витьку рекомендуется ничего не добавлять, а пребывать в состоянии невнятности и своего смятения. А она сама спросит, что он не договаривает и что хочет ей сказать.

– И что это ваше «да», значит? – исподлобья себя и своей хитрости спрашивает Соня.

– Вы сами того нехотя, усложнили для нас ситуацию попасть внутрь этого заведения. – Витёк выдаёт вот такую уди-

вительную для Сони вещь.

– Это ещё почему? – ничего не понимает Соня, с готовностью отстаивать своё вот такое право на личную самореализацию.

– Очень сложно поверить, что такой охламон как я, смогу добиться ответного чувства у такой как вы. – А вот это было что-то(!) со стороны Витька, как оказывается, то умеющего делать запредельно душевные и сердечные комплименты. И Соня даже на одно мгновение потеряла связь с основами своего стояния, побледнев от головокружения.

– А кому мы должны ещё чего-то доказывать? – вопрошает Соня с долей некоторой агрессии.

– Там, на входе, администратору. Кто будет во все глаза на нас изучающе смотреть и искать то в нас несоответствие принципам их заведения, к чему можно придрататься.

– Но зачем? – так и ничего не поняла Соня, живущая в иллюзии идеальности этого мира, где нет места зависти и коррупции. А вот Витёк не понаслышке знал и видел, что есть жизненные перегибы этого мира.

– Сегодня тут пятничный ажиотаж, когда от желающих сюда попасть нет отбоя. Так что сами сделайте выводы. – Говорит Витёк.

И Соня сделала выводы. – И что нам делать?

– Будем себя вести соответственно. – Даёт ответ Витёк.

– Это как? – а вот что это было со стороны Сони, её наивность или наоборот, большая хитрость, то это Витьку ре-

шать.

– Мы должны выглядеть как пара. – Говорит Витёк, только сейчас вдруг осознав, что, как оказывается, на их пути внутрь этого заведения встают такие большие сложности. И сказать это одно, а вот сделать задуманное, то это совсем другое. И он, глядя на Соню, уже начал понимать, что именно она сейчас будет представлять для него всю эту проблематику. И в этом он не ошибся.

И Соне крайне интересно знать, что Витёк подразумевает под этим своим предложением. Настоятельно выглядеть как пара, или же... Вы только учтите Витёк, я плохо умею притворяться, и если я за что-то берусь, то полностью отдаюсь этому делу. Не сробеете?

А вот что это ещё за такие удивительные предложения, и что это ещё за вопросы такие поступают с её стороны? То этого Витёк понимать по её красноречивому взгляду на себя не собирается. Он не давал ей никакого повода с таким воодушевлением и доверием на себя смотреть (насчёт доверия правда имел место такой разговор, он признаёт, но не более того).

Ну а Соня, видимо догадываясь о слабости мужской конституции, где они только на словах такие из себя все герои, подходит к вопросу выяснения того, чего он всё-таки от неё хочет, с пространственных позиций.

– И как это? – спрашивает Соня.

А откуда это знать Витьку, когда он ещё не смотрел на

Соню, как на свою пару. А параллелить свои отношения со своей бывшей на Соню, это не слишком удачная затея. Если только больше ничего подходящего на ум не идёт. И Витьку приходится делать со своей стороны уступки, раз только одна глупость идёт на ум, и он бегло пробегает по своим отношениям со своей бывшей, пытаясь сообразить и вспомнить, чем они таким характеризовались, чтобы на основании этого можно было назвать их парой.

– Она всегда очень требовательно на меня смотрела, как бы контролируя собой все мои поступки. – Вот что только сейчас вспомнилось Витьку. И этот момент в его отношениях со своей бывшей не только ему не понравился, а он в некотором роде его удручил до такой степени, что он начал подозревать, что может это и к лучшему, что она его оставила. Но внутри Витька, как и у всякого человека живёт большой собственник и эгоист, и его, несмотря на все вот такие плюсы освобождения от невидимого гнёта своей бывшей, не устраивает в этом расставании и своём освобождении один крайне для себя важный момент – не он стал инициатором этого расставания, а она. И тогда получается, что он не по собственной воле оказался свободен, а она его к этому принудила. И с этим Витёк смириться не может.

– Я не могу так смотреть на Соню. – А вот и первое существенное препятствие к осуществлению задуманного для Витька, косо так посмотревшего на такую беззащитную и беспечную Соню, кого ему опытом своей прежней жизни

предлагается ставить в рамки своего контроля. – Тогда... – а вот эта мысль, зачёсанная Витьком рукой в себе затылок, показалась ему перспективной.

– Мы должны при принятии любого решения советоваться друг с другом. И не обязательно словесно, хватит и консультирующегося взгляда друг на друга для согласования будущего решения. – Выдаёт Витёк вот такое своё видение пары.

И Соня, погрузившись на совсем не большое время в обдумывание этого его предложения, в итоге, пожалуй, согласна с ним.

– Буду на вас смотреть ненаглядно, когда вы будете что-то по существу вопроса говорить и спрашивать. – А вот это, такое художественное оформление Соней своего взгляда на Витька, ему ни к чему. Витёк будет сбиваться, горя щеками от осознания того, что на него так пристально и зависяще от него смотрят, и может быть про себя сильно радуются за то, что как мне повезло, что у меня есть Витёк, милый мой защитник от всех невзгод, и он сейчас немедля разберётся с этим надутым индюком метрдотелем.

Вот что про себя Витёк говорил в ответ на эти слова Со-ни, он принялся сбиваться на самые фантастические и удивительные мысли, которые только будут мешать осуществлению им задуманного. Где он должен представлять из себя одну ярость и грубость поглощённого ревностью человека, а тут его сердце до предела размягчают такими неведомыми

им до этого момента вариантами жизни, что он может и задуматься над бессмысленностью своего здесь появления.

Но инерция большая сила и Витёк не может вот так сразу остановиться, тем более Соня так разоделась, и они хотя бы для самих себя должны посетить это, наполненное романтикой место.

– Только сильно не заглядывайтесь. – Усмехается Витёк. – А то сами знаете, что бывает, если долго и пристально смотреть в одну точку.

– И что бывает? – буквально сразу задаётся очень искренне этим вопросом Соня с таким напором, как будто ей важно знать ответ на этот вопрос. И не чисто из любопытства, а она видимо действительно настроилась не сводить своего пристального взгляда с Витька, и ей крайне необходимо знать о побочном эффекте такого своего заглядывания на Витька, о котором он сейчас её предупредил.

А Витёк со своей стороны не сразу сообразил о том, что Соня не все его шутливости в данном контексте воспринимает, да и настроился он уже идти вперёд, что и приводит его к тому, что он не слишком задумавшись о последствиях своего ответа, продолжает как бы шутить.

– Станете одним целым с этой точкой приложения своего ума. – Вот такое говорит Витёк, и начинает вперёд выдвигаться.

А Соня, что-то там про себя сообразила и может даже вообразила, и только после этого последовала за ним. Ну а так

как она гораздо более приметливей и сообразительней Витька, то она сразу ему заметила на первое же с первого его шага упущение.

– Ну если мы так будем идти, то мы сразу себя выдадим. – Говорит в спину Витьку Соня, останавливая его и оборачивая в сторону своей принципиальной позиции на заход внутрь этого ресторанчика.

– А что не так? – ещё и задаётся вопросом до чего же непонятливый Витёк, глядя на Соню с целеустремлённым взглядом на себя, с подбоченными руками.

И разве этому дальше своего носа не видящему человеку что-то объяснишь на словах, его нужно брать под ручки и вести таким образом к финишу. И Соня даже отчасти становится на сторону бывшей Витька, которой приходилось возиться со столь не разумным и нескладным человеком. – Понятно теперь, почему она его бросила. – А вот это уже было кощунственно так размышлять за спиной Витька, то есть про себя. – Она устала всё на себе тащить за него. И по сути, она его не бросала. Он сам потерялся, стоило только ей предоставить ему самостоятельность действий. – Беря в свои руки Витька, в чём-то всё-таки себе противоречит Соня. Хотя быть может у неё сил по более чем у бывшей Витька, с ним уже натаскавшейся, и Соне хочется для себя доказать, что она способна самый неподъёмный груз вынести на своих плечах. А вот такой человек как Витёк, переполненный различными стереотипами и самодовольством в купе с са-

монадеянностью, и представляет собой самый неподъёмный груз для женского ума и организма. Ведь он себя сам никогда не поднимет на уровень здравомыслящего человека без участия в этом процессе женского ума. Вот такая в Соне присутствует философия и инстинктивная мудрость жизни.

Что же касается Витька, то ему даже очень понравился такой к себе ручной подход Сони. А вот критически думать о себе в том плане, что ты, Витёк, всё-таки не свободолюбивая и подневольная личность, раз себя чувствуешь комфортно тогда, когда находишься у кого-то на ручной привязи, то это всё совсем лишне и не нужно Витьку, раз это всё равно ничего не изменит. И он как шёл под ручку с Соней, так и зашёл с ней в холл ресторанного заведения. Где всё не так, как он представлял, стоя у крыльца на входе, и здесь вокруг стойки метрдотеля не толпился народ в ожидании на свой счёт решения метрдотеля, а проход к нему был более чем свободен. Что открывало обзор и просторы наблюдения для метрдотеля в сторону прибывающих в ресторан гостей. По чьему виду тот мог сразу вычислить симулянтов и обманщиков.

И Витёк при виде метрдотеля, только с виду такого занятого и чего-то там у себя на стойке высматривающего, а так-то он за каждым их шагом ведёт наблюдение, чуть было с первого шага себя не выдал, споткнувшись. И как предусмотрительно было сделано со стороны Сони, что она очень крепко его взяла в свои руки, не дав ему соскользнуть не только со своих ботинок, но и с решения посетить этот ре-

сторан. А то бы он без этого с её стороны ручного контроля растянулся бы на полу и само собой с вывихом в ногах. Что потребовало бы вмешательства экстренных служб, увезших бы его в больничную палату, и тем самым спася его от такого необдуманного шага, посетить этот ресторан и понести в нём для себя финансовые убытки.

А тут за него очень крепко взялись и никуда вы, голубчик, от своей судьбы не денетесь.

Что моментально было оценено метрдотелем, с первого на них взгляда увидев не просто крепкую пару, чьи отношения построены на серьёзных и принципиальных основах – женской воли и целеустремлённости к счастью, – а эта пара уже спаяна железной волей её хозяйки, и осталось только одно, оформить эти отношения.

Так что ожидания Витька в сторону предвзятой неуступчивости метрдотеля полностью не оправдались, и они без дополнительных вопросов и сложностей были пропущены и даже доведены до своего места в ресторане. Где они заняли свои места за столиком, и... На Витька видимо запредельно подействовала местная райская и чуточку как в мечтах обстановка, где всё так и способствует отдыху для души и сердца, что он, смотря на всё это в фокусе своего негатива и предвзятости, принялся нервничать и крутить по сторонам головой.

А вот спрашивать Соне о том, что вас, Витёк, так вывело из себя, то это неразумное решение. Разве вы, Соня, не

понимаете, как мне плохо и у меня всё в голове темнеет и кружиться от самых ревностных мыслей. И видеть и найти я сейчас хочу то, что не хочу век видеть. Но я должен это увидеть, и... Я не знаю, что буду делать и дальше с этим жить. Но одно я знаю точно, я смогу дальше жить только тогда, когда этот момент своего исступления при взгляде в бездну переживу. И вы, Соня, мне тут не мешайте. Хотя... – Витёк одёрнул свою руку от руки Сони, к которой он было потянулся за поиском поддержки. И причиной этого стала его рефлексия на вот же она, его бывшей находжение.

Но этого, как сейчас самим даже Витьком выясняется, мало. Он должен знать и найти того, кто заставил (и это точно, и не обсуждается) её так счастливо и великолепно выглядеть, и с таким красноречивым ожиданием смотреть строго перед собой, никуда в стороны и назад не оглядываясь так, как будто она была уверена в том, что ожидаемый ею человек её никогда не подведёт, в отличие от вас, Витёк. От кого я вечно ждала и получала одни только разочарования. И это самое главное, что нас с вами, Витёк, расстало.

А Витёк, не моргающим взглядом на всё это демонстрируемое своей бывшей глядя, и всё это видя и понимая, из внутреннего противоречия и антагонизма не может всего этого принять. А вот как ей доказать обратное и вообще, как подойти к этому вопросу, он не только не знает, а у него специфические взгляды на эту проблему в своём лице. Он непременно хочет знать и видеть ту падлу и скотину, кто по мне-

нию его бывшей, более удобное и подходящее для неё в качестве пары лицо.

И этот козёл, явно подозревая, но пока что не находя с чьей стороны его здесь ждёт опасность (он даже не утрудился поинтересоваться о прошлом своей избранницы, бывшей Витька, у кого, при её то красоте, не может не быть прошлого, и притом опасного и угрожающего всему для неё настоящему), но интуитивно её чувствуя, решил поосторожничать и сразу не нарываться на эту опасность для себя, и затаившись в том же туалете, с этой наблюдательной стороны выяснить для себя того, кто мог бы хотя бы потенциально угрожать ему и всему тому, что он на сегодня наметил в сторону бывшей для Витька, а для него настоящей.

И у Витька, на основании вот такой своей мнительности и паранойи одновременно, возникает мысль о посещении туалета. И само собой не по прямому и естественному его использованию, а с целью обнаружить спрятавшегося там он неминуемой и неизбежной с ним встречи этого козла, на которого его променяла его пока это не доказано и он воочию не убедился, то не совсем бывшая.

– Я сейчас. – Ставит Соню перед фактом своего ухода Витёк, подрываясь с места, и окольными путями от столика со своей бывшей, что б она сразу не обрадовалась, его увидев – фу, облегчённо выдохнет бывшая, – теперь могу вздохнуть спокойно, самое страшное уже случилось, и мне не нужно догадываться, с какой стороны ждать неприятности и скан-

дал; до чего же Витёк предсказуем – и начала соображать, как не допустить до себя и до скандала с собой Витька. Где она обратится к метрдотелю через первого же официанта и укажет им откуда исходит угроза для сегодняшнего спокойствия в ресторане.

– Вон видите того взъерошенного типа. – Укажет на Витька пальцем его бывшая. – Так это он тот самый возмутитель будущего вашего спокойствия.

И Витька без объяснения причин скрутят в бараний рог и выставят вон из ресторана под радостное аплодирование его бывшей и этого её нового прихлебателя всех её желаний, такого всего из себя рафинированного типа, да ещё к тому же лысого. А вот здесь Витёк имел перед ним физические и лично демонстрируемые преимущества – на его голове присутствовала густая поросль волос, без единой между прочим залысины. Впрочем, это как оказывается не преимущество, а его мужской недостаток, указывающий на наличие меньше среднего тестостерона, и его малой подготовленности к жизни с такой стервой, как его бывшая, которой особую радость доставляет вырывание из твоей головы волос, или по крайней мере их поседение через ежедневные нервотрёпки. А это лысый тип заранее об этом позаботился через свою генетику, которая на корню выпиливает из его головы волосы.

– Хорош, что ни говори. – А Витёк умеет отдать должное тому, что этого заслуживает, хоть этим лицом будет его кровный враг.

Вот только всех лысых записывать в дружки своей бывшей не стоит, а его придётся искать по интуитивным ощущениям (это никак не принимаются, если что). С чем и направляются более чем решительно в туалет Витёк.

В общем, у Витька для нахождения самого для себя невыносимого и видеть его век не видеть, и знать не знать человека, о котором он понятия никакого не имел, кроме того, что его бывшая его ему всем предпочла и, бл*ь, возжелала, было не так уж и мало. Одного того, что этот тип была полная противоположность ему, было достаточно для того, чтобы Витьку составить его психологический портрет и найти гада.

– Лизоблюд, тряпка и дамский угодник! – аж губы дрожат и руки в кулаки Витька сжимаются от бессильной злобы и непонимания того, как таких невозможных людей земля носит. И что самое непонятное для Витька, так это принятие этих подхалимов и подлецов за людей достойных женским полом. Кто ничего из такого за ними не видит и не замечает, а вот стоит ему точно такое что-нибудь устроить, так ему будет немедленно и настоятельно замечено той же его бывшей, на недопустимость такого поведения. Вы, Витек, своим издевательским над самой основой порядочности поведением, ставите меня в крайне неловкое и бессмысливающее наши отношения положение. Люди начинают считать, что я не разбираюсь в людях и в особенности в связях, а это их и меня угнетает.

На что Витек сказал бы ей отборными выражениями, по-

слав в далёкие дали этих благожелателей, да вот только нет в этом никакого смысла.

Ну так вот! Витек ещё раз про себя повторяюсь, для своего внутреннего убеждения и уверенности в силах и воли найти этого ненавидимого всей душой типа, для кого мужская солидарность пустой звук и ему важней свой организм и брюхо, ради насыщения которых он готов на всё, зная психотип этого подонка – что нравится мне, ему... она, моя не бывшая, есть всего лишь исключение, а так-то всё нравящееся мне вызывает у него отторжение, и всё остальное в таком же роде – может легко его отыскать в этой массе народа. Нужно только быть более внимательным к окружающим. Плюс и огромный плюс в этом поисковой деле для Витька то, что он был крепко убеждён в том, что этот лицемерный подонок, чем-то взявший его бывшую, был лысым.

– Ни одной лысины мимо себя не пропущу. – С вот такой настойчивостью Витек устремился взглядом перед собой, начав смущать и сбивать с толку встречных людей, не облагороженных пышной шевелюрой, с жидкими волосами с пролысынами, а когда и полноценной лысиной. И одно их спасало от раздражения и зубного скрежета Витька, вылившегося в его злобный взгляд и слова в спину, их не сильная основательность внешнего вида. Где Витек не хотел за этим заморышем или за тем дрыщем признавать того человека, кто несмотря на вот такой свой затрапезный и никчёмный вид, смог быть более чем он убедительней для его бывшей.

И признать этого дрыща за того самого человека, ради которого бывшая растоптала вместе с ним их отношения, это билет в один конец и уму непостижимая для Витька реальность. И он даст шанс своей бывшей не так смущать его ум и сознание, не нападая на первую же попавшую на своём пути лысину.

И только так Витёк решил, так вот же оно! То есть он! А если буквально, то вот он (!), такого рода и представления лысый тип, кто по всем параметрам и по всем характеристикам подходит под самый ненавидимый Витьком мужской психотип. На это мужское лицо все мимо проходящие дамы заглядываются, явно его считая за достойное для иметь с ним дело лицо, а сам он в себе источает ладно бы брутальность и грубую мужскую силу, и беспрекословную волю подчинить себе ваше женское самолюбие и капризы, под которыми ими скрывается и представляется их так называемая независимость и самодостаточность, а этот карикатурный по мнению Витька тип пошёл другим, очень скользким путём, придав себе выразительности и лоску не в качалке, а посещая специализированные на обмане женской природы заведения стилистической, настоящей на барбершопе, модной направленности.

И до такой приторной степени он себя размазал в ту самую пригожесть и godность, которая сильнее всего бьёт по женскому самолюбию и сердечному ритму, что Витьку аж до боли в скулах смотреть на него противно. А если ещё допу-

стить до себя мысль о том, что этот петух крашенный и бриолином прилизанный, имеет успех у его бывшей, и не только в физическом плане, но и в умственном, то Витька прямо всего корёжит от таких представлений этой дуры, своей бывшей поделом. И только то, что он человек сильно злопамятливый, а это не даёт вот так просто отпустить и оставить в покое человека с кем связывало тебя твоё прошлое, не отпускает Витька, оставляя его рядом со своими воспоминаниями и с бывшей, которой он должен прийти на помощь и объяснить ей всю ошибочность её нового выбора.

– Я этого барбера в бараний рог скручу. – Процедил сквозь зубы Витёк, что есть силы сжав кулаки при виде не только лысого затылка этого барбера (а это совсем не противоречие, что Витька противник при своей лысине на бриолинен и частый гость барбершопов, а он там свою лысину делает лощёной всеми этими маслами, предварительно её добривая), чьи ужимки и подмигивания в сторону встречных дам аж импульсируют сердечный ритм Витька, кому до потрясения невозможно сложно смотреть на то, как эти встречные дамы благосклонно принимают подмигивания этого скользкого не только в своей лысине типа.

– Я его прямо в туалете умою под краном, смыв с него этот налёт самолюбия. – А вот это уже был конкретный план со стороны Витька, принявшего себя вести не сильно привлекая внимание и незаметно для этого барбера в первую очередь. И когда Витёк, следующий за ним попятам, зашёл

вслед за ним в помещение туалета, то он не стал бросаться на него сразу с кулаками, или же подходить со спины, чтобы схватив того за шею, сразу его сунуть под кран умывальника, а Витёк направился к одной из кабинок, чтобы там закрывшись, провести рекогносцировку данной местности, и всё-таки убедиться в том, что он не сильно поспешил со своими выводами насчёт вины этого типа.

И как предполагал Витёк насчёт подлости и вероломной сущности этого типа, то он не только убедился в этом, а он стал свидетелем ещё большей обманчивой сущности этого гада, Барбера (так его решил идентифицировать Витёк).

Этот Барбер, как немедленно выяснилось приложившему ухо к щели в двери кабинки Витьком, пришёл сюда не по прямому назначению (это был первый его обман), а для того, что поговорить по телефону за спиной его, Витька, бывшей, в общем, вести личные для себя переговоры с тем некто, о чьём наличии не должна была знать бывшая Витька (это был второй обман). И это было самим Барбером подчёркнуто в своём ведении беседы и разговора с этой некто.

– Это я. – До чего сладко-приторным голосом себя вот так обозначает этот Барбер, что Витьку даже плохо стало от такой перенасыщенности в воздухе глюкозы. – И как его ещё сахарным диабетом не сморило? – шлёт про себя проклятия на голову этого сладостного типа Витёк, на ходу придумывая для него различные, но одного характерного качества эпитеты под этого его я.

А вот его собеседница, бл*ь. так не считает, и она не только не бросает трубку, чтобы запить горькой водой его мантры сладкоречия, а она его слушает внимательно и потворствует всем его разговорам с собой. Что, правда, она ему сказала и ответила, этого Витёк не знает, но может из ответа ей Барбера предположить. А говорит Барбер о том, как он по ней соскучился и до сих пор скучает, и если бы не эта проклятая болезнь, то он бы находился не в своей постели, а в её. Что видимо вызывает не сильно смущённое повизгивание со стороны собеседницы Барбера, с лёгкой иронией ему заметившей о его несколько преувеличенной самонадеянности, которая ею списывается на не здоровое состояние Барбера.

– Но как только я выздоровею, я вам докажу, что я человек слова. – А вот здесь Барбер на удивление Витька проявляет упорство и напористость.

– Посмотрим. – Что-то такое видимо отвечает собеседница Барбера, и он после своего соглашательства со своей собеседницей насчёт её пожеланий ему всего хорошего и здоровья, заканчивает разговор, и с громко выраженной претензией к этому миру: «А теперь меня ждут великие дела!», которые себе позволяли только великие полководцы, ну и некоторые их прихвостни, твёрдым шагом покидает пределы этого помещения, оставляя за собой шлейф запредельной амбициозности и запаха напыщенности. На дух не переносимой Витьком, сидящим на унитазе и чего-то понять никак не могущим, что это ещё за такие дела. И если это такие де-

ла, что они на прямую связаны с его бывшей, и это ещё при наличии у этого Барбера ещё кого-то за её спиной, что даёт ему, Витьку, шанс на контригру, то он немедленно должен что-то сделать.

– А вот предупредить бывшую о таком вероломстве Барбера не стоит. – Очень разумно и удивительно для своего положения рассудил Витёк. – Она мне ни за что не поверит. И даже слова мне не даст сказать, как только меня заметит. – А вот эти его мысли его ведут обратно в общий зал и к своему столику так, чтобы его бывшая не смогла его заметить, а что насчёт Барбера, то... Вот чёрт! – чуть ли не на месте вбивается в пол Витёк от потрясения, как его рефлекторная реакция на увиденное за столом с его бывшей. Где в её собеседниках наличествует не тот лысый Барбер, а в противоположность ему человек с пышной до такой степени шевелюрой, что он сзади длинные концы заплёл в косички. Что, впрочем, не сильно его отличает от Барбера в плане их идеологического содержания – прежде всего я любимый, а всё остальное потом.

Но не этот вопрос стоит на первом плане для Витька. А сбило его со всякого разумного толка и настроения такое на раз преобразование Барбера, надевшего на себя так ловко и незаметно парик.

– И зачем он ему? – ничего не может понять Витёк из происходящего с этим Барбером, у кого может быть только есть неизжитые комплексы насчёт своей лысины, вот он и поль-

зается париком, а вот насчёт того, что сейчас там находится другой человек, то об этом Витёк как-то не подумал, будучи зациклен и сконцентрирован на разгадке загадки этого парика. А когда на чём-то вот так концентрируешь своё внимание, то всего остального не замечаешь, как того же, как вернулся за свой стол в потемнении мыслей и лицом, и всё молча, глядя в одну точку за спиной Сони (не нужно говорить, куда он смотрел).

А Соня хоть и сильно встревожена происходящим с её спутником, как всё-таки натура деликатная и это будет не ко времени и ни к месту его спрашивать, не интересуется у Витька о том, что так его разориентировало. Тем более она отчасти знает и догадывается, что могло стать всему этому причиной. Это его бывшая, для выяснения отношений с которой они сюда и прибыли. И как она сейчас только поняла, то это было слишком не хорошее для неё решение согласиться на его предложение не дать мне пропасть и пасть ниже некуда.

И хотя предложение Витька звучало как-то совсем по другому, Соня, умеющая смотреть вглубь и в корень, всё верно поняла. Не учтя только одного. Какие сложности будет для неё нести это сердечное и душевное исступление своего нового знакомого, кто, пожалуй, не ограничится перебором с выпивкой, где ей по окончании этого забористого вечера ещё и нести это обмякшее в себе, обездушенное тело нового знакомого. О котором она толком ничего и не знает, и тогда

ею будет бесполезно и запоздало спрашиваться, куда его вести, если она не знает координаты и адрес его дома. И тут один только вариант остаётся. Отвести его к себе домой. Что б поутру он оказался для себя в страшном смятении и непонимании насчёт себя. – Где, как, и я это, ничего себе здесь лишнего не позволял?! А?

И как уже начала предчувствовать Соня, её новый знакомый уже взялся за осуществление её дальновидных взглядов и предположений насчёт сегодняшнего вечера, принявшись наливать в свой бокал по самый край заказанного крепкого напитка, и всё пить в одну харю, без её приглашения. А зачем, когда у него есть для этого в визуальной видимости напарница, та, ради которой он сюда и пришёл. А вот кто она, то этого Соня, находясь к ней спиной, не может видеть, а видеть так и хочется при виде того, в каком исступлении при её виде находится её новый знакомый.

И тогда Соня не выдерживает, и делает замечание Витьку в плане того, что одному пить только не в компании выглядит убедительно, а вот если он находится с кем-то ещё, то тут нужно об этом не забывать.

– У меня в горле пересохло. – Очень удивительно оправдывается Витёк, своей словесной хрипотцой придавая основательности и аргументированности своему оправданию. Что, конечно, странно, зная об эффекте действия горячительных напитков, но Соня новичок во всём этом деле и она принимает это оправдание Витька, который к тому же по-

спешил исправить этот просчёт, налив ей того же что и себе в её бокал. А вот дальше всё идёт по той же схеме, и Витёк ничего и никого рядом с собой не видит, сегодня его взгляд сфокусирован на дальноркость, и он в одно горло напивается. А Соне уж придётся как-то самой за ним угнаться, если она этого только захочет.

– Только чуть-чуть. – Приходит к такому решению Соня, пригубив из бокала. И этого для неё было горько-горько так, что Витёк отстранился от своего наблюдения и улыбочиво заметил эту хитрость Сони.

На которую он было хотел ей указать, как его на этом пути вдруг перебивает донёсшийся из-за спины до чего же знакомый голос. – Не я, любимая, а мы. – Вот эти слова доносятся до Витька тем самым сладко-приторным голосом, от которого Витьку вновь становится тошно и до чего же противно. И Витёк, хоть и удивлён умению Барбера из одного места в другое так быстро перемещаться (не иначе телепортируется), он больше не собирается с ним мириться. Он его окончательно достал, и сейчас Витёк с ним разберётся.

И Витёк, конечно, не для храбрости, а что б придать своему взгляду угрожающего лоску и опасности вида, наливает себе ещё один бокал, затем его залихватски в себя вливает, крепко так ставит бокал на стол, и резко поднявшись из-за стола, с тем же напором и рвением к внешней среде и обстановке выдвигается, а со стороны это видится как он надвигается на соседний с их столом стол. И так неожиданно для

занимающих этот столик людей, что когда Витёк с предупредительными словами: «Лишних стульев не бывает», занимает один из свободных стульев, стоящих сбоку от этой парочки за столом, что они сразу и не поняли, как оказались совсем не наедине друг с другом, а рядом с ними, чуть ли не в качестве посредника всех их действий, находится ещё кто-то с таким любознательным и нахрапистым мурлом.

И, конечно, сперва всех сидящих людей за этим своим, между прочим, столиком вогнало в умственный и физический ступор это проникновение за свой внутренний и личный занавес некоего мурла, где он (Барбер по идентификационной модели Витька) и она в своей потерянности и бледности переглядываются между собой, и возможно из-за препятствия на этом их пути друг другу, длинного носа этого мурла, не могут для себя решить вопрос понимания происходящего с этим вмешательством в своё личное пространство мурла (уже то, что насчёт мурла у них был полный консенсус, большое для них было достижение).

И тогда Барберу, а кому же ещё, приходится брать на себя функции мужика и решалы за этим столом, если он, конечно, не трус и не хочет потерять свою спутницу до сего момента, появления этого мурла за их столом. У кого есть явные намерения завоевать интерес и внимание у спутницы Барбера (что отчасти уже получилось; она со всем вниманием и заинтересованностью, во все глаза смотрит на это мурло) и при удачном стечении обстоятельств, это если Барбер

не проявит мужества, а одну лишь свою либеральную суть – каждый человек, в том числе и такое мурло, имеет право заявить о себе и претендовать на внимание моей девушки; мы с ней ещё не обручились, и судя по всему, никогда этого не будет, раз на неё падучи вот такие мурло (они будут мешать моему перемещению по жизни) – то можно и отхватить самый лакомый кусок от этого пирога (это так это мурло фигурально выражается, не сводя своего взгляда с местного пирога, спутницы Барбера).

– Ты кто? – задаётся претенциозно вопросом Барбер, только на это и решившись в своей демонстрации решимости.

А этот спрашиваемый Барбером кто (Витёк, если забыли, а за этим столом его никак не знали) и ухом не ведёт в сторону Барбера, ему интересней смотреть на его спутницу, так в себе интересно теряющуюся под его пристальным взглядом.

И Барбер оказывается в крайне сложной и неприятной для себя ситуации, когда его вот так открыто игнорируют, тьфу на тебя, и ему нужно немедленно что-то предпринять, чтобы быть услышанным и не оказаться на обочине дороги, куда его начал постепенно вытеснять этот наглец с длинным и до чего же настырным носом.

– Я вас спросил! – с нотками истеричности повышает голос Барбер, на этот раз вынуждая Витька проявить к нему сочувствие и значит, обратить на него внимание как на надоедливую муху. И Витёк с такого рода выражением лица по-

ворачивается к Барберу, в упор в его сторону смотрит, пытаясь рассмотреть в этом пустом месте что-то подобное на человека, и раз тот об этом заявляет, то он так уж и быть, даст тому возможность быть им.

– И что? – с пронизывающим равнодушием и мне по фигу, вопросом на вопрос отвечает Витёк. И Барбер ещё сильнее растерян и расстроен от непонимания того, что дальше делать и как ему быть.

А Витёк не бесчувственная скотина, а он может и снизойди до человека, пусть и амёбу. И раз Барбер сам не может для себя объяснить ситуацию с собой, то он ему придёт на помощь.

– Вы мне решили отказать вправе подумать над этим, не самым простым, а с философским подтекстом вопросом: «Кто я?». – Во куда загнул Витёк в своём искреннем непонимании людей, кто задаёт глубинные вопросы этики, а сам при этом требует немедленного на них ответа. И Барберу, если он человек этически и культурно утончённый, а не какое-то мурло (кто как обзывается, так и называется, если сказать по простецки, а грамотно и образованно, то в каждом твоём выражении имеется личный контекст, и Барбер, имея на счёт Витька вот такие самопроизвольные взгляды, и не важно, что с провоцированные самим Витьком, тем самым выдавал вслух свои личные комплексы) должно быть стыдно и совестливо за вот такие безосновательные свои поспешности в сторону в первый раз им увиденного человека, на кого он,

совершенно не зная о нём ничего, уже навешал ярлык своего целеполагания, а уж только затем прикрепления к одной из характеристик человеческого типажа.

И судя по тому, что Барбер ничего из того, чтобы его оправдывало не произносит, а попросить прощения за свою неделикатность обхождения он, видите ли, не считает нужным, то от него не стоит ждать нравственного поступка. А вот его подружка, очень жаль для Витька, что он так и не знает её имени (пусть будет Лаванда, так она из себя источает этот цветочный аромат), способна на такой поступок, и ей становится несколько совестливо за мужлана Барбера, кто, не разобравшись в сути происходящего дела, уже готов всех собак спустить на этого, с виду ничего и как вроде культурный, человека.

И она еле уловимым Витьком кивком, а Барбер, всё это видя, пусть подавиться от своей попёрхнутости при виде этого знака внимания Лаванды этому хамски ведущему себя типу, теперь понятно Барберу, по какой причине к ним подсевшему (тут нет никакой случайности, а это тип близок и знаком Лаванде, и имеет цель дискредитировать её в моих глазах, чтобы значит, избавиться от меня, большой помехе для их отношений), даёт тому понять, что они, а частности она, извиняются за эти нападки на него – сами понимаете, мы были застигнуты врасплох вашим появлением – и мы готовы вас выслушать.

Ну а Барберу, уже закипевшему в себе, всё же ничего дру-

того не остаётся делать, как присоединиться к этому призыву Лаванды. – Ну, мы тебя слушаем. – Что-то такое себе в нос бурчит Барбер, чья лысина уже вся в испарине, и сверху на его лоб начинает натекает пот ручьями.

Ну а Витёк, получив для себя площадку для выступлений, для укрепления своего за этим столом положения откидывается на спинку стула и с вальяжным, и чуточку хамовитым видом посмотрев на Барбера, вот что ему заявляет в качестве пояснения своего здесь появления с одной стороны, и с другой, это у меня такие закидоны. А вот что на самом деле, то это вам, лысый тип, решать.

– Я, – с большой буквы себя обозначил Витёк, и не только по правилам правописания, где первая буква предложения пишется с большой буквы, – твоё последнее препятствие на пути к счастью и может быть к ней. – А вот что сейчас себе позволяет и позволил этот хам с большой буквы, Витёк, беззастенчиво тыкая словами в лицо Барберу, к чему добавляя его с Лавандой зависимость от себя и своих решений, где он подчеркнул всё это итоговым указанием на Лаванду, то это уже выходит за все рамки приличий и этических основ ведения разговора. И если бы не необходимость Барбера умыться от льющейся с головы накипи потовых выделений, чего как раз и преследовал в его сторону Витёк, и это у него получилось, то он бы сказал ему много чего хорошего. Но крайняя необходимость осушить свою голову от всего этого волнения, вызванного раздражением и ознобом на вот та-

ких самонадеянных и циничных людей, что грозило ему захлебнуться в своей бессильной злобе, и всё на глазах Лаванды, кто не простит ему ни за что такого ухода в самозащиту, оставляя её один на один с этим типом, не дала Барберу возможности хоть как-то перебить этого типа.

А тому только этого и надо, и он продолжает нагромождать причин и их следствий быть для Барбера самым невыносимым для себя человеком.

– Я идеалист и морализатор, если всё обо мне обобщить. – С подчёркиванием в себе большей, чем вам это представляется значимости, так себя обозначает Витёк.

Здесь Барберу так и подрывалось его спросить, что всё это значит, но Витёк в этом его праве ограничил тем, что предупредил его в этом вопросе.

– И моя мораль такова, – берётся за пояснения своих утверждений Витёк, – нет счастья там, где нет за неё борьбы. – Здесь Витёк и непознаваемая Барбером, кроме как запредельная наглая личность в одном лице, делает многозначительную паузу, которая предоставляется именно ему, Барьеру, как тот должен в первую очередь понять по запредельно внимательному к нему взгляду Витька и подонку в одном лице, где ему даётся время подумать над этими словами, и на свой счёт их записав, осознать, что всё это может значить. А мы с Лавандой значит, со стороны посмотрим, как ты справишься с поставленной задачей. К примеру, можешь мне морду набить, чтобы продемонстрировать в се-

бе брутальность, и тогда у тебя с Лавандой всё срастётся, а вот если ты решишь пойти другим путём, истерично начав звать метрдотеля: «Помогите, мне тут мешают проводить в жизнь заведомо обречённые на провал планы!», то имейте в виду Барбер, что лестница тут сильно скользкая, и она всегда собой подскальзывает вот таких безвольных людей, как ты, Барбер.

И Барбер усёк, на что ему намекает и сейчас указывает эта сговорившаяся так быстро парочка людей за его столом. И ладно уж этот незнакомец, от которого всякого ожидать можно, но Лаванда(!), как она могла и почему захотела переметнуться к этому типу?! Что он ей пообещал такого, сигнала ногами под столом, что она без оглядки на разумную мотивацию и нравственные аспекты своего вероломства приняла все его предложения. И Барбер решает пока что молчать и выказывать в себе непонимание и несогласие со всем тем, к чему его тут подбивают настырно понять и принять.

Что ж, аж хочется тяжело вздохнуть в демонстрационных целях Витьку при виде такого упорства Барбера быть зацикленным на себе человеком. Но при этом он всё же продолжит свою незаконченную мысль.

– Так ты готов за него бороться? – со всей прямолинейностью тогда Витёк спросит Барбера, если он не хочет намёков понимать.

А Барбер не собирается вообще ничего понимать из того, что по его взгляду ему навязывается (а что ему предлагает

Витёк, всё к этому относиться). И он с искренним недоумением несколько сбивчиво путается в ответе:

– Я...это...не понимаю.

На что со стороны Витька следует очень ловкий ход конём, как назвал бы его сам Витёк. Он обращается с вопросом к Лаванде, оставляя Барбера за бортом общего внимания, и если ты, гад, дальше будешь упорствовать в своём инфантилизме, то мы всё без тебя тут порешаем.

– А вы? – обращается с этим вопросом к Лаванде Витёк.

А что она? А она не скрывает своего сожаления за нерешительного и такого безвольного Барбера. А вот насчёт себя, то она на всё готова, так звучит крепко и уверенно её «Да». И так как её ответ даётся без какой-либо оглядки на Барбера, то не трудно догадаться, что в себя включает эта её решительность добиваться для себя счастья: «С вами или без вас, Барбер, а приду к своему счастью».

И естественно это и уже ожидаемо всеми лицами за этим столом, что Витёк, этот провокатор для Барбера, на всём этом не останавливается, а он идёт дальше со своими провоцирующими Лаванду на пересмотр своих взглядов на своё былое отношение к Барберу вопросами и предложениями.

И Витёк уже этого нисколько не скрывает под своими аллегориями и подтекстами своих вопросов.

– А теперь мой главный посыл и выходящий из него тезис. – С долей эпичности озвучивает своё предисловие к главному Витёк. Здесь делается кульминационная пауза и

ВОТ ВАМ НА ВАШИ ГОЛОВЫ МОЙ ПОСЫЛ:

– Не сотвори себе кумира. – С тем же мифическим пафосом озвучивает эту отсылку к одной ветхой мудрости и к обоснованию иметь одно доверительное мировоззрение Витёк, кем себя тут возомнивший(пророком!) по раздосадованному и негативному мнению Барбера, на кого теперь во все глаза смотрит Витёк, и не трудно понять зачем и на кого он тут намекает.

– Да, да, на тебя паразит. – С вот такой сермяжной правдой жизни сверлит взглядом Витёк Барбера.

А Барберу возмутительно уже одно в свою сторону понимать – это что ещё такое вы позволяете?! Что ещё за кумовство за такое или кумирство?! – а тут его ещё и оскорбляют в довесок. А это говорит о том, что у утверждающего нет оснований и достойных аргументов для подтверждения собой утверждаемого, вот он и опускается до оскорблений.

Но не тут-то было, и у Витька, как оказывается, есть все эти доказательства закумирования своей нравственной и деловой сути Барбера.

– А паразит вы потому, что все кумиры паразитизируют на своей известности и личности. – Во как оказывается. А Барбер и не думал основательно над проблематикой известных до степени кумиров личностей. И он по своему посрамлён Витьком, более его, как оказывается, разбирающийся в антропологии людского менталитета.

Но, впрочем, хватит и достаточно призывать Барбера к

тому, чего у него не было никогда и не будет, душевного здравомыслия, а у него вместо сердца наличествует только расчёт. И Витёк опять оставляет за бортом своего внимания Барбера, само собой со своим тьфу на вас, и переводит своё внимание на Лаванду. Кто отчасти уже заждалась его и ждёт от Витька разъяснения озвученной им загадки, которая в качестве подтекста содержится в его заявлении.

А вот с такими глубоко заглядывающими и думающими как надо людьми приятно иметь дело Витьку. Вот он и заглядывает с надеждой на него смотрящие глаза Лаванды, ждущие от него слов спасения от самой себя, готовой на глупости от своих сердечных терзаний и бросаний из стороны в сторону и в самое пекло, которые становятся следствием одиночества и не нахождения себя, а тут появился он, и в её сердце разгорелся огонёк надежды на выход из этой безысходности. А Барбер предлагал совсем другое, и как ею интуитивно чувствовалось, то не то, что ей нужно. Заполнить душевную и сердечную пустоту рациональной конфигурацией.

– Так вот, слушайте. – С таким предисловием к самому главному смотрит на Лаванду Витёк, и всё, я начинаю. – Вы, – обращается к Лаванде Витёк, – зная, что выбранный вами человек, так сказать, претендент на ваше счастье, взяв за основу защиты своего выбора тезис «человек не без греха», продвигает их в жизнь, готовы ли смириться с погрешностями и самими грехами своего этого номинального спутника? – На этих словах Витёк без всякой культуры и этике-

та поведения не просто кивает в сторону Барбера, за кого он сейчас предполагал в качестве этого греховного спутника Лаванды, а прямо в него своим острым носом ткнул и мол, Лаванда, на него ещё разок тщательно посмотрите и сопоставьте свои ожидания на его счёт с настоящей реальностью.

А Барбер считает противоречащим его личной конституции вот такие анализирующие и изучающие взгляды на себя, и ему оскорбительно видеть, когда тебя так открыто оценивают, не считаясь с твоим мнением. И даже вам, дорогая Лаванда, я не сделаю исключение из этого моего конституционного правила.

Но кто его слушает, когда Витёк так требовательно убедителен, а вам, Барбер, не советую лично вести себя неугомонно и строптиво, а иначе мигом будете записаны в некондиционный товар. А если вас сильно волнует непонятное совершенно для вас ваше сравнение и чуть ли не запись в некий товар, то для особ не сильно облагороженных интеллектом поясню: вы полностью соответствуете этом эмитенту права личности и его хождения, являясь одной из составной частей цепочки кругооборота мировых ценностей «товар-деньги-товар». Что, впрочем, вы можете опротестовать, доказав, что добиваетесь поставленной цели без использования денег.

– Так что, смогёте? – поставит вопрос ребром Витёк. А Барбер, и растеряется, загнанный очень умело Витьком в угол демонстрации умения импровизировать своей лично-

стью. Где он и забыл, а может и не знал никогда, как добиваются успехов без финансовых вложений.

Но всё это были личные страхи и опасения Барбера, остро всегда чувствующего, когда идёт угроза его кошельку. А она всегда наличествует и идёт со всех сторон, вот Барбер и параноит по немногому. Тогда как угроза шла совсем с другой стороны, и Барбер был застигнут Витьком в который уже раз врасплох.

А Витёк, вместо того, чтобы покуситься на самое для Барбера святое, берёт и начинает приземлять Барбера через его личность.

– Такими, – плавно переходит на личность фигурального спутника Лаванды Барбера Витёк в продолжении своей мысли о той греховности её спутника, с которой ей придётся не только смириться, но и жить, – как его чавканье за столом. – На этих словах Витька Лаванда с концентрированно на глотательных элементах лица Барбера в него упирается взглядом, а тот, не имея возможности ничего словам Витька противопоставить, хотя у него полон рот возмущений (когда, бл*ь, я чавкал?! И что это ещё за инсинуации, я человек воспитанный и не позволяю себе за столом быть невежей и тем более различные звуковые сигналы своего наполненного желудка в качестве утверждения его насыщенности) и он в качестве контраргументации чуть было не поперхнулся такое услышав.

Но уже поздно, и этот момент за ним зафиксирован, и Ви-

тёк идёт дальше в своём безосновательном обвинении Барьера во всех смертных грехах.

– Скрывает свою истинную суть, гад. Значит виновен. – Утвердив понимающим всё за Барбера взглядом, Витёк перешёл к следующему блоку обвинений Барбера и его личности в земных грехах, с которыми жить он навязывает Лаванде, видимо посчитав, что сумеет купить её благосклонность. В общем, запредельно расчётливый гад.

– Запредельной педантичностью, – начинает перечислять Витёк то замеченное им за Барбером всего лишь за пять минут с ним общения, а представьте Лаванда, сколько всего в нём такого субъективного ещё скрывается. И Лаванда представляет, со свойственной Барберу (клин клином вышибают) педантичностью на него теперь смотря и соображая. – Самолюбием, где он не может на себя ненаглядного насмотреться, во все зеркальные поверхности на себя любуясь. Та в ту же ложку. – Вот такое заявляет Витёк, и как умелый манипулятор, всё знающий о человеческих рефлексах, бросает взгляд на лежащие на столе перед Барьером столовые приборы.

И Барбер следует своим рефлексам, и на них ловится Витьком, посмотрев в сторону столовых приборов, в частности в сторону ложки. А смотреть на Лаванду и сокрушаться над тем, что я это, рефлекторно, уже ничем не поможет. И Лаванда видит подтверждение словам Витька.

– Так оно и есть. Никого не любит, кроме самого себя. – Аж смотреть на Барбера Лаванде противно после ею увиден-

ного сейчас, и вспомненного в прошлом, когда этот негодяй в ироническом ключе её отталкивал от зеркала, мол, дай и мне на себя посмотреть, и попытаться понять, что ты нашла во мне. Тогда как всё это был её обман, и Барбера интересовал только он сам, и ему было по фиг, что она в нём сочла для себя интересным, ему важно только своё мнение о себе.

– И главное, – Витёк между тем не останавливается, а у него есть ещё не только чего сказать насчёт Барбера, а самое главное, что заставляет замереть в нервном ожидании и оцепенении его слушателей за столом. И давай Витёк, не томи и не трави душу, говори всё как есть. – Его насыщение и наполнение собой вашей жизни, с незримыми требованиями и замечаниями к вам – делай то, не делай этого – не даёт вам свободно продохнуть. Где вы раньше его тяжёлое и всеобъемлющее дыхание считали за его невозможность на вас надыхаться, но затем-таки догадались, но ещё пока что себе не признались, что вы дышите продуктами вторичной переработки его организма. Что и становится причиной для туманности и тяжести ваших мыслей. – На этом месте Витёк замолкает, чтобы дать время и возможность переварить собой всё сказанное в первую очередь Лаванде, а Барбера не спрашивают.

Впрочем, если он хочет поучаствовать в этой дискуссии на свой счёт, то Витёк готов предоставить ему такую возможность, беря со стола бокал с минеральной водой, в который он опускает появившийся из своего ниоткуда цветок созрев-

шего одуванчика, и пододвигает его к самому краю стола, где как раз сидит Барбер. И значит так, если вы хотите в свою защиту, и защиту своего самого лёгкого как на самом деле дыхания высказаться, то вот вам тест: если ни один лепесток с него не будет вами сдут, то, пожалуй, мы с вами согласимся, ваше дыхание легче лёгкого.

Ну а у Витька есть и свои между прочим дела. И он со словами: «Посмотрим, сколько простит целым этот символ вашего терпения», поднимается из-за стола, глядя на Барбера, кто и пошевелиться теперь боится, а что уж говорить о том, чтобы вздохнуть и не дай бог выдохнуть. В общем, находится в полном распоряжении Витька и Лаванды.

А так как у Лаванды есть и будет ещё время понаблюдать за сознательностью Барбера, а Витька всё-таки ждут, то Витёк себе не простит, если он не скажет Лаванде всей правды о Барбере.

– И да! – вспомнив что-то важное на пути к своему уходу, Витёк задерживается на месте, переводит взгляд на Барбера, и вот что ему, а по факту Лаванде говорит. – Смотрите прямо также, как заглядывались по пути в туалет на одну блондинку. – И на этом всё, все фигуры расставлены на этой шахматной доске, и Витёк, знаково подмигнувший Лаванде: «Воспользуйтесь данным вам мной шансом на расставание», возвращается к Соне. А Соня, ожидаемо обстоятельствами такого ухода и своего бросания на произвол своего душевного переживания за своего нового знакомого, ведущего себя

мало сказать неадекватно, сильно нервничает, волнуется, а с виду сердится на Витьку, только о себе и думающего, хоть и в таком безрассудном ключе. Так что Витьку требуется немедленно её успокоить, а то она может быстро решить, что ей нет никакого смысла больше здесь оставаться. Вы и сами без меня справитесь со своей стрессовой ситуацией, разбив себе голову. И моя помощь в этом вам не понадобится.

– Простите меня, я сегодня не в себе. – Обращается к Соне с этими словами прощения ещё не совсем потерянный для её общества Витёк, смотря на неё хоть и замутнённым, но зато очень искренним и с просьбой о помощи взглядом. Ну а что может поделать Соня, когда видит то, как в ней нуждаются? Дать ещё один шанс Витьку.

– Постараюсь. Но буду к вам внимательной. – Делает предупреждение Витьку Соня, озвучивая ему условия своего ухода, если тот будет ею пойман на чём-то ещё похожем.

А Витёк, пока видит перед собой Соню, а не ту стерву, свою бывшую, чувствует себя уравновешенно и спокойно. И он способен даже на разумные вещи, спросив Соню об объекте их поиска, засевшем в её голове человеке Поли.

– Скажите, – обращается к Соне Витёк, позволяя себе в своём раздёрганном состоянии более чем ранее он себе позволял откровенные вопросы, явно ему надурманенные своим погружением в нестабильно эмоциональное состояние, – вас с ним что-то ещё связывает, кроме с вашей стороны симпатии к нему?

А Соня и сама в себе чувствует возможность быть открытым с Витьком, сейчас видящимся ею в дымке доверительного облачения. – Мы с ним родственные души. – Вот такой, более чем самонадеянный, ответ даёт Соня.

– Это интересно. – Отвечает Витёк, во все свои глаза смотря на Соню, пытаясь высмотреть в ней то, что отвечает в ней за это утверждение. Большое желание принять желаемое за действительное, или ей нужен был аргумент для обоснования своего поиска этого Поли. Но тогда зачем? А вот этот вопрос встал перед Витьком, склоняющемуся ко второму варианту понимания Сони.

– Что ж, – почему-то вздыхает Витёк, – у нас будет возможность проверить на практике верность этого. И если это так, то вы будете для нашего поиска путеводной звездой. Вы, как родственная душа, лучше знаете, куда может направиться Поли. Кстати, как думаете, здесь его не может быть? – а вот это был отчасти провокационный вопрос со стороны Витька, заставивший Соню рефлекторно одёрнуться и начать смотреть по сторонам. Тогда как Витёк получил для себя ограниченную её отвлечением свободу действий. Где он себя разбавил новой порцией горячительного напитка, оправдывая это тем, что он не может трезвыми глазами смотреть на то, как буквально подрывают все основания быть самим собой и трезвым.

И это делает, как давно не трудно догадаться, его бывшая. На кого он опять мутным на своей прежде всего предвзято-

сти, а затем уже под воздействием выпитого взглядом смотрит, и начинает постепенно темнеть в глазах и разуме при виде того, что происходит за столиком его бывшей. Где её новый ухарь, какой-нибудь Санчес, раз он заплетает волосы в косички, со всех внимательных и предупредительных сторон обложил его бывшую, и не даёт ей шага сделать без своего на то участия. И даже захоти сейчас его бывшая отлучиться в туалет, то этот гад и сволочь, её одну туда не отпустит, вызвавшись её туда проводить под весьма резонным предложением: «Мне тоже туда приспичило сходить».

– А это только об одном говорит. – Всё понял за этого типа Витёк. – Он должен держать её под неусыпным контролем. Чтобы она не сорвалась с крючка и приняла его предложение. – На этом месте Витёк сильно задумался. И не над ответом на вопрос об этом предложении Санчеса, оно за раз им раскрыто, – хочет гад, предложить ей руку и сердце, которое у меня есть в отличие от вашего прежнего дружка, Витька, – а над тем, выпить ещё или пока что удержаться в настоящих рамках. – И да, кстати, откуда он знает меня? – а вот этот момент заставляет Витька посмотреть на ситуацию с появлением Санчеса через призму конспирологии.

– Этот Санчес, не просто какой-то случайных прохожий, ясно что прощельга и прохиндей, попавшийся на одном из путей мой бывшей. – В фокусе рассмотрения Санчеса в конспирологической версии – я на самом деле не причём в разрыве с бывшей, за всем этим стоит заговор спецслужб, или

на худой конец заговор женской природы, которой уж точно никогда не угодишь – а он из агентов спецслужб, кто работает на женском доверии. На подобие агента 007. – Во куда занесло Витька в своём рассуждении о женском коварстве прежде всего, а уж затем об объяснении и нахождении причин для его с ней разрыва. Где, по мнению Витька, и как он это всё помнит, ничего не предвещало жизненного шторма и вот такой трагедии, и раз, ему шлют письмом отворот-поворот. И с какой стати им крепко сейчас спрашивается?

А вот сейчас Витёк увидел этого Санчеса, и для него всё стало понятно и всё встало на свои места. – Это не она была инициатором этого письменного послания. – Вот так всё понял, рассудив, Витёк. – Хоть с неё и станет. А за этим её решением стоял этот Санчес, под чьим конспирологическим именем работает агент 0013. – На этом месте Витёк пронизывающим любые преграды на своём пути взглядом уставился в этого Санчеса, чью лживую натуру он на раз вычислил, а сейчас своим рентгеновским взглядом доберётся до самых основ его души и личности. Со своим побочным эффектом, он прожжет дырку в костюме Санчеса своим упорствующим на своём взглядом.

И это не фигура речи, а когда ты в чём-то запредельно уверен, чуть ли не фанатизируя на ней, то даже самые фантастические желания могут осуществиться. Что так и вышло, с небольшим отклонением. Витёк не дырку прожёт в костюме Санчеса, а его костюм получил не менее существенные по-

вреждения, испачкавшись упавшими каплями вождления Санчеса в виде сока, который он пригубил демонстративно перед бывшей Витька, как бы ей показывая, как его бросает в жар и душевную тоску при её виде. А тут такая несогласованность действий его глотательных механизмов и неприятность, слишком много он захлебнул, и часть отпитого пошла мимо рта и прямо на дорогуший костюм.

Что не заметить совершенно невозможно, особенно Витьку, несмотря на его сильную удалённость от стола со своей бывшей, где он наполнился удовольствием и радостью за такой конфуз по делу этого Санчеса. – А нечего заглядываться и возжелать ближнего своего. – Усмехается Витёк, всё же не перестающий удивляться одновременно такому хорошему обеспечению разведок и их трат своих ресурсов вот так без толку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.